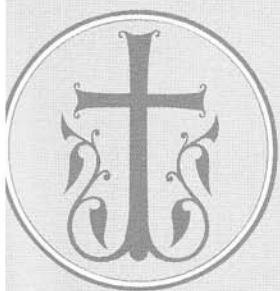

№ 4 (7) 1998

Церковь и время

НАУЧНО-БОГОСЛОВСКИЙ И ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

К 70-летию со дня рождения
митрополита Ленинградского и Новгородского
НИКОДИМА (Ротова)

- *Архиепископ Новгородский и Старорусский ЛЕВ*
«ОН ВСЕХ НАС ПОДНЯЛ С КОЛЕН»
- *Митрополит Ленинградский и Новгородский*
НИКОДИМ
ПРАВОСЛАВНОЕ ПОНИМАНИЕ
ВСЕМИРНОГО СОВЕТА ЦЕРКВЕЙ
- СЕРБСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
И ЭКУМЕНИЗМ
- КАНОНИЗАЦИЯ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ:
ЗА И ПРОТИВ

*Вникай в обстоятельства времени.
Ожидай Того, Кто выше времени.
Священномученик ИГНАТИЙ БОГОНОСЕЦ*

ЦЕРКОВЬ И ВРЕМЯ

Научно-богословский и церковно-общественный журнал

№ 4 (7) 1998

**Журнал издается Отделом внешних церковных сношений
Московского Патриархата**

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информации
Российской Федерации

Свидетельство о регистрации № 922 от 13 июня 1991 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Митрополит Смоленский и Калининградский КИРИЛЛ

Заместитель главного редактора:

Иеромонах Иларион (Алфеев)

Члены редакционной коллегии:

Протопресвитер Виталий Боровой

Архимандрит Елисей (Ганаба)

Священник Всеволод Чаплин

Священник Владимир Кучумов

А. С. Бувеский

Ответственный секретарь:

Е. Ю. Петровский

Выпускающий редактор:

И. В. Соловьев

Адрес редакции:

113191, РОССИЯ, Москва, Даниловский вал, 22

Отдел внешних церковных сношений

Редакция журнала "Церковь и время"

Телефакс +7-095-230-26-19

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнения авторов статей, помещенных в журнале,
не всегда совпадают с мнением редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК ЦЕРКВИ

**К 20-летию со дня кончины
митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима**

<i>От редакции</i>	7
<i>Архиепископ Новгородский и Старорусский Лев</i> «Он всех нас поднял с колен»	9
<i>Архиепископ Клинский Лонгин</i> «Он был истинным отцом для многих из нас»	25
<i>Д-р Фэри фон Лилиенфельд</i> «То, что Церковь разделена, это большое горе»	31
<i>Митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим</i> Русская Православная Церковь и экуменическое движение	39

ПРАВОСЛАВИЕ И ИНОСЛАВИЕ

Сербская Православная Церковь и экуменизм

<i>От редакции</i>	55
<i>Епископ Бачский Иринеи (Булович)</i> Сербская Церковь и экуменизм	56
<i>Епископ Захумско-Герцеговинский Афанасий (Евтич)</i> Православный экуменизм	63

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ДОКУМЕНТАХ

<i>От редакции</i>	75
--------------------------	----

Обращение Патриарха Московского и всея Руси и членов Священного Синода от Российских епархий от марта 1993 года	78
Послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви к 75-летию убийства Императора Николая II и его семьи	79
Открытое письмо министру печати и массовой информации РФ от апреля 1993 года	82
Совместное заявление Предстоятеля Русской Православной Церкви и министра внутренних дел РФ	83
Совместное заявление Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Верховного Патриарха-Католикоса всех армян Васкена I от января 1993 года	86
Послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II Высокопреосвященному митрополиту Ставропольскому и Бакинскому Гедону, клиру и пастве Ставропольской епархии, всем жителям Северной Осетии и Ингушетии от января 1993 года	87
Встреча Патриарха с Шейх-уль-Исламом	88
Обращение Предстоятелей двух братских Церквей (Русской и Грузинской) от июля 1993 года	90
Совместное заявление от ноября 1993 года	92
Заявление Священного Синода от мая 1993 года	94
Заявление Патриарха Московского и всея Руси Алексия II от февраля 1994 года	96
Послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия II	98
Миротворческая встреча в Московском Свято-Даниловом монастыре	99
Слово Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на открытии Первого Всемирного Русского Собора 26 мая 1993 года	100

Обращение от октября 1994 года	103
Резолюция Первой Всероссийской конференции «Православие и Российская армия»	105
Заявление Патриарха в связи с трагическими событиями в Чечне от декабря 1994 года	107
Воззвание межконфессиональной Конференции «Христианская вера и человеческая вражда» от июня 1994 года	108
Итоговый документ конференции «Христианская вера и человеческая вражда»	110
Заявление от июня 1994 года	118
О встрече Святейшего Патриарха с лидером мусульман Чечни	120
Заявление от декабря 1994 года	121
Встреча духовных лидеров Армении и Азербайджана при посредничестве Русской Православной Церкви	122

АРХИВ

Из переписки Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) и митрополита Евлогия (Георгиевского), Управляющего православными русскими церквями в Западной Европе

Документы из Архива Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата	124
--	-----

БОГОСЛОВИЕ

<i>Иеромонах Иларион (Алфеев)</i> Творения преподобного Исаака Сирина в греческом и русском переводах: послесловие к публикации новооткрытых текстов	146
<i>Преподобный Исаак Сирин</i> О совершенстве духовном	179

ДИСКУССИЯ

Канонизация Царской семьи: за и против

<i>Митрополит Сурожский Антоний</i>	192
<i>Епископ Диоклийский Каллист</i> (Константинопольский Патриархат)	196
<i>Протоиерей Леонид Кишковский</i> (Православная Церковь в Америке)	197
<i>Протоиерей Валентин Асмус</i>	199
<i>Профессор А. И. Осипов</i>	203
<i>Диакон Владимир Зелинский</i> (Константинопольский Патриархат)	209
<i>Диакон Андрей Кураев</i>	214

БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Г. Филимонов</i> «Новое слово» в изучении богословского наследия Евагрия Понтийского	220
---	-----

ЧЕЛОВЕК ЦЕРКВИ

К 20-летию со дня кончины митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима

От редакции

5 сентября 1998 года исполнилось 20 лет со дня кончины Высокопреосвященнейшего Никодима (Ротова), митрополита Ленинградского и Новгородского — выдающегося иерарха Русской Православной Церкви, жертвенное служение которого пришлось на один из труднейших периодов ее истории.

Приняв священный сан в 1947 году, митрополит Никодим около тридцати лет проходил свое служение на различных церковных послушаниях. Его труды во многом явились определяющими для бытия нашей Церкви. Обладая широким видением вещей и редкой способностью находить решение, казалось бы, нерешаемых задач, митрополит Никодим являл собою пример христианской стойкости и исключительной преданности делу Церкви во времена государственного атеизма и гонений на веру Христову. Будучи талантливым богословом, Владыка Никодим органично сочетал практическое церковное делание с трудами на ниве богословских наук: догматики, церковной истории, гимнографии. Он являлся почетным членом Ленинградской и Московской Духовных Академий, а также ряда зарубежных духовных академий и богословских факультетов. Прожив короткую, но удивительно насыщенную и яркую жизнь, блаженнопочивший митрополит Никодим все свои силы и помышления посвятил созиданию церковному, укреплению и утверждению русского Православия.

В день поминовения митрополита Никодима в Санкт-Петербург съехались 20 иерархов из России и зарубежья, многие из которых вступили на путь церковного служения с архипастырского благословения незабвенного Владыки. Многочисленные клирики и миряне Санкт-Петербургской епархии, управление которой около 15 лет осуществлял митрополит Никодим, собра-

От редакции

лись в Александро-Невской Лавре, дабы свидетельствовать свою благодарную память о выдающемся иерархе Русской Православной Церкви. И через два десятилетия после его кончины образ Владыки Никодима остается живым в сердцах его почитателей и верных учеников.

Предлагаемая вниманию читателей подборка материалов, посвященных митрополиту Никодиму, открывается воспоминаниями людей, близко знавших Владыку: архиепископа Новгородского и Старорусского Льва, архиепископа Клинского Лонгина, а также почетного профессора Эрлангенского Университета Фэри фон Лилиенфельд, давнего друга Русской Православной Церкви.

Далее мы публикуем доклад митрополита Никодима, посвященный широко обсуждаемой ныне теме участия Православной Церкви в работе Всемирного Совета Церквей. Многие из того, что говорил митрополит Никодим в 1968 году, не утратило своей актуальности до сего дня.

«ОН ВСЕХ НАС ПОДНЯЛ С КОЛЕН»

**Беседа архиепископа
Новгородского и Старорусского Льва
с корреспондентом и журнала «Церковь время»**

— *Ваше Высокопреосвященство, Вы близко знали престопамятного митрополита Никодима. Расскажите о том, как произошло Ваше знакомство с митрополитом? Какое впечатление он произвел на Вас?*

— Первый раз я увидел митрополита Никодима 25 декабря 1965 года, когда еще школьником приехал в Ленинград и вечером, зайдя в храм Духовной Академии, попал на всенощное бдение, после которого происходило наречение во епископа Зарайского нынешнего митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, и возглавлял богослужение митрополит Никодим. У меня, как у всякого жившего в провинции, было в то время к митрополиту Никодиму довольно осторожное отношение. Ведь надо помнить, что церковная жизнь в средствах массовой информации никак не освещалась (Церковь существовала в абсолютном информационном вакууме), специально создавалось впечатление, что ее как бы и вообще не существует. После завершения воинской службы при подготовке к поступлению в семинарию (а я хотел учиться в Московской духовной семинарии) возникли сложности: из Белоруссии, где жили мои родители, поступить было невозможно, так как, по мнению республиканской власти, верующей молодежи здесь уже не было, и Минский митрополит Антоний посоветовал мне уехать в другую епархию. В результате разных перипетий я случайно, на Страстной неделе, оказался в Ленинграде и зашел в Духовную Академию, чтобы встретить одного моего знакомого, и здесь сталкиваюсь с ... митрополитом Никодимом. Попытка спрятаться за колонну не удалась: через одного из сопровождающих Владыка, подозревая меня к себе, спросил, кто я такой, и, услышав мою фамилию, сразу вспомнил, что с моим отцом, протоиереем Львом Церпицким, учился на заочном секторе Духовной Академии. Поинтересо-

вавшись, что я здесь делаю, Владыка пригласил меня к себе на беседу, но, когда я увидел в приемной целую толпу народа, мне подумалось, что ждать этой беседы придется до самой поздней ночи (о реальности этой перспективы я узнал потом). Однако мы прошли с ним в его кабинет, и как-то само собой получилось, что я рассказал ему о своих проблемах с поступлением в семинарию. Беседа была такой простой и непринужденной, что незаметно исчезла моя напряженность. Мы беседовали довольно долго, и меня чрезвычайно поразила манера и тональность беседы. Ведь передо мной сидел известный на весь мир человек, второе лицо в Русской Православной Церкви, а говорил он со мной очень просто, как с равным. Нужно сказать, — и это отмечают практически все, кому приходилось общаться с митрополитом, — Владыка Никодим обладал харизмой собеседника, так что беседующий с ним не чувствовал себя стесненным и располагался к разговору.

Владыка пообещал помочь мне, хотя и для него оказалось нелегким преодолеть этот белорусский рубеж. С Божией помощью все устроилось, и меня приняли в штат иподиаконов епископа Смоленского.

После моего поступления в Ленинградскую семинарию Владыка иногда приглашал меня к себе для беседы.

Через год Владыка неожиданно предложил мне стать его келейником, а еще позже и личным секретарем. Это были трудные для меня пять лет, но очень полезная школа. Именно в эти годы я видел митрополита Никодима и в официальной среде, где чувствовалось, глядя на него, что он — «князь Церкви», и наедине, где перед тобой предстал глубоко верующий монах, строгий к себе и снисходительный к другим.

Начиная с его первого инфаркта (25 марта 1972 года), с перерывом в три года, которые я провел в Риме, и до его кончины мне пришлось с ним быть неотступно. Чем дольше я был с ним, тем больше я открывал его для себя и убеждался в тенденциозности того, что раньше слышал про него, и того, что продолжали «говорить».

Обращал ли он на это внимание? Владыка был в курсе того, что «говорят», но он сознавал всю ответственность своего служения Богу и Церкви в конкретных исторических условиях и, по слову апостола, «как бы видя Невидимого, был тверд» в осуществлении своего призвания. Один раз, в начале моего келейничества, я решил уйти от митрополита, в это время находивше-

гося в далекой поездке. Дождавшись его возвращения и улучив момент, я прямо ему сказал, что ухожу от него, поскольку слышал одну неприятную вещь, суть которой рассказал. Владыка спокойно посмотрел на меня и четко ответил: «Батюшка, говорят про всех, но ты должен понимать, почему и для чего. Я служу одному Богу и тружусь для Его Церкви, поэтому судить меня будет Бог и история. И тебе советую руководствоваться этим, иначе ничего не сможешь сделать». Это был очень сильный ответ очень духовно сильной личности.

— *Расскажите, пожалуйста, о внутренней политической ситуации в СССР в те годы, когда Владыка Никодим осуществлял свое архипастырское служение. Что было сделано Владыкой Никодимом для укрепления Православной Церкви в атеистическом государстве?*

— Люди старшего поколения помнят, чем обернулась для Церкви «хрущевская оттепель»: новой волной антирелигиозной кампании, которая должна была завершиться через двадцать лет «показом по телевидению последнего попа». По мнению авторов этой политики — Церкви нет места в светлом будущем. Этот период был не менее трагичен в сравнении с довоенным: сколько было исковеркано человеческих жизней — как членов Церкви, так и симпатизирующих; на 60-е годы приходится массовое закрытие храмов, монастырей и их разрушение; изъятие из действующих храмов церковных ценностей в музеи; разрушение уклада церковноприходской жизни. Вся государственная машина работала над претворением в жизнь ленинских принципов в отношении к религии.

Поэтому перед Владыкой Никодимом, являвшимся к этому времени председателем Отдела внешних церковных сношений и постоянным членом Священного Синода, стояла задача помочь Церкви выжить в этих условиях. Насколько успешной была его деятельность, будут судить Бог и история, но его оппоненты оценивали ее уже при жизни Владыки. В частности, ленинградский уполномоченный на вопрос одного из руководителей Совета по делам религий заметил, что митрополит Никодим разрушил в Ленинграде за три года то, что в течение десяти лет создавалось противниками Церкви. А в Новгороде после присоединения епархии к Ленинградской митрополии один из идеологических работников высказался: «Зря мы убрали Сергия (архи-

епископа Новгородского), тот был спокойный, а этот (т. е. Никодим) наломает нам дров». Известный фуровский отчет при оценке архиереев того периода относит митрополита Никодима к числу лояльно относящихся к советскому государству, но при этом заботящихся об интересах Церкви. Мне помнится, как в один из приездов митрополита в Новгород один престарелый священник ему сказал: «От успеха Вашей внешней деятельности зависит наше положение внутри».

— *Какова была кадровая политика митрополита Никодима?*

— Главной линией кадровой политики митрополита Никодима явилась защита и укрепление Церкви. В этом ключе нужно рассматривать его деятельность как постоянного члена Священного Синода, руководителя синодального учреждения и епархиального архиерея значимой в нашей Церкви митрополии.

Как синодал и председатель ОВЦС Владыка митрополит отвечал за внешнюю деятельность Русской Церкви, и период его управления обозначился активизацией контактов с Православными Церквами, налаживанием связей и установлением богословских диалогов с протестантскими конфессиями, Римско-Католической Церковью, Древними Восточными Церквами.

Особое значение Владыка придавал поиску контактов и паломнического единства с русской диаспорой. Много трудов было положено на поиск контактов и диалога с нашими старообрядцами, что дало свои плоды: на Поместном Соборе 1971 года по инициативе митрополита Никодима были сняты клятвы со старообрядцев.

Такой размах деятельности требовал знаний и широты от самого руководителя, а также и его помощников. Подбору кадров и их подготовке Владыка уделял большое внимание и был требователен; по его инициативе при Московской духовной академии была открыта аспирантура, в которую набирались выпускники наших духовных академий в Москве и Ленинграде. По всеобщему мнению, качественный уровень наших делегаций на межцерковных форумах с тех пор значительно возрос.

Внешняя деятельность оказывала влияние и на положение Церкви внутри страны. В частности, высокий авторитет нашей Церкви за рубежом мало-помалу менял и наше внутреннее положение. За счет ротации кадров (епископов, священников) в

заграничных точках шло обновление на кафедрах, в приходах. Сама жизнь того времени невольно подвигала митрополита Никодима как председателя ОВЦС заниматься и внутрицерковными проблемами, так как из разных епархий поступали к нему письма, обращения с просьбой о помощи в связи с беззакониями, творящимися на местах.

— *Каким был митрополит Никодим как епархиальный архиерей, глава Ленинградской и Новгородской епархий?*

— Общецерковное служение митрополита Никодима было неотделимо от его служения как епархиального архиерея. За свою короткую жизнь Владыка являлся правящим архиереем Ярославской (23.XI.1960—4.VIII.1963), Минско-Белорусской (4.VIII—9.X.1963) и Ленинградской (с 9.X.1963) епархий, а с 1967 г. — также и Новгородской.

В Ленинградскую митрополию входила и Олонецкая епархия как благочиние.

Старшее поколение духовенства и мирян помнят, как с приездом в Ленинград нового митрополита начала постепенно оживляться церковная жизнь.

В первую очередь было обращено внимание на богослужение, которое являлось, по мнению Владыки Никодима, не только молитвой, но и формой проповеди в той ситуации. Поэтому его богослужения всегда совершались очень торжественно, четко, без всякой суеты и при большом стечении духовенства, а также народа как молящегося, так и пришедшего «посмотреть на Никодима». При митрополите Никодиме в Ленинград приезжало много разных церковных делегаций, которые были потрясены увиденным в северной столице. Многие жители кафедрального города до сих пор помнят красоту и торжественность богослужений, возглавлявшихся митрополитом на Рождество, Пасху и, особенно, в праздник святого благоверного князя Александра Невского, когда величественный Троицкий собор Александро-Невской Лавры вмещал в себя до 13 тысяч молящихся.

Владыка Никодим очень любил церковное пение. У него была хорошая фонотека с песнопениями русской, болгарской, сербской, греческой церковной музыки. В своем рабочем кабинете, будь то в Ленинграде или в Москве, в Серебряном Бору, митрополит часто трудился за письменным столом под тихий фон церковных песнопений.

Владыка уделял большое внимание тому, чтобы молящийся народ пел за всенощным бдением и Божественной Литургией. Его детищем был хор ленинградского духовенства. Этот хор пел за богослужением не только в Ленинграде, но и в Москве, в частности, во время интронизации в 1971 году Патриарха Пимена, и тогда вышла первая их пластинка. Для того, чтобы этот хор существовал, митрополиту Никодиму потребовалось преодолеть сильное противодействие со стороны определенных госструктур. И нужно было видеть, с каким воодушевлением духовенство собиралось на спевки хора, и не только потому, что любили и умели хорошо петь, но это была еще и возможность пообщаться и поделиться своими горестями и проблемами, которых было много.

После праздничных богослужений Владыка приглашал к себе на трапезу служащее и поющее духовенство. Это была не столько трапеза, сколько форма общения архипастыря со своим духовенством; это была одна из немногих возможностей преодолеть границы того гетто, в которое государство пыталось загнать духовенство и Церковь.

Много значило для духовенства и личное общение со своим архипастырем в официальной обстановке или в своей семье по случаю какого-нибудь семейного события.

Всей своей деятельностью Владыка Никодим пытался убедить своих клириков в том, что они не просто требоисполнители, но должны быть пастырями в самом высоком смысле этого слова.

В 1967 году к Ленинградской епархии решением Патриарха Алексия I и Синода была присоединена древняя Новгородская епархия. К этому времени здесь сложилась довольно сложная церковная ситуация: готовилось упразднение епархии. Архиепископ Новгородский и Старорусский Сергей (Голубцов) был человеком интеллигентным и образованным, но по своему характеру слишком мягким, и ему, в силу этого, трудно было противостоять тому организованному натиску, с которым местные власти стремились ликвидировать религиозную жизнь в области. Поэтому по решению Синода Русской Православной Церкви митрополиту Никодиму предлагалось взять епархию под свое попечение. Поскольку Владыка был в это время председателем ОВЦС и занимался международной деятельностью, то и предполагалось использовать его личный авторитет и многочисленные международные связи для того, чтобы приостановить уничтоже-

ние древнейшей епархии Русской Православной Церкви. В Новгороде в то время оставалась всего одна маленькая церковь во имя Апостола Филиппа на окраине города, да и ту думали не то закрыть, не то перенести еще дальше. В большие праздники молиться там было очень трудно, потому что народу собиралось столько, что стены «плакали». Митрополит приезжал обычно на праздник иконы Знамения Божией Матери, на день святителя Никиты, да пару раз, может быть, в Великом посту. Постепенно он стал привозить с собой зарубежные делегации. Естественно, это вызывало крайнее недовольство местной власти. Новгород, в общем-то, был закрытым городом, и митрополиту стоило больших трудов через Москву «пробивать» эти поездки. Я был несколько раз свидетелем очень эмоциональных телефонных разговоров с Советом по делам религий. Но постепенно к этому привыкли, и тогда появилась возможность поставить в храме новый, исполненный в древнерусском стиле иконостас.

Построили архиерейский дом, епархиальное управление. Рядом с церковью Апостола Филиппа нашли фундамент древней Никольской церкви, и там началось строительство, как тогда говорили, нового храма. Мало-помалу местные власти стали привыкать к тому, что православная вера — это не удел нескольких бабушек. Религиозная жизнь в Новгороде приобретала все более конкретные очертания. Кроме того, после инфаркта митрополиту Никодиму врачи рекомендовали почаще выезжать за пределы Ленинграда, поскольку климат очень неблагоприятно влиял на его здоровье. А Новгород митрополит очень любил и прекрасно знал его историю. Кроме того, у него появилось больше свободного времени, так как обязанности по ОВЦС он передал митрополиту Ювеналию. Владыка стал часто бывать в Новгородской епархии.

Вспоминается такой случай. Однажды отец Михаил Елагин, тогдашний секретарь Новгородского Епархиального управления, в дни пребывания митрополита в Новгороде устроил ему посещение Софийского собора и приурочил это мероприятие к тому времени, когда там пел религиозные песнопения хор Юрлова. Конечно, это произвело на Владыку большое впечатление. Он медленно прошел в алтарь, встал на горнее место и, с некоторой грустью, но твердо, сказал: «Вот мое место».

В первые годы после торжественного богослужения на праздник Знамения, — обычно это было вечером, чтобы было поменьше народа, — Владыка ходил в музей, где тогда висела

чудотворная икона. Обязательно вполголоса пропевал перед образом тропарь с кондаком и благоговейно крестился. Вскоре об этой традиции узнали верующие люди и стали собираться на этот краткий молебен в музей. Правда, продлилось это не долго, музей в этот день стали закрывать под различными благовидными предложениями.

Очень любил митрополит Никодим посещать Хутынский монастырь. Тогда это было место развалин, всеми брошенное и, казалось, забытое. Но особенно зимой было видно, что верующий народ не забыл место упокоения своего великого молитвенника преподобного Варлаама Хутынского. Грустное это было зрелище. Казалось, что легче построить все заново, чем восстанавливать эти руины.

Однажды ездили мы с митрополитом и в Николо-Вязицкий монастырь к святителю Евфимию. С точки зрения сохранности он был в лучшем состоянии, чем Хутынский, но верующий народ туда почему-то не ходил, и нам пришлось пробираться к храму по пояс в снегу. Двери были забиты. Оставалась, правда, узкая щель, куда я с трудом пролез, а потом помогал это проделать митрополиту, который был плотного телосложения. Как всегда в таких случаях, Владыка митрополит пропел тропарь, кондак и величание. Однако место, где покоились мощи святителя, так много сделавшего для земли Новгородской, было не обозначено или, может быть, находилось под кучами мусора. Для тех, кто сопровождал Владыку в Новгород, это было действительной возможностью не только соприкоснуться со святынями древней земли Русской, но и услышать из уст митрополита интереснейшие рассказы из истории нашей Церкви, связанной с этой древней епархией.

Среди епархиальных дел митрополит Никодим сугубо пристальное внимание уделял Ленинградским духовным школам, которые к моменту его назначения в Ленинград в 1962 г. были уже, в силу антирелигиозной кампании, на грани закрытия и которые находились в его непосредственном ведении как правящего архиерея.

Первое, что сделал Владыка, — открыл факультет иностранных студентов, и первыми студентами были православные негры из Кении и Уганды, а затем из Эфиопии и других стран третьего мира. Впоследствии здесь училась молодежь из западных стран. Конечно, это было мудрое решение, поскольку СССР проявлял особый интерес к этим странам, особенно развивающимся.

Основной болью и заботой митрополита была мысль о тех наших согражданах, которые учатся и будут учиться, ибо это — будущее нашей Церкви. Конечно, Владыка знал о тех проблемах, с которыми сталкивались желающие поступить в духовные школы. Владыка, по его замечанию, «пробивал» каждую кандидатуру, предварительно ознакомившись подробно с личным делом абитуриента. Сам потом, если удавалось, присутствовал на вступительных экзаменах, посещал лекции в семинарии и Академии, присутствовал на экзаменах в конце года.

В начале учебного года митрополит обязательно встречался с поступившими и вручал каждому экземпляр ценного тогда брюссельского издания Нового Завета.

В процессе обучения каждый воспитанник семинарии и студент академии имели возможность не единожды лично пообщаться с митрополитом. Каждого он знал по имени, по фамилии, знал его домашние проблемы.

Уже тогда Владыка был болен, ему предписано было совершать пешие прогулки, и на эти прогулки приглашались или конкретные лица, или же те, кто попался навстречу: «Пойдем, брат, погуляем». Эти прогулки многим запомнились, ибо они оказались впоследствии для многих ориентиром в их самостоятельном уже служении. Поэтому желающих пообщаться всегда было много.

Очень много значило, что резиденция митрополита Никодима в Ленинграде находилась под одной крышей с духовной школой.

Большое внимание уделялось и учебному процессу, работе с профессорско-преподавательским составом. На «чай» к митрополиту приглашались преподаватели для обсуждения тех или иных вопросов, для обсуждения учебных программ на кафедрах и улучшения учебных пособий. Когда мог, Владыка обязательно присутствовал на заседаниях Ученого Совета, журналы которых утверждал сам как правящий архиерей.

Очень торжественно проходили праздники, после которых бывали общие собрания в актовом зале, и на них выступал сам Владыка и профессора академии с лекциями (актовой речью) на различные интересующие всех темы.

Всякий раз, возвращаясь из зарубежных поездок, митрополит имел в актовом зале встречу со студентами, на которой рассказывал о поездке, ее цели, и каждый студент мог задать ему вопрос по теме встречи.

Духовная школа в этот период представляла собой единую семью с одной общей задачей: подготовка к служению Церкви Христовой.

— Владыка Никодим был одним из инициаторов вступления Русской Православной Церкви в экуменическое движение. Каковы были взгляды митрополита Никодима на экуменизм?

— Глубоко ошибаются те, кто считает, что митрополит Никодим был сторонником экуменического движения по каким-то сугубо политическим причинам или потому, что это было единственным шансом вывести нашу Церковь из внутренней изоляции и не позволить уничтожить ее совершенно внутри страны. Это только сопутствующие причины. Главным все же было его внутреннее убеждение, что единство Церкви не только можно восстановить в определенных вероучительных границах, но и то, что эта деятельность совпадает с волей Божией, выраженной в молитве Господа нашего Иисуса Христа в Гефсиманском саду словами: «Да будут все едины...» Другой вопрос, какими средствами эта цель может быть достигнута и на каком вероучительном фундаменте. Он был убежден, что это долгий путь богословского диалога, посредством которого должны выявиться вероучения различных христианских конфессий и направление их развития. Но через богословский диалог не всегда можно увидеть все стороны религиозной жизни. Люди должны учиться прежде всего уважительному отношению друг к другу, учиться жить рядом в мире и взаимопомощи. А для этого необходимо уметь интересоваться взаимными проблемами, ошибками и успехами. Экуменический диалог — это не политика извлечения пользы для себя или даже своего народа, это извлечение пользы для Христа. Ведь Сам Господь сказал, что лучшей проповедью является пример взаимной любви. Однако истинная любовь не предполагает отречение от Истины. Она сама есть Истина. Здесь невозможны компромиссы, а только служение.

— Имя митрополита Никодима сегодня подвергается несправедливым нападкам со стороны людей, считающих себя церковными консерваторами, но в действительности стоящих на позициях, весьма далеких от официальной позиции церковного руководства. В частности, митрополита

Никодима обвиняют в чрезмерной симпатии к Римско-Католической Церкви...

— Митрополит Никодим всегда называл себя реалистом и никогда не руководствовался в делах церковной политики симпатиями. Римско-Католическая Церковь — это ведь не какое-то случайное религиозное образование. Она имеет двухтысячелетние традиции и сотни миллионов последователей в мире. Она не только имеет огромное влияние на политические процессы, которые происходят в мире, но и во многом формирует облик западного человека и западного общества. Можно симпатизировать им или наоборот — не любить, но игнорировать католиков просто невозможно. Кроме того, жить рядом в этом хрупком мире, исповедовать Христа распятого и воскресшего Богом и Спасителем и при этом не искать взаимопонимания, не учиться жить вместе в мире и любви, по-моему, противоестественно для христианина. И, зная Владыку, я могу свидетельствовать: что бы он ни делал, он всегда прежде всего думал о благе Русской Православной Церкви.

— *Какова была роль митрополита Никодима в деле укрепления межправославного сотрудничества и солидарности?*

— Я в те годы не занимался этими вопросами, однако могу сказать, что Православные Церкви митрополит Никодим не только очень хорошо знал, но и любил. Как известно, свою церковную международную деятельность Владыка начинал в Иерусалиме, там он выучил еврейский и греческий языки, и тема его диссертации была посвящена истории Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Знание им греческого языка чрезвычайно ценили его православные братья с Востока. Со многими православными архиереями его связывали узы дружбы. Митрополит считал приоритетным для Православных Церквей подготовить Собор, который в силу различных исторических причин не собирался уже много столетий. Чрезвычайно много сил митрополит Никодим потратил, чтобы прорвать блокаду вокруг Афона. Он был настоящим монахом и любил монастырскую жизнь. У него была сокровенная мечта: создать монастырь в Ленинградской епархии, но, к сожалению, в то время это было невозможно. В межправославных отношениях тогда было много проблем,

и митрополит пытался разрешить их посредством своих дипломатических способностей и к пользе Русской Православной Церкви.

По его инициативе Русскую Православную Церковь посещали почти все главы Поместных Православных Церквей, что было чрезвычайно важно в то время. И на всех конференциях, которые проходили при участии делегаций Православных Церквей, митрополит всегда принимал самое активное участие в том, чтобы собрать всех православных вместе и постараться выработать общую точку зрения на те или иные вопросы. Особенно это было важно, когда православные принимали участие в богословских дискуссиях с инославными конфессиями.

— *Вы были свидетелем кончины митрополита Никодима. Расскажите, пожалуйста, о последней поездке Владыки в Рим, о последних днях и часах его жизни.*

— В первых числах августа 1978 г. митрополит Никодим возвратился в Ленинград из Чехословакии, где в Праге проходил Всехристианский Мирный Конгресс, после которого ему было предложено отдохнуть и подлечиться на одном из курортов — в Сремских Лазанях. После своего возвращения Владыка занимался епархиальными делами; 5 августа он совершил в праздник иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость с грошиками» свою, как оказалось, последнюю архиерейскую Литургию в храме «Кулич и Пасха», где находился чудотворный образ; 6 числа вечером приехал в свою загородную резиденцию Комарово, где я его ожидал после завершения моей римской командировки.

Было видно, что Владыка выглядит очень уставшим, хотя и приехал с отдыха. Около полуночи митрополиту позвонили и сообщили, что пришло известие из Рима о смерти Папы Павла VI.

Весь день 7 августа прошел в телефонных переговорах, а вечером я с ним выехал в Москву, для последующей поездки в Рим на похороны. В Рим вылетели 9-го утром.

Первый день после прилета и размещения в Casa del Clero, где остановились официальные церковные делегации, прошел во встречах и обсуждении случившегося. Поздним вечером митрополит почувствовал нагрузку прошедшего дня, усугубленную той жарой, которая характерна для Рима в июле—августе. Поэтому после положенных в таком случае медицинских процедур

я остался у Владыки на ночь, на всякий случай приготовив все необходимое для оказания помощи. Хотя первая ночь и прошла спокойно, утренние медицинские показатели Владыки вызывали опасения. На предложение устроителей программы поселиться в предместье Рима, в предгорье Аппенин, где в это время года была освежающая прохлада, Владыка дал свое согласие. Для проживания ему были предоставлены покои в загородном доме для духовенства. Значительное ухудшение самочувствия побудило Владыку после похорон Папы Павла VI (12 августа) остаться в Италии до интронизации нового Папы Иоанна-Павла I (3 сентября). Митрополит надеялся облегченную программу деловых встреч сочетать со столь необходимым отдыхом.

Правда, выезды в Рим на эти встречи давали себя знать: к концу дня поочередно в локтевых суставах рук и в суставах стоп появлялись как бы гематомы, сопровождавшиеся сильными болями в этих местах. Потом московский лечащий врач объяснит подобные явления как признаки затруднения работы сердца...

Не раз Владыка и мне, и другим сетовал, что июльский отдых с курсом лечения в Чехословакии на пользу ему не пошел.

31 августа митрополит Никодим съездил в Турин, где в том году была выставлена для поклонения Туринская плащаница, перед которой Владыка совершил молебен Спасителю. В силу консервативности местного архиепископа были препятствия к совершению православного молебна. Правда, эти проблемы разрешились, но неприятный осадок остался.

В дни, когда Владыка митрополит находился у себя, к нему иногда приезжали посетители, но большей частью он читал и внимательно следил за прессой, которая с момента смерти Папы Павла VI и до избрания нового Папы много писала по поводу преемника умершего и пыталась прогнозировать будущее Католической Церкви. Конечно, Владыке Никодиму как ответственному за внешнюю деятельность нашей Церкви все это было не безразлично, тем более что ходили упорные слухи о будущем Папе-консерваторе, а избрание кардинала Лучиани, Венецианского Патриарха, как бы подтвердило это.

Среди православных делегаций, прибывших на интронизацию, по поводу нового Папы также не было оптимизма.

Приближалось 3 сентября, день интронизации. Самочувствие митрополита было неважным. Как я заметил, после Турина состояние Владыки постоянно ухудшалось. 1 сентября, по воз-

вращении из Турина, он попросил сразу отвезти его в загородную резиденцию, 2 числа выехал в Рим, но провел одну встречу и сразу же вернулся назад.

На следующий день, 3 сентября вечером на площади Св. Петра состоялась интронизация нового Папы Иоанна-Павла I. Вечер был душный, и было видно, что Владыке тяжело. Сразу после церемонии я отвез его за город. Перед сном митрополит пожаловался, что у него заболел левый локтевой сустав. Я помог ему раздеться, сделал все необходимое. Ночь прошла спокойно.

4 числа утром Владыка встал бодрым, и мы отправились в Рим, где он провел целый день, принимая посетителей. Это был тяжелый день с точки зрения погоды: духота, низкая облачность, легкий ветер дул из Африки. Закончив поздно вечером прием, митрополит решил остаться ночевать в Риме, так как утром нужно было быть на аудиенции с новым Папой. Руководство коллегии «Руссикум» любезно предоставило митрополиту ночлег.

Перед сном я сделал все необходимое, связанное с медициной. Внешний вид Владыки и показатели давления с прослушиванием сердца свидетельствовали о сильном утомлении. В его апартаментах было душно, а открыть окна нельзя — сильный шум с оживленной улицы. Благословив, митрополит отправил меня отдыхать.

5 сентября в 7 утра, зайдя к митрополиту, я заметил, что ночь была беспокойной. Если после утреннего душа давление несколько упало, то сердечные тоны и пульс не улучшались.

Погода тоже не утешала: ночью легкий дождь и душно; утром — низкая облачность, душно и раскаты грома, свидетельствующие о приближении грозы. Уже с утра Владыка принимает нитроглицерин.

8.20 — очень медленно спускаемся к машине с помощью нитроглицерина, и так до последнего момента. Сильный ливень с грозой. Направляемся в Casa del Clero, место сбора церковных делегаций.

8.30 — приезжаем в Casa del Clero. Медленно и с трудом Владыка выходит из машины; его состояние вызывает некоторую тревогу, и на вопрос сотрудника Секретариата: «Не нужна ли какая помощь?» — он просит не спешить и не суетиться. Входим в зал, где уже находятся многие делегации. Здесь, стоя,

Владыка митрополит еще общается с присутствующими и затем, уже сидя, беседует с митрополитом Николаем Банатским.

8.45 — начинается отъезд делегаций в Ватикан. Ливневый дождь нарушает предусмотренный протокол, в суете все садятся в первые попавшиеся автомашины. Владыка с трудом выходит из здания, и оказавшаяся рядом болгарская делегация приглашает митрополита в свою автомашину. Не имея сил дойти до своей машины и по причине сильного дождя, митрополит отъезжает в Ватикан вместе с болгарами, а я сажусь в его автомашину. К тому же оказалось, что водитель машины, в которой ехал Владыка, не знал точного расположения ватиканских дворцов и запутался. Так оказалось, что митрополит с болгарами прибыл позже, за 10 минут до папской аудиенции. Все эти накладки явно не способствовали улучшению его состояния.

В 9.30 начинается аудиенция нового Папы в Папской библиотеке. Первой по списку идет делегация Русской Церкви. Сначала, в соответствии с принятым в Ватикане протоколом, для разговора с Папой приглашается митрополит Никодим, а через десять минут приглашают и меня как члена делегации.

Представив меня Папе, Владыка сел в кресло, и рядом с ним встал папский переводчик, у которого также был с собой нитроглицерин на всякий случай.

После краткого разговора с Папой я встал по правую руку от митрополита.

Папа, стоя, хотел что-то сказать, но в это время голова Владыки падает на грудь, тело начинает крениться, и раздается легкий хрип. Переводчик тут же подхватывает под локоть митрополита, я также подхватываю его под правую руку, и он, поддерживаемый нами, сползает с кресла на пол. Мы его положили, и хрип прекратился. Срочно вызывают врача. Папа в растерянности и дрожащим голосом спрашивает, что случилось, на что переводчик, хорошо знавший митрополита, отвечает, что Владыка Никодим был тяжело болен, многократно переносил инфаркт. Папа в испуге шепчет: «Он же может умереть». И, опустившись на колени, начинает молиться. По завершении молитвы, митрополит, издав легкий хрип, умирает. Пришедшие врачи смогли только констатировать факт смерти. Это было в 9.45 по местному времени.

«ОН ВСЕХ НАС ПОДНЯЛ С КОЛЕН»

— *В чем, на Ваш взгляд, значение митрополита Никодима для Русской Православной Церкви?*

— В связи с этим я бы хотел вспомнить слова митрополита Кирилла, сказанные им недавно в Петербургской духовной академии по случаю 20-летия со дня смерти митрополита Никодима: «Он всех нас поднял с колен». Потому что, как написал Святейший Патриарх Алексий II, Владыка митрополит Никодим «жил и совершал свое служение, дерзновенно свидетельствуя о жизнеспособности Православной Церкви, после страшных перенесенных Церковью репрессий и перед лицом новых испытаний».

«ОН БЫЛ ИСТИННЫМ ОТЦОМ ДЛЯ МНОГИХ ИЗ НАС»

**Воспоминания архиепископа Клинского ЛОНГИНА,
викария Московской епархии,
Представителя Русской Православной Церкви
в Германии**

Митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова) я впервые увидел в начале 60-х гг. в Хельсинки, где я тогда жил. В то время я был алтарником в кафедральном соборе Финской Православной Церкви в Хельсинки. Меня с ним познакомил известный протоиерей, благочинный храмов Московской Патриархии в Финляндии отец Евгений Амбарцумов. Он сказал: «Юра, тебе просто необходимо познакомиться с этим иерархом. Он человек великой духовности и любит всех, кто любит Православную Церковь».

Помню мое первое впечатление: небольшого роста, коренастый архиерей, с едва заметной лысиной, поднимался по лестнице этого самого большого православного собора Западной Европы, и сразу можно было почувствовать некую особую энергию, исходящую от него. Он вышел на литию и читал молитву, перечисляя на память всех святых земли российской — и это произвело на всех большое впечатление, поскольку в соборе принято было перечислять святых быстро или сокращать их число, а тут Владыка читал, перечисляя не только их имена, но и места их служения. Завершилась всенощная, затем было чаепитие, во время которого состоялась общая открытая беседа. Тогда-то митрополит поговорил также и со мной, сказал, что уже слышал обо мне от отца Евгения, и просил подумать о моем поступлении в Ленинградскую духовную семинарию.

Я впервые приехал в Ленинград по его приглашению в январе 1966 года, и тогда у меня появилась возможность поговорить с ним, подробно обсудить перспективу моего обучения, познакомиться с будущим митрополитом Смоленским и Калининград-

ским Кириллом, тогда еще иподиаконом Владыки Никодима Владимиром Гундяевым. Владыка Никодим всегда был добр со мной, говорил о необходимости изучать Священное Писание, изучать чинопоследование богослужения. Он меня тогда брал с собой на все богослужения, проходившие с его участием. Я был иподиаконом во второй паре. Помню, как четко, как красиво и богослужебно Владыка совершал богослужения и был нам в этом примером. Помню и те беседы, которые он вел с духовенством и иподиаконами после службы в своей резиденции.

Эрудиция этого архипастыря была очевидна всем, он знал прекрасно историю, он общался с инославными на иностранных языках. Его духовность покорила сердца многих молодых людей, и мы встали на тот путь, который открыл нам Владыка Никодим и которым завещал идти.

Владыка был не только ласковым и добрым отцом, но был и строгим архипастырем, приучал нас к дисциплине. Один раз я в духовной академии шел по коридору мимо резиденции Владыки. Там стояли его келейники, и я спросил у них, можно ли мне записаться на прием. Они сказали, что сейчас спросят Владыку. Владыка ответил, чтобы я зашел к нему сейчас же. Я был тогда в парусиновых ботинках и в подряснике. Вхожу в кабинет, а Владыка говорит: «Ты как приходишь на прием к митрополиту? Почему ты в тапочках?» Я вспыхнул и ответил: «Не в тапочках». Он снова: «А я тебе говорю, в тапочках! Не знаешь, что ли, как нужно приходить к архиерею? Нужно быть одетым как положено!» Я в ответ: «Это не тапочки, а летние туфли. Если Вы таких не видели в Советском Союзе, то у нас на Западе это называется летние туфли». Я видел, что митрополиту все это было сильно не по духу, и он еще раз сказал: «Я тебе сказал в тапочках, значит — в тапочках!» Я понял, что нужно сказать: «Владыка, простите и благословите». Сделал так, и он ко мне обратился уже мирно: «Ты знаешь, ты можешь вот так ко мне прийти чай пить, но когда идешь ко мне на прием, то нужно быть толком одетым. Если я даже и ошибся, то ты никогда не начинай спорить». Это навсегда осталось у меня в памяти как наставление нашего аввы.

Не могу забыть также, как он 11 апреля 1969 г. хотел постричь меня в монахи в Троицком соборе Александро-Невской Лавры, как уполномоченный г. Ленинграда Григорий Семенович

Жаринов всячески препятствовал совершению пострига в Лавре, дабы это не стало прецедентом, после которого Владыка постоянно совершал бы там постриги. Владыка смирился и совершил постриг в академическом храме, но однако он это помнил и всегда при случае говорил Жаринову, что вот он препятствовал ему в этом и таким образом показал западной общественности, что Церковь несвободна, находится под давлением государства. Дело в том, что на моем постриге присутствовал тогда генеральный консул Финляндии.

Один раз митрополит Никодим взял меня с собой в Новгород. Ехали мы в машине «Волга», Владыка сидел впереди, читал какие-то книги и документы, а мы, его иподиаконы, сидели сзади и тихо разговаривали между собой. Митрополит обернулся к нам, встал почти на колени и стал с нами по-отечески разговаривать. Его отеческая любовь, с которой он относился ко всем людям, осталась в памяти многих. Он мог отчитать священника, даже немолодого, за какой-либо проступок, но тут же отходил, он не был злопамятен. Он прощал всем и всегда говорил: «Кого я люблю, того наказую. Если я не люблю кого-то, то просто не буду с ним общаться». Но, пожалуй, не было человека, которого Владыка не любил бы. Он относился равно ко всем с любовью, старался каждому помочь. Я помню, как он приходил на лекции, которые читали наши профессора в академии, сам рассказывал о своем духовном опыте, принимал участие в экзаменах, и если студент не мог ответить, он старался задавать ему наводящие вопросы. Владыка Никодим был человек великой души, он служил ближнему, служил своей Церкви, которую больше всего любил. С какой любовью он вспоминал своего старца архиепископа Димитрия (Градусова), как он рассказывал о нем, как он рассказывал о своем пребывании в Иерусалиме, на Святой Земле!

Окончились годы моей учебы в семинарии и академии, я был направлен в Финляндию на служение, и Владыка часто мне звонил и просил приехать, чтобы мы могли поговорить. Он всегда находил время, чтобы я мог прийти, рассказать, что у меня на душе. Спрашивал о нуждах людей. У него была любовь также к другим Церквам, он горел идеей мира во всем мире. Будучи президентом Христианской Мирной Конференции, он поручил мне организовать съезд ХМК в Финляндии. Помню, как он приехал в Финляндию и имел беседу с президентом этой страны

о проблемах европейской политики. Это были мудрые слова великого иерарха, богослова, человека, который был весь пропитан духовностью.

Он был настоящим аввой, хоть и не был старым человеком. К нему иначе и нельзя было отнестись, как только к старцу, любящему своих духовных чад. Я вспоминаю многие архиерейские хиротонии, иерейские хиротонии, которые Владыка совершал; он уже изнемогал от своих хворей, часто сидел за богослужением, обливался потом, но когда он совершал Евхаристию, то мурашки пробегали по спине, это было чувство, которое я испытывал во время общения с валаамскими старцами, когда я посещал Ново-Валаамский монастырь. Я помню, как Владыка, который чувствовал себя очень плохо, сопровождал патриарха Пимена во время его первого официального визита в Финляндию. Владыка в поезде дал мне свой доклад, который он должен был сделать в университете Хельсинки, и сказал: «Вот это ты до завтра должен перевести». Я сказал, что не успею, не остается времени, он ответил: «Ты сейчас пойдешь и начнешь, и потихоньку переведешь доклад. С Божией помощью он будет переведен и отпечатан, и я смогу его завтра раздать слушателям». Он понимал все трудности; я думаю, что это та черта, которой нет у многих иерархов.

Характер Владыки я мог бы проиллюстрировать следующим примером. Митрополит приехал в очередной раз в Финляндию, в Хельсинки, чтобы принять участие в поставлении нового лютеранского епископа. Торжественное богослужение было назначено на 10 часов утра в одно из воскресений. Естественно, Владыка Никодим, как обычно, хотел совершить сначала Божественную Литургию в одном из наших православных приходов. И вот в Покровском Патриаршем приходе он назначил службу на 7.30 утра. Совершив богослужение, митрополит был приглашен на чай в дом настоятеля. Владыка общался с прихожанами, духовенством, а поскольку я был организатором визита, то мое дело было смотреть за тем, чтобы мы вовремя были на лютеранском богослужении, поскольку там должен был присутствовать и президент республики Финляндии. Время идет, я говорю Владыке, что нам пора уже ехать. Он мне говорит: «Да-да». Проходит немного времени, я снова подхожу к нему, говорю: «Владыка, нам нужно ехать». В ответ: «Я сказал тебе — да-да». Я ви-

жу, не могу я старца переубедить, пошел, позвонил в полицию. Объяснил положение и попросил полицейскую машину с мигалкой, которая будет ехать перед нами, дабы мы успели вовремя. Полиция приехала, и говорят, что если вы хотите заранее приехать, то ехать надо сейчас. Я пошел и говорю Владыке, что полиция приехала, просит поторопиться. Он мне: «Я тебе сказал — да», и продолжает сидеть. Я пошел к полицейским, а они говорят, что если этот человек не выйдет сейчас, они уедут. Я говорю: «Поймите, он митрополит Ленинградский и Новгородский, член Священного Синода». Они нервно отвечают: «Нам не важно, кто он и какой митрополит, мы его проводим, если только он немедленно выйдет». Я пошел к Владыке снова, митрополит крайне раздражен: «Я сказал, что иду!» Я отвечаю, что полиция утверждает, что если Вы сейчас не выйдете, то придется добираться пешком. Митрополит встал, прочитал благодарственную молитву и быстро вышел из комнаты. За ним последовал болгарский митрополит Панкратий. Подошел Владыка к машине, сел, захлопнул дверь. Я тоже сел в машину, и мы поехали. Я обращаюсь к Владыке: «Извините, что я так сказал, поймите, что полиции все равно, а нам надо вовремя приехать». Авва молчит. Владыка Панкратий, представитель болгарского Патриарха, говорит: «Владыка, не сердитесь на отца Лонгина, он же только лучшего хочет». Молчание. Подъезжаем мы к евангелическому собору, улицы все перекрыты, поскольку ожидали приезда президента Финляндии, без двух минут десять мы влетаем на машине на площадь перед собором, я быстро выскакиваю, вытаскиваю митрополита из машины, а он мне говорит: «Посмотри, как там у меня крест на клобуке», причем очень спокойно. Я говорю: «Владыка, все очень хорошо», беру его под руку, веду. Уже слышна сирена, президент подъезжает. Я говорю: «Скорее, Владыка!», а он: «Спокойно», и солидно поднимается по ступенькам собора, его приветствуют, отводят на его место, и тогда он миролюбиво говорит мне: «Ну, Сотник (так он меня, любя, называл), смотри, мы прекрасно успели». Владыка садится на предназначенное ему место, и тут же входит президент. После богослужения я подхожу к Владыке под благословение, а он говорит: «Ну чего тебе, Сотник, было волноваться, чего наводить панику, мы же успели, все хорошо, ты молодец, все хорошо устроил!»

«ОН БЫЛ ИСТИННЫМ ОТЦОМ ДЛЯ МНОГИХ ИЗ НАС»

Моя последняя встреча с Владыкой произошла 9 августа 1978 года. Митрополит вызвал меня из Хельсинки, чтобы обсудить его предстоящий визит в Финляндию в сентябре. Я приехал к Владыке, меня провели в его опочивальню. Он лежал, был слаб, но начал сразу же говорить о программе визита, смотрел списки тех, кто должен его сопровождать, добавлял туда имена, потом, видимо, утомился и сказал: «Сотник, иди, а я сейчас отдохну, потом поеду в Москву, чтобы завтра лететь на погребение Папы Римского Павла VI». Я убеждал его не ехать туда, говорил, что пусть кто-нибудь из здоровых поедет, у него же с сердцем плохо, а там жарко, но Владыка отвечал: «Я должен поехать туда, ты не беспокойся, в сентябре мы с тобой в Финляндии увидимся, а до того поговорим по телефону». И вот взял я благословение, вышел из его кельи, но как-то было нехорошо на душе. Я не направился сразу в свою комнату, а остался в коридоре ждать времени отъезда аввы в Москву. Скоро открылись двери в его покои, Владыка вышел и совершил молебное пение перед престолом своего домового храма. Осенив себя крестным знамением, он медленными шагами проследовал по коридору к выходу, по дороге я взял у него благословение. Он сказал: «Ну, Сотник, завтра служишь на Смоленскую с Владыкой Мелитоном. А в сентябре мы с тобой увидимся». Это была моя последняя встреча с великим угодником Божиим, великим иерархом Русской Православной Церкви XX столетия приснопамятным митрополитом Никодимом. Он был истинным отцом для многих из нас, мы навсегда сохраним любовь к нему в своих сердцах. Вечная ему память.

**«ТО, ЧТО ЦЕРКОВЬ РАЗДЕЛЕНА,
ЭТО БОЛЬШОЕ ГОРЕ»**

**Беседа профессора Эрлангенского Университета
д-ра Фэри фон Лилиенфельд с корреспондентом
журнала «Церковь и время»**

— Вера Георгиевна, в этом году исполнилось 20 лет со дня кончины приснопамятного митрополита Никодима. Вы хорошо знали покойного Владыку. Расскажите, пожалуйста, о Ваших встречах с ним.

— Я встречалась с митрополитом Никодимом в ходе богословского диалога между Русской Православной Церковью и Евангелическо-Лютеранской Церковью Германии. Владыка Никодим на этих переговорах возглавлял русскую делегацию. Мне памятна встреча в 1967 г. в Ленинграде. Темой переговоров было Крещение. Среди русских делегатов были «невыездные», в том числе протоиерей Александр Ветелев. Он прочитал очень впечатляющий доклад, но серьезно разошелся с Владыкой Никодимом, потому что делал акцент на духовном развитии христианина после Крещения, упоминая о «втором крещении», каковым может быть, например, монашеский постриг или «крещение слезами», то есть покаяние. Владыка Никодим считал, что доклад отца Александра не относится напрямую к теме переговоров, и потому в течение одной ночи он сам написал дополнительный доклад — такой основательный и такой блестящий, что это всех нас удивило. И такое часто случалось: когда какая-то богословская тема его сильно занимала и он был недоволен докладом кого-то из членов своей делегации, он садился и писал новый доклад.

Весной 1968 года я посетила Ленинград для работы в Академии Наук по приглашению Дмитрия Сергеевича Лихачева и Якова Соломоновича Лурье. Помню, один молодой юноша, Сергей Аверинцев, водил меня по Ленинграду и показывал соборы,

которые произвели на меня большое впечатление. Тогда я снова встретила с Владыкой Никодимом: он организовал для меня машину и сопровождающего, так что я могла посетить храмы не только в Ленинграде, но и в его окрестностях, и не только посмотреть на их стены и росписи, но и пообщаться с верующими. В то время все это было бы практически неосуществимо, если бы не помощь Владыки Никодима.

Потом в 1974 году Владыка приехал в Западную Германию. Это были брежневские времена, и немецкие баптисты очень много говорили о гонениях на религию в Советском Союзе. Когда Владыка прилетел, в аэропорту его встретили с плакатами: «Свободу Борису Талантову» (это был один из тогдашних политических заключенных). По лицу Владыки я видела, что ему все это было очень больно. Он, помнится, сказал мне: «Эти призывы — не по моему адресу». Некоторые на Западе распространяли слухи, что митрополит Никодим — ставленник КГБ, а не служитель Церкви. Но мы, работавшие с ним бок о бок, прекрасно знали и ясно видели, что для него именно служение Церкви всегда было на первом месте: этому служению он отдал всю свою жизнь.

Во время одного из визитов Владыка пригласил меня в свою комнату и сказал: «Я не могу поделиться этим во всеми, но скажу хотя бы Вам. Мне очень тяжело на Западе. Меня все время спрашивают: есть ли гонения на Церковь в России? Если я скажу, что да, я нанесу своей Церкви непоправимый вред, а если скажу нет, меня назовут ставленником КГБ. Вот, я только что дал пресс-конференцию. Мне задали тот же самый вопрос. Я им сказал: а знаете ли вы, каковы права верующих согласно конституции Советского Союза? И пересказал им почти дословно статьи из конституции, из которых ясно, что пропаганда атеизма в СССР поощряется, а пропаганда религии запрещена. Но журналистам все это было не интересно. Они просто хотели спровоцировать меня на ответ о гонениях на религию в СССР, чтобы потом обвинить в неискренности».

Представители средств массовой информации наносят огромный вред Церкви: так это было тогда, так это остается и теперь. Владыка Никодим очень страдал от них. Помню, он мне прислал открытку из Найроби, где проходила Ассамблея Всемирного Совета Церквей. На открытке были изображены огром-

ные толстокожие слоны. Владыка написал мне: «Вот такую кожу надо иметь, чтобы все это выдерживать».

Со временем я познакомилась и с поэтическим творчеством Владыки Никодима: он иногда давал мне написанные им самим службы — прекрасные литургические тексты на славянском языке. Владыка очень любил православное богослужение и в свободное время занимался составлением тропарей, стихир и канонов различным святым.

О митрополите Никодиме я много слышала и от Владыки Мелхиседека, который одно время был экзархом в Германии. Владыка Мелхиседек рассказывал о своих путешествиях вместе с митрополитом Никодимом по закрытым монастырям и храмам России. У митрополита Никодима всегда был с собой маленький омофор и все необходимое для служения Литургии. И Владыка Мелхиседек, который не уступал митрополиту Никодиму в знании богослужения, читал и пел во время Литургии, которую митрополит совершал где-то в потаенном месте, так чтобы никто его не заметил.

В середине 70-х годов, незадолго до его кончины, я виделась с Владыкой Никодимом в последний раз. Он к тому времени пережил уже четыре инфаркта и был тяжело болен. В Лазареву субботу я была в храме Ленинградской духовной академии. Во время службы ко мне подошел отец Владимир Сорокин и сказал: «Владыка Никодим сейчас служит в домовом храме; он приглашает Вас поприсутствовать». Я никогда не забуду эту заупокойную Литургию, которую Владыка Никодим совершал в память своего духовного отца, схиепископа Лазаря. Я была глубоко растрогана молитвенным духом, которым было пронизано служение Владыки. Он был физически очень слаб в начале службы, но под конец словно бы ожил, окреп. Потом он мне говорил: «Я всегда оживаю во время Литургии, получаю новые силы».

От своей подруги Ильзы Фридеберг, которая работала переводчицей во Всемирном Совете Церквей, я узнала, что незадолго до смерти Владыка Никодим решил остаться в Женеве на неделю — в перерыве между двумя заседаниями ВСЦ, в которых он должен был участвовать. В течение этой недели он ежедневно служил Литургию. А Ильза, которая хорошо знала православное богослужение, была за чтеца и за хор. В какой-то день Владыка Никодим сказал ей: «Я хотел бы побольше узнать

о благотворительной деятельности западных монашеских орденов». Тогда Ильза отвезла его в один из детских католических приютов. Увидев детей, Владыка сел и начал играть с ними, а потом они попросили его рассказать им о Христе, и он говорил, а Ильза переводила. Владыка вообще был очень живым и непосредственным человеком. Вот, пожалуй, главное из того, что я могу о нем рассказать.

— Ваши контакты с Русской Православной Церковью начались задолго до встречи с Владыкой Никодимом. Вы, в частности, были свидетелем того, как велись переговоры относительно вступления Русской Православной Церкви в экуменическое движение и во Всемирный Совет Церквей. Сейчас многие утверждают, что Русская Церковь вступила в ВСЦ под нажимом атеистического советского правительства...

— Я слышала это мнение, но думаю, что оно ошибочно. Владыка Михаил (Чуб) в конце 50-х годов рассказывал мне о своей встрече с руководством Всемирного Совета Церквей в Утрехте. Во время этой встречи, на которой делегацию Русской Православной Церкви возглавлял митрополит Николай (Ярушевич), велись переговоры о вступлении Русской Церкви в ВСЦ. Владыка Михаил говорил о том, с каким трудом руководству Русской Церкви удалось убедить советское правительство (это было уже во времена Хрущева, но еще до начала хрущевских гонений на Церковь) в том, что участие Русской Церкви в экуменическом движении не повредит советскому государству. Владыка Михаил говорил мне, что Русская Церковь никогда не была против экуменизма, но при Сталине об этом и речи быть не могло: в 1948 году Сталин даже созвал специальное совещание, на котором главы Православных Церквей из социалистических стран осудили экуменизм. Но после смерти Сталина вступление Русской Церкви в экуменическое движение стало возможным.

Об интересе Русской Православной Церкви к экуменическому движению свидетельствует то, что Поместный Собор 1918 года благословил создание комиссии по христианскому единству, и только последующие события помешали ее работе. Святейший Патриарх Тихон с большим вниманием относился к экумениче-

скому движению: он, например, приветствовал идею молитв о христианском единстве. В создании Всемирного Совета Церквей принимали активное участие русские православные эмигранты, тогда как Церковь в России была полностью изолирована от этого процесса. В 1948 году, когда Константинопольский Патриархат и Элладская Церковь вступили в ВСЦ, Русская Церковь не вступила, потому что, как я сказала, Сталин был категорически против — он боялся, что Церковь приобретет международный престиж. Но сразу же после его смерти началось движение в сторону сближения с экуменическим движением. Активную роль в этом играл митрополит Николай (Ярушевич), который вместе с архиепископом Михаилом (Чубом) подготовил вступление Русской Церкви в ВСЦ.

Советские лидеры любили устраивать межрелигиозные миротворческие конференции, в которых принимали участие и христиане, и мусульмане, и представители других религий. На этих конференциях присутствовали западные наблюдатели, от которых я слышала о том, что в Советском Союзе православные и мусульмане находились в разном положении. Когда выступали исламские лидеры, они говорили с уверенностью, потому что понимали, что их поддерживает весь мусульманский мир. Когда же выступали православные, они чувствовали себя неуверенно, потому что находились в полной изоляции. Прорвать кольцо было жизненно необходимо: поддержка христиан Запада укрепила бы позиции Русской Церкви внутри страны.

— *Считаете ли Вы, что вступление Русской Православной Церкви в экуменическое движение было продиктовано главным образом политическими соображениями?*

— Я думаю, что оно было продиктовано прежде всего стремлением к христианскому единству. Если Христос молился о Своих последователях, «да будут они едины», как же христиане могут не стремиться к тому, чтобы желание Спасителя исполнилось? В русском Православии интерес к теме христианского единства существовал еще в XIX столетии. Уже тогда велись богословские диалоги со старокатоликами, англиканами. Уже тогда митрополит Киевский Платон (Городецкий) считал, что «наши перегородки до неба не достигают». Уже тогда митропо-

лит Филарет (Дроздов) говорил: «Никакую Церковь, верующую, что Иисус Христос есть Сын Божий, не дерзну я назвать ложной». Митрополит Филарет считал возможным не только молиться за лютеран, но даже и вынимать за них частицы на проскомидии.

Очень жаль, что сейчас многие об этом забыли. Во время своего визита в Россию в 1993 году я вместе с группой лютеран из Германии посетила Толгский монастырь. Мы присутствовали за Литургией, и когда началась ектения об оглашенных, священник сказал нам, что мы должны покинуть храм. Нас всех это поразило и огорчило. Позднее, за обедом, я рассказала об этом игумении. Я упомянула о том, что митрополит Филарет Московский признавал действительность католического и лютеранского крещения. «Я понимаю, — сказала я, — что нам нельзя причащаться в Православной Церкви, но чтобы меня выгнали из православного храма как некрещеную, такого со мной не было за все сорок лет моего знакомства с Русской Церковью». Игуменья, конечно, была смущена и извинялась.

Мне кажется, что отвергать крещение инославных — это большое невежество и незнание собственной истории. Разве великую княгиню Елизавету Федоровну перекрещивали, когда она переходила в Православие? Конечно, нет. И императрицу Александру Федоровну не перекрещивали, и многих других лютеран, которые принимали Православие. Значит, лютеранское крещение признавалось.

Помню, протоиерей Лев Лебедев в 1987 году, на международной конференции, посвященной 1000-летию Крещения Руси, утверждал, что истинное крещение существует только в Русской Православной Церкви. Он считал, что не только инославные христиане, но и многие православные не имеют подлинного крещения, а потому не спасутся. Основной мыслью его выступления было то, что со всеми этими еретиками православные не должны иметь никакого контакта, никакого общения. Я тогда сказала ему: «Вам, кажется, доставляет удовлетворение то, что мы не спасемся. Но если Вы истинный христианин, Вы должны были бы плакать об этом; Вы должны были бы не сидеть сложа руки и утверждать, что мы не спасемся, а проповедовать нам Евангелие, чтобы мы спаслись». Проще всего — отвергать возможность спасения других христиан и быть уверенным в собственном спасении. Но разве в этом истинное христианство?

— Последний вопрос: каково Ваше понимание экуменизма?

— Я не люблю слово «экуменизм», потому что оно напоминает какую-то идеологию, так же как и прочие «измы» — «коммунизм», «социализм», «фашизм». Я принадлежу к «экуменическому движению». Во время II Мировой войны все девушки Германии должны были работать на армию: санитарками, кухарками, переводчицами. Поскольку я знала языки, меня призвали в качестве переводчика. В нашей бригаде были и другие верующие девушки, католички и лютеранки, но большинство в Бога не верило. На Рождество мы просили у наших нацистских начальниц разрешения пойти в церковь, чтобы петь в хоре, а они нам говорили: «Хотите петь в хоре, вступайте в хоровую капеллу СС, нечего вам по церквам шляться». Но все-таки с большим трудом мы добивались разрешения, и тогда шли в католическую церковь и там пели, а потом в лютеранскую — и там тоже пели. Это был мой первый экуменический опыт. Мы, конечно, понимали, что существует различие между католичеством и лютеранством, но не менее остро сознавали, что мы друг ко другу бесконечно ближе, чем к атеистам и нацистам. Мы были во-первых, христианами, а во-вторых лютеранами или католиками. И линия фронта проходила не между лютеранами и католиками, а между христианами и безбожниками.

В России в советское время тоже была солидарность — причем не только между христианами разных конфессий, но и между верующими, принадлежавшими к разным религиям. Мне рассказывали две монахини, — одна католичка, другая православная, — что они были сосланы в лагерь в Казахстан, где вместе с ними сидели баптисты, старообрядцы, иудеи. Когда кто-то умирал, они все вместе хоронили его по обряду той веры, к которой он принадлежал, и ставили на могилу либо четырехконечный крест, либо восьмиконечный (православный), либо звезду Давида. Много лет спустя, в 1967 году, когда в Иерусалиме встречались Папа Павел VI и Патриарх Афинагор, одна из этих монахинь мне позвонила и сказала: «Мы должны молиться об успехе этой встречи. Мы ведь по собственному опыту знаем, как важно сближение между христианами».

«ТО, ЧТО ЦЕРКОВЬ РАЗДЕЛЕНА, ЭТО БОЛЬШОЕ ГОРЕ»

Мне очень грустно, что сейчас многие люди, которые не имеют такого опыта, выступают против экуменического сотрудничества, забывая о том, что главный враг христианства — это атеизм, который сейчас во всем мире наступает на веру и перед лицом которого мы должны сплотиться. То, что Церковь разделена, это большое горе. Но болеть этим горем, чувствовать эту боль научаешься только тогда, когда понимаешь, что христиане других конфессий — это не враги твои, а братья.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ЭКУМЕНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

**Публичный доклад, прочитанный митрополитом
Ленинградским и Новгородским Никодимом
5 июля 1968 года в конференц-зале Упсальского
университета (Швеция) во время работы IV Ассамблеи
Всемирного Совета Церквей**

Русская Православная Церковь в 1961 году вступила во Всемирный Совет Церквей, т. е. в содружество Церквей (Fellowship of Churches), основными целями которого является содействие достижению возможно более высокой степени общехристианского единства и совместное служение христиан человечеству в духе евангельских заповедей любви и верности воле Божией.

Известно также, что при неизменно положительном отношении к основным идеям экуменизма Русская Православная Церковь проявила в свое время большую осторожность в отношении конкретных форм его выражения и, в частности, в течение ряда лет после учредительной Амстердамской Ассамблеи Всемирного Совета Церквей, состоявшейся в 1948 году, изучала деятельность этой новой экуменической организации, выясняя для себя возможность сотрудничества в ней без ущерба для исповедуемых ею принципов Православия.

Для православного сознания было, впрочем, с самого начала очевидно, что сотрудничество со Всемирным Советом Церквей, и тем более вступление в это содружество, неизбежно будет означать погружение в стихию протестантизма и, если хотите, некую разновидность кенозиса, поскольку голос православного свидетельства и на экуменических собраниях, и в документах Всемирного Совета Церквей почти всегда будет тонуть в хоре разнородных, но протестантских по существу высказываний.

Одно лишь численное усиление представительства Православных Церквей в соответствии с фактическим удельным весом Православия в христианском мире, насколько бы при этом ни

возросло и самое качество такого представительства, может достигать сбалансированного соотношения двух с одинаковой силой заявляющих о себе вероисповедных групп или систем, чем отнюдь не всегда гарантируется наилучшее взаимопонимание. Я должен прямо сказать, что это может исчезнуть лишь тогда, когда все христианские Церкви достигнут единомыслия в исповедании своей веры, т. е. когда будут все Церкви, члены Всемирного Совета Церквей, веровать согласно с древней неразделенной Церковью, причем им в своем правоверии или, если хотите, православии, вовсе не обязательно, разумеется, быть такими, как исторически представлено теперь Православие в той или иной Поместной, в том числе и Русской Православной, Церкви. Мы, православные, избегаем подобного рода заявлений на экуменических собраниях, полагая, что частое напоминание о разнородности Православия и протестантизма вряд ли будет «служить к миру и ко взаимному назиданию» (Рим. 14:19). Однако в столь ответственный момент, когда я, как глава делегации Московского Православного Патриархата на Генеральной Ассамблее Всемирного Совета Церквей, должен изложить взгляд этой Церкви на экуменическое движение, я чувствую себя обязанным пред Богом и пред моей совестью выполнить это со всей необходимой откровенностью и прямоотой свидетеля, для которого «льстить слуху» (2 Тим. 4:3) вопрошающих значило бы становиться обманщиком, «вводящим в заблуждение и заблуждающимся» (2 Тим. 3:13).

Чтобы показать, что это не только мое личное субъективное мнение, приведу высказывание по данному вопросу одного из авторитетных русских православных богословов — Святейшего Патриарха Сергия, который в известном труде своем «Отношение Церкви Христовой к отделившимся от нее сообществам» писал: «В культурном христианском обществе не принято ставить вопрос об истинной Церкви ребром. Там чаще слышится так называемый широкий взгляд, по которому наши “земные перегородки до неба не достигают”, церковные разделения — плод властолюбия духовенства и несговорчивости богословов. Пусть человек будет православным, католиком или протестантом, лишь бы он был по жизни христианином, и он может быть спокоен. Но такая широта, столь удобная в жизни и успокоительная, не удовлетворяет людей подлинно церковных, привыкших давать

себе ясный отчет в своей вере и убеждениях. Под этой широтой им чувствуется просто скептицизм, холодность к вере, равнодушие к спасению души» («Журнал Московской Патриархии», 1931, № 2, с. 5).

Что же заставило Русскую Православную Церковь пойти на вступление во Всемирный Совет Церквей? Отвечаю на это: во-первых, любовь к братьям, ощутившим пагубность христианских разделений и заявляющим о своем желании устранить те препятствия, которые не позволяют исполниться желанию нашего Господа Иисуса Христа «да будут все едино» (Ин. 17:21); во-вторых, понимание важности объединения усилий всех христиан в деле их свидетельства и служения людям в сложных условиях секуляризированного, подверженного быстрым изменениям и разделенного, но устремляющегося к единству современного мира.

Вступление Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей нельзя рассматривать как церковный в экклезиологическом смысле слова акт. Оно имеет отношение к тем сторонам жизни и деятельности Русской Православной Церкви, свободное осуществление которых не налагает на нее прямой ответственности перед всей совокупностью Поместных Православных Церквей, той ответственности, которую часть таинственного тела Христова должна нести перед полномочной представительницей его полноты — перед всей Святой, Соборной и Апостольской Церковью. Что это действительно так, видно из самого способа вхождения Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей. Все Поместные Православные Церкви заявляли о своем желании вступить во Всемирный Совет Церквей без каких-либо консультаций всеправославного характера. Совещание представителей ряда Автокефальных Православных Церквей, состоявшееся в Москве в 1948 году, не было всеправославным; не имели всеправославного характера и те более поздние консультации с Церквами — участниками Московского Совещания, коими, в отмену прежней договоренности, Русская Православная Церковь ставила их в известность о своем намерении войти в ближайшее время во Всемирный Совет Церквей, в связи с происшедшими в его деятельности изменениями.

Вопрос о вступлении во Всемирный Совет Церквей рассматривался последовательно сначала Священным Синодом, а затем Архиерейским Собором Русской Православной Церкви, и, таким образом, формально выраженное согласие на этот акт всей полноты Поместной Церкви, т. е. иерархии, клира и народа, представленных на Поместном Соборе, нарочито не запрашивалось. Это знаменательно, если учесть твердое общеправославное убеждение, что «хранитель благочестия у нас есть самое тело Церкви, т. е. народ (включая, разумеется, иерархию и клир. — М. Н.), который всегда желает сохранить веру свою неизменной и согласной с верой отцов его» (из «Окружного послания» восточных иерархов от 6 мая 1848 года).

Отмеченная мною ограниченность пределов официальной санкции на вступление Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей не означает, конечно, каких-либо сомнений в правомочности этого акта, ибо известно, что авторитетом и доверием пользуются в нашей Церкви решения не только соборной, но даже и синодальной иерархической власти. Однако способ решения, принятого в Русской Православной Церкви о вступлении во Всемирный Совет Церквей, ясно указывает на то, что — повторяю — акт этот никогда не рассматривался как имеющий экклезиологически обязывающее значение для православного сознания. Точнее было бы говорить не о вступлении и тем более не о принятии Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей, а о соглашении между руководством Русской Православной Церкви, с одной стороны, и руководством Всемирного Совета Церквей, с другой стороны, о включении представителей Русской Православной Церкви в постоянное сотрудничество с представителями других Церквей, объединившихся в экуменическом содружестве, именуемом Всемирный Совет Церквей. Генеральная Ассамблея, имевшая место в Нью-Дели в 1961 году, дала свое согласие на такое сотрудничество.

Говоря о Всемирном Совете Церквей, я должен, справедливости ради, заметить, что в определение сущности Всемирного Совета Церквей с самого начала была внесена некоторая неясность и двусмысленность.

Известно, что «Комитет тридцати пяти», собравшийся 8 июля 1937 года в Лондоне, пришел к убеждению, что настало время образовать Всемирный Совет Церквей как постоянный орган Церквей для выполнения их общих экуменических задач. Совет

был определен как «общество представителей Церквей, преследующее интересы движений “Жизнь и деятельность” и “Вера и устройство”». Оксфордская и Эдинбургская конференции одобрили проект тридцати пяти и приняли решение о слиянии обоих движений.

Но уже Объединенная конференция, состоявшаяся в Утрехте в мае 1938 года, одобрила и приняла следующий базис Всемирного Совета Церквей, утвержденный потом и на I Ассамблее Всемирного Совета Церквей в Амстердаме в 1948 году: «Всемирный Совет Церквей является содружеством (fellowship) Церквей, которые признают Господа нашего Иисуса Христа Богом и Спасителем...» (Documents on Christian Unity, ed. by C. K. A. Bell, 4 series, p. 201).

Вполне очевидно, что орган Церквей или общество их представителей совсем не одно и то же, что содружество или сообщество самих Церквей. Точно так же, например, как Организация Объединенных Наций совсем не то же самое, что сами объединенные нации.

Двусмысленный характер имеет резолюция о «Полномочиях Совета» (Authority of the Council), принятая Амстердамской Ассамблеей 1948 года. В ней говорится: «Всемирный Совет Церквей образовался из Церквей, которые признают Иисуса Христа Богом и Спасителем. Они признают свое единство в Нем. Им не нужно было создавать свое единство: оно есть дар Божий. Но они понимают, что их долг — сообща искать выражения этого единства в жизни и деятельности. Совет желает служить Церквам, его членам — учредителям, в качестве инструмента, посредством которого они могли бы совместно свидетельствовать об их общей преданности Иисусу Христу и сотрудничать в вопросах, требующих объединенных действий... Совет отвергает всякую мысль о том, чтобы стать особой объединенной церковной структурой, не зависимой от Церквей, объединившихся, чтобы образовать Совет, или структурой, управляемой централизованной административной властью. Назначение Совета состоит в том, чтобы выразить свое единство другим способом. Единство возникает из любви Божией во Христе Иисусе, которая, связывая Церкви-учредители с Ним, связывает их и друг с другом. Совет искренне желает, чтобы Церкви могли теснее сплотиться во Христе и тем самым друг с другом. Связанные

Его любовью, они будут стремиться постоянно молиться друг за друга и укреплять друг друга в богослужении и в свидетельстве, неся бремя друг друга и таким образом исполняя закон Христов» (ibid., p. 205—206). Мы видим из текста этой резолюции, что, с одной стороны, Всемирный Совет Церквей — это содружество Церквей, которые ощутили недостаточность своего единства и стали искать способа выразить это единство полнее. С этой целью они образовали из себя самих *in* согрее сообщество с общими задачами, с общей деятельностью и, отчасти, с общей жизнью.

Но, с другой стороны, Всемирный Совет Церквей — это инструмент, созданный вступившими в означенное сообщество Церквами для выражения их единства, который призван служить Церквам-учредителям, инструмент, посредством которого они свидетельствуют, сотрудничают, спланиваются друг с другом. В этом смысле Всемирный Совет Церквей есть объединенная церковная структура, хотя и не «особая», не «независимая» от объединившихся Церквей, структура, хотя и не «управляемая централизованной административной властью», но обслуживаемая специальным централизованным руководящим аппаратом.

Примечательно, что д-р Виссерт-Хуфт в своем докладе «О значении членства во Всемирном Совете Церквей» (на Рочестерской сессии ЦК ВСЦ 1963 года) отметил, что действительно существует смешение понятий, относящихся к определению Всемирного Совета Церквей. «Теперь, — сказал он, — настало, как нам кажется, время провести четкую грань между Всемирным Советом Церквей и новой экуменической реальностью... Перенести определение возникающей экуменической реальности на Всемирный Совет — значит смешать инструмент с продуктом, появляющимся на свет с помощью этого инструмента. Именно через Всемирный Совет Церквей или, по крайней мере, в значительной степени через него, многие осознали измерения и характеристики жизни Церкви, о коих ранее у них было преимущественно теоретическое представление. Но это не меняет сущности Всемирного Совета Церквей, как орудия на службе Церквей».

Из этого места видно, что д-р Виссерт-Хуфт считает необходимым разъяснить, что «экуменическая реальность» — которую он мыслит, по-видимому, в виде некоего зачатка подлинной

«Una Sancta» — возникает не во Всемирном Совете Церквей, который есть лишь орудие Церквей, а в самих Церквах-членах, в их сообществе, которое названо Советом Церквей.

Православное учение неизменно по своей сущности, которую можно охарактеризовать как живое Священное Предание Церкви, неприкосновенно сохраняющей и неповрежденно изъясняющей вверенное ей богооткровенное апостольское наследие веры. Что же касается православного богословия как научной дисциплины, то оно, естественно, развивается и совершенствуется, и с этой точки зрения православная эkkлeзиология может также проходить через фазы постепенного развития и обновления. Но этот процесс отнюдь не может быть связан какими-либо внешними нормами или формальными обязанностями и совершается в естественном порядке свободного отклика на новые явления и условия, среди которых протекает жизнь Церкви Христовой.

В свое время Русская Православная Церковь «по достоинству оценила принятый в 1950 году Центральным комитетом Всемирного Совета Церквей доклад “Церковь, Церкви и Всемирный Совет Церквей”, внесший известную ясность в вопрос о межконфессиональной сущности Всемирного Совета Церквей» (из речи на Архиерейском Соборе 1961 года, — см. «ЖМП», 1961, № 8, с. 19). Наиболее важны следующие положения этой так называемой Торонтской декларации: «Всемирный Совет не может и не должен основываться на какой-либо одной определенной концепции Церкви. Он не предрешает эkkлeзиологических проблем... Во Всемирном Совете есть место для эkkлeзиологии всякой Церкви, которая готова участвовать в экуменическом диалоге и придерживается базиса Совета... Ни одна Церковь не обязана менять свою эkkлeзиологию вследствие членства во Всемирном Совете» (§ 3, 3). «Членство во Всемирном Совете не означает принятия определенной доктрины о сущности христианского единства» (§ 3, 5).

Именно эти положения позволили Русской Православной Церкви, в лице ее иерархов, согласиться на вступление во Всемирный Совет Церквей в том смысле, как об этом было мною сказано выше. Что же касается 4-й части Торонтской декларации («Предположения, лежащие в основании Всемирного Совета Церквей»), то, несмотря на наличие в ней ряда мыслей, вполне

приемлемых для православных, она рассматривается Русской Православной Церковью как такое частное мнение, которое совершенно необязательно для Церквей — членов Всемирного Совета Церквей, тем более, что *implicite* в нем содержится взгляд на Церковь, вполне, по-видимому, приемлемый для протестантов, но несовместимый с эkkлезиологическими принципами Православия. Я не могу в рамках своего краткого выступления затрагивать существо этого вопроса: это потребовало бы весьма тщательного анализа текста 4-й части Торонтской декларации и неизбежно вызвало бы продолжительную дискуссию. Но для того, чтобы обосновать наш взгляд на эту часть как на простое необязательное частное мнение, вполне достаточно указать на то, что она трактует об «эkkлезиологических последствиях членства во Всемирном Совете Церквей» (см. вступление в 4-ю часть декларации), а согласно ясному утверждению, высказанному в 3-й части, Всемирный Совет Церквей «не предпрещает эkkлезиологических проблем» (§ 3).

Во многих документах Всемирного Совета Церквей высказывается мысль о том, что задачей входящих в него Церквей является выявление уже существующего единства. Я уже цитировал то место из резолюции Амстердамской Ассамблеи «О полномочиях Совета», где говорится, что Церквам, образовавшим Совет, «не нужно было создавать свое единство: оно есть дар Божий», но что «их долг — сообща искать выражения этого единства в жизни и деятельности». Подобно этому и в принятом Эванстонской Ассамблеей 1954 года заявлении о «назначении и функции базиса» говорилось, что «Церкви входят во взаимные отношения (в рамках Всемирного Совета Церквей. — *М. Н.*) потому, что имеется единство, данное однажды для всех в Лице и деле их общего Господа, и потому, что Живый Господь собирает вместе Свой народ» (см. «ЖМП», 1961, № 2, с. 71—72).

Подобных высказываний было сделано и делается немало, однако они свидетельствуют о неполном осознании разделенными христианами греха их разделения. Конечно, имеется изначальное единство, предлагаемое всем в Лице Единого Господа и Спасителя. Имеется также некоторая степень единства в мыслях, упованиях, нравственных нормах, в поведении и т. п., несмотря на состояние разделения. Но как можно ограничиваться успокоительными заявлениями о том, что имеется в наличии,

почти забывая или умалчивая о том, чего нет у множества разделенных христиан, — а именно о том истинном существенном единстве, свойственном неповрежденному телу Церкви Христовой, которое мы, православные, называем кафоличностью, или соборностью.

Не могу в этой связи не коснуться известного определения единства, которое было первоначально разработано в Сент-Эндрюсе в 1960 году, а затем вошло в доклад Секции единства, принятый Генеральной Ассамблеей в Нью-Дели в 1961 году: «Мы верим, что единство, которое есть одновременно и воля Божия и дар Бога Его Церкви, делается видимым по мере того, как во всяком месте все, крещенные во Иисуса Христа и исповедующие Его Господом и Спасителем, вводятся Святым Духом в полное общение братства, содержащего единую апостольскую веру, проповедующего одно Евангелие, причащающегося от единого Хлеба, объединенного в общей молитве и живущего общей жизнью, распространяющейся на окружающих посредством свидетельства и служения, причем все они (т. е. крестившиеся и исповедующие Иисуса Христа Господом и Спасителем. — *М. Н.*) таким образом пребывают в единстве со всей совокупностью христианского братства, что их пастыри и верующие признаются всеми и могут совместно действовать и говорить, как того требуют обстоятельства, для выполнения задач, к которым Бог призывает Свой народ» (Доклад Секции единства, § 1).

Совершенно очевидно, что, вопреки утверждению того же доклада, будто это описание единства «не предполагает какого-либо определенного учения о Церкви» (там же), в нем содержится чисто протестантский взгляд на единство как на дар Божий, существенно и независимо от разделений принадлежащий всему христианству и лишь не всегда в должной степени видимо проявляющийся. Само христианство рассматривается при этом как единое, по существу, и целостное тело Церкви Христовой, а факт разделения понимается не в смысле разрушения внутреннего единства и болезненного повреждения отдельных частей тела Церкви, а только в смысле недостаточного осознания разделенными христианами своего здорового внутреннего состояния и недостаточного дерзания для того, чтобы об этом здоровье всем заявить посредством готовности к актам внешнего выражения единства.

Описание единства, данное в этом докладе, может быть отнесено только к будущим временам, когда в результате молитв, экуменического сотрудничества и исканий вожденное единство будет достигнуто.

Грех разделения состоит не в недостаточности осознания объективно якобы существующего неповрежденного внутреннего единства, а в существенном разрушении единства, в болезненном для всего тела Церкви Христовой существенном повреждении его отдельных частей. Единство Церкви действительно является даром Божиим, однако лишь в том совершенно определенном смысле, что существует и будет до скончания века существовать объективная Божественная основа церковного единства во Христе, т. е. возможность находиться в теснейшем общении со Христом, посредством веры и участия в сакраментальной жизни, и особенно в истинной Евхаристии, при условии, однако, всецелого послушания полноте Божественного Откровения. Эта объективная сторона не обеспечивает сама по себе, независимо от нашего послушания или непослушания Божественному Откровению, наличия полного и существенного единства в любой части христианского братства. Только Единая Святая, Соборная и Апостольская Церковь, как внутренне целостная и неповрежденная основа тела Христова, является действительной обладательницей истинного и совершенного единства в силу ее послушания голосу Божественной Истины. За ее пределами существенное единство может утрачиваться в большей или меньшей степени, становиться неполным или даже стоять на грани полного исчезновения. Распространение полного и совершенного единства на область всей экумены может совершаться не путем простого «выявления» или «видимого выражения» единства, а исключительно путем воссоздания нарушенного единства, путем возвращения к полному послушанию Истине, которое и откроет возможность к отождествлению границ всего христианского братства с границами Единой Святой, Соборной и Апостольской Церкви.

Я не стану подробно говорить об успехах экуменического движения за период между двумя Генеральными Ассамблеями Всемирного Совета Церквей (1961—1968 гг.) от Нью-Дели до Упсалы. Они, на мой взгляд, несомненны и обнадеживающи. Достаточно ознакомиться с трудами Комиссии «Вера и устрой-

ство», чтобы увидеть, насколько шире и глубже стали поиски путей к постижению сокровищ вероучения и опыта древней неразделенной Церкви. Мы горячо приветствуем выраженную в недавних документах Комиссии «Вера и устройство» решимость «усилить изучение документов древних Соборов» и «уделять все большее внимание свидетельству патристического периода» (см. Рекомендации в документе «Патристические исследования с экуменической точки зрения» и те места доклада 4-й секции Комиссии, работавшей в Бристоле, где выражено одобрение такого рода исследованиям — *New Directions in Faith and Order*. Bristol, 1967, p. 48, 153—154).

Мы положительно оцениваем и многие аспекты практической деятельности Всемирного Совета Церквей, усилившейся и получившей большее значение, чем прежде, в связи с установлением новых контактов, в частности с Римско-Католической Церковью, с Христианским мирным движением и другими христианскими кругами и движениями. При этом, конечно, мы не закрываем глаза и на некоторые отрицательные, с нашей точки зрения, явления, которые все еще препятствуют Всемирному Совету Церквей занимать более принципиальную и решительную позицию в отношении к явно нетерпимым нарушениям международного мира и суверенных прав народов — жертв агрессии.

В этих случаях мы, христиане, не должны искать какого-то общего сбалансированного решения, которое чаще всего не удовлетворяет никого, но называть вещи своими именами и бороться против зла, чтобы добро, чтобы мир стали достоянием людей, земных детей Небесного Отца.

Мы искренне надеемся, что в процессе дальнейшего экуменического сотрудничества будет неуклонно расти осознание христианами подлинной сущности продолжающегося в христианстве разделения, в результате чего не только углубится понимание греховности разделения, но и усилится чувство ответственности за быстрое прекращение всякого упорства и своеволия, травмирующего тело Церкви и причиняющего ему не только внешнее бесчестие, но и глубокое внутреннее страдание. Мы надеемся и на то, что в процессе тесного братского сотрудничества и взаимного обогащения многосторонним опытом христиане станут огромной моральной силой, способной заслужить

всеобщее уважение людей, жаждущих мира, справедливости и гуманных человеческих отношений. Если общая позиция Церквей, объединившихся в экуменическом движении, в любом вопросе будет определяться приверженностью Евангельской Правде и вдохновляться Христовой Любовью, то их христианское единомыслие принесет совершенный плод и будет действовать неотразимо, ибо «в учении нашем нет ни заблуждения, ни нечистых побуждений, ни лукавства» (1 Фес. 2:3).

Я бы хотел сказать еще несколько слов по поводу некоторых мыслей, содержащихся в докладе генерального секретаря Всемирного Совета Церквей д-ра Блейка, который был представлен им Центральному комитету Всемирного Совета Церквей во время сессии, состоявшейся в 1967 году в г. Ираклионе на Крите.

Д-р Блейк в своем талантливо построенном и содержательном докладе заявил, что, по его мнению, «путь Всемирного Совета Церквей в служении экуменическому движению в наше время состоит в том, чтобы оказывать столь же радикальное влияние, побуждающее к революционному новому послушанию Иисусу Христу, сколь консервативными мы должны быть в сохранении миру древнего Евангелия трансцендентного Бога, открывшего Себя в Сыне Своем Господе нашем Иисусе Христе» (Заседание Центрального Комитета ВСЦ, документ № 2).

Мы, православные, горячо приветствуем тот разумный консерватизм в области веры, который заповедали нам святые апостолы, говоря: «Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь» (Евр. 13:9). Для того и «поставил (Господь в Церкви Своей) одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями», чтобы «мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения» (Еф. 4:11, 14).

Мы с удовлетворением воспринимаем те места доклада д-ра Блейка, в которых он подчеркивает важность общехристианской стойкости перед лицом еретичествующего богословского модернизма, стремящегося низринуть на землю Единородного Сына Божия, сущего в недрах Отца (Ин. 1:18), и полностью очеловечить Слово, бывшее в начале у Бога и лишь впоследствии (Гал. 4:4) ставшее плотью и обитавшее с нами (Ин. 1:14), которое ныне, как Богочеловек, одесную Бога Отца. «Хотя я уверен, — говорит д-р Блейк, — что позиция экуменического дви-

жения в отношении защитников «новых богословских взглядов» должна быть пастырской и заботливой, я считаю весьма важным, чтобы мы не давали кому-либо основания полагать, будто мы, как Всемирный Совет Церквей, ставим под сомнение бытие Бога и Отца Господа Иисуса Христа» (там же). Нужно, однако, заметить, что пастырский подход к сторонникам модернистских взглядов отнюдь не должен означать готовности без конца мириться с любым произволом в области интерпретации христианской веры. Есть предел, за которым свободомыслие превращается в фактор активного разрушения и христианской веры, и христианского единства.

Что касается мысли д-ра Блейка о «революционном новом послушании Иисусу Христу» и о «радикальном влиянии Всемирного Совета Церквей» в этом направлении, то здесь мы, православные, находим себя обязанными проявить известную осторожность и осмотрительность. Не подлежит сомнению, что «обновление ума» для познания, «что́ есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим. 12:2), есть важнейший и постоянно действующий закон христианской жизни. Чтобы не умереть духовно, народ Божий своим добрым волеизъявлением должен постоянно содействовать Духу Божию в обновлении сердец (Иез. 18:31; ср. 36:26) и правого духа (Пс. 50:12). Однако каким именно должен быть этот процесс в наше время — эволюционным или революционным — сказать трудно. Никто не наделил нас для этого бесспорным пророческим вдохновением. И когда мы слышим утверждения, будто «совершенно ясно, что нам и нашим Церквам необходимы в наши дни революционные перемены» (там же), то невольно приходит в голову мысль, что здесь несколько рискованное обобщение. Возможно, протестантским богословам свойственно не только мыслить, но и выражаться в духе всеокрушающего динамизма, иногда склонного, вслед за древним пророком Илией, ожидать явления Господня скорее в землетрясении и огне, чем в веянии тихого ветра (см. 3 Цар. 19:11—12).

Во всяком случае, Православные Церкви не испытывают такой жгучей необходимости в «революционном» обновлении церковной жизни. И это связано не с какой-нибудь косностью или невнимательностью к развитию, происходящему в мире, и не с недооценкой «духовного экуменизма», о котором так хорошо

сказано в известном постановлении Второго Ватиканского Собора об экуменизме (п. 8), а с самой природой Православия, скорее допускающей спокойное «аджорнаменто», чем бурные реформы, способные иногда вызывать печальные и труднопоправимые последствия, вроде известного русского церковного «обновленчества» 20-х годов. Было бы желательно, чтобы все рассуждения относительно необходимого обновления церковной жизни протекали на экуменических дискуссиях и, тем более, приводились в официальных документах в совершенно четкой и конкретной форме, чем исключались бы всякие подозрения, двусмысленность и слишком широкие обобщения.

В упоминавшемся докладе было сказано, что Церкви — члены Всемирного Совета Церквей всегда должны быть готовы трансцендироваться от всех тех влияний окружающей их обстановки, которые способны ограничить или исказить свободу их суждений. «Попытка превзойти всякую человеческую ограниченность и вера, что Бог делает такое трансцендирование возможным, являются, — говорит д-р Блейк, — сердцем экуменического движения» (там же). Конечно, о всем, а особенно о том, что от Духа Божия, надобно судить духовно (1 Кор. 2:14), однако такая крайняя спиритуализация церковной мысли, которая тщится превзойти всякую человеческую ограниченность и подняться выше всяких национальных и государственных интересов, не всегда соответствует воле Божией и истинному духу Евангелия, напоминающего о необходимости «отдавать кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22:21). Лучше руководствоваться более простым, но зато несомненно апостольским советом: «Все испытывайте, хорошего держитесь» (1 Фес. 5:21).

Наконец, утверждение, что Всемирный Совет Церквей «должен найти подходящий способ заявить в вере, что руководство Святого Духа, доступное для всех нас вместе, недоступно в такой же мере для каждого в отдельности» (там же), может, конечно, рассматриваться только как частное мнение. По мнению же православных, хотя и нельзя совершенно исключать возможности озарения свыше в процессе экуменического сотрудничества — ведь «Дух дышит, где хочет» (Ин. 3:8), — однако для подобных обобщений мы не видим достаточных оснований.

Одним из постоянных искушений для Всемирного Совета Церквей является желание некоторых экуменистов как можно

скорее констатировать выявление в содружестве Церквей — членов Всемирного Совета Церквей «новой эkkлeзиoлoгичeскoй реальности». В принципе нельзя, конечно, отрицать возможность такого трансцендирования христианского сознания, которое, по существу, означало бы готовность соединиться на почве апостольского наследия, в полной неповрежденности сохраненного и выраженного древней неразделенной Церковью. Более того, готовность к такому трансцендированию должна быть предметом нашей общей надежды, а вера, что Бог сделает такое трансцендирование возможным, действительно может быть названа сердцем экуменического движения. Если бы содружество Церквей — членов Всемирного Совета Церквей действительно стало выявлять в необходимой полноте такие признаки Церкви Христовой, как святость, соборность и апостоличность, то это значило бы, что, при содействии Духа Истины, природа содружества действительно преобразуется в том именно направлении, в котором это желательно Богочеловеку, Сыну Божию, молившемуся Небесному Отцу «да вси едино будут» (Ин. 17:21).

Но в настоящее время еще, к сожалению, не видно явных признаков такого благословенного трансцендирования! Насколько медленно происходит созревание вероисповедного единства, можно судить не только по хорошо всем известной пестроте внутреннего содержания принимаемых Всемирным Советом Церквей документов доктринального характера, но и по тому страху, который обнаружился в свое время — сравнительно недавно, — когда был поднят вопрос об изменении базиса Всемирного Совета Церквей. Известно, что такую попытку некоторые экуменисты сравнивали с попыткой «открыть ящик Пандоры» («ЖМП», 1961, № 2, с. 75). Правда, в Нью-Дели беды не произошло: несмотря на принятие нового базиса, ящик Пандоры не раскрылся. Но зато вряд ли кто решается теперь предложить такое, например, изменение базиса, которое предусматривало бы в качестве условия для членства в ВСЦ принятие и исповедание Вселенского Никео-Константинопольского Символа веры.

Во всяком случае, невозможно говорить о каких-либо существенных переменах в природе Церквей — членов Всемирного Совета Церквей, пока экуменическое сотрудничество сосредоточивается исключительно на совместной деятельности представителей двух основных групп Церквей — я имею в виду Церкви

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ И ЭКУМЕНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Православные и Церкви Протестантские, — непосредственный же диалог между самими этими Церквами, по-видимому, еще не может быть достаточно плодотворным. Именно поэтому мы, православные, твердо настаиваем на неприкосновенности принципов Торонтской декларации, как они выражены в 3-й ее части, и полностью поддерживаем замечание (сделанное одним из наших экуменических братьев), о котором д-р Виссерт-Хуфт упомянул в своем докладе о «Смысле членства во Всемирном Совете Церквей»: «Давайте продолжать пребывать и действовать в братстве, избегая излишеств в самосознании, которые могут стать поводом к гордости. Лучше жить с реальностью, которая превосходит определение, чем с определением, которое претендует на большее содержание, чем у нас есть в действительности».

Итак, оптимистически и с надеждой взирая на все сложности и трудности нашего общего христианского пути к единству, воспламеняясь любовью Богочеловека Иисуса Христа, нашего Господа, и стремясь умножить Его веру и любовь во всем мире, мы будем идти вперед и не остановимся, но будем продолжать экуменическое движение, потому что перед нами как добрый пастырь (Ин. 10:4) идет Спаситель и Воссоздатель мира, Тот, Кто творит все новое (Откр. 21:5), Кто — Путь, Истина и Жизнь (Ин. 14:6).

ПРАВОСЛАВИЕ И ИНОСЛАВИЕ

СЕРБСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ЭКУМЕНИЗМ

От редакции

В августе 1998 г. состоялся визит в Русскую Православную Церковь двух представителей Сербской Православной Церкви — епископа Бачского Иринея (Буловича) и епископа Захумско-Герцеговинского Афанасия (Евтича). Одной из основных тем переговоров представителей Сербской Церкви с руководством Русской Православной Церкви была тема отношения к экуменическому движению.

В настоящем разделе мы публикуем ответы епископа Бачского Иринея на вопросы, заданные ему во время пресс-конференции в Отделе внешних церковных сношений Московского Патриархата, а также статью епископа Афанасия о православном экуменизме, написанную в 1971 году.

В Сербской Православной Церкви, так же как и в Русской Православной Церкви, ведется широкая дискуссия по теме участия в экуменическом движении. Сербская Церковь сохраняет членство во Всемирном Совете Церквей и участвует в работе его Центрального комитета. Следуя рекомендациям Всеправославного совещания в Салониках (29.04—2.05.1998), Сербская Церковь прислала на VIII Ассамблею Всемирного Совета Церквей делегацию с ограниченным мандатом, не принимавшую участия в голосовании и богослужениях. В целом позиция Сербской Православной Церкви по отношению к экуменизму совпадает с позицией Русской Православной Церкви.

Епископ Бачский ИРИНЕЙ (Булович)

СЕРБСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ЭКУМЕНИЗМ

— Несколько месяцев назад газета «Радонеж» опубликовала материал за подписью диакона Андрея Кураева о том, что Сербская Церковь вышла из ВСЦ и из экуменического движения. Насколько эта информация соответствует действительности и каково на сегодняшний день отношение Сербской Церкви к экуменическому движению?

— Спасибо. Я знаю об этой информации, можно прямо сказать, дезинформации, в которой, может быть, не виноват отец Андрей Кураев: он виноват лишь в том, что без проверки, без вдумчивого отношения написал то, что говорили ему в определенных кругах. Как у вас, так и у нас есть люди, считающие экуменизм ересью. Эти люди выступают не против тех или иных тенденций, существующих в экуменическом движении, но против самого факта диалога между нами и инославными. Считая наш диалог с инославием ересью, они забывают евангельскую ответственность, которая свойственна самому естеству, самому бытию нашей Православной Церкви, являющейся той самой Церковью, которую Господь основал на Себе как на вечном камне.

Наша обязанность — свидетельствовать о Воскресшем Господе до концов вселенной; именно такая миссия была возложена на апостолов. Мы не можем замыкаться на самих себе подобно тем иудео-христианам первого века, которые были ревнителями отеческих законов, отеческого благочестия, но не понимали этой всеобщей, всеохватной природы спасения. Они не понимали, что ветхозаветная, иудейская по национальному происхождению Церковь должна стать закваской Нового Израиля, нового Народа Божия, который шире не только национального исторического Израиля, но шире небес, потому что это дом Святой Троицы, это Церковь, тело живого Хри-

ста! Люди, о которых идет речь, имели, как говорит апостол Павел, ревность, но не по разуму.

Искушение иудео-христианства повторяется в наши дни в каком-то иррациональном страхе перед инаковерующими, и не только перед ними, но и перед врагами православной веры. В сегодняшнем мире, называющем себя христианским, есть, конечно, и те, кто преисполнен ностальгией по Православию (может быть, иногда подсознательно или сверхсознательно), но есть и такие, которые пытаются подорвать единство Православной Церкви. Но и внутри Православной Церкви есть круги, которые воспринимают существование инославных как угрозу своему собственному существованию: именно из этих кругов, как я догадываюсь, и получил сведения отец Андрей Кураев, который совсем некритически их перенес сюда, в Россию.

Наш Архиерейский Собор неоднократно имел оживленные дискуссии по теме экуменизма, потому что один из наших братьев-архиереев в полный голос заявлял, что экуменизм — отрицательное явление, что в нем нельзя найти ничего светлого, оправдывающего наше участие, и он требовал, чтобы этот вопрос был рассмотрен соборно. Один архиерей не может в одиночку выносить решение по такому важному вопросу, так же как и одна Поместная Церковь не должна на своем Соборе принимать решение подобного рода без согласования с другими Поместными Церквями. Мы всегда были и остаемся живой органической частью вселенской Православной Церкви, которая не есть конфедерация каких-то самозамкнутых Поместных Церквей, имеющих между собою дипломатические отношения, но есть одно Тело, одна Церковь. Будучи членами единой Церкви, мы не можем существовать друг без друга. Поэтому на Соборе мы решили, что опасения и недоумения части наших верующих, духовенства, монашества и даже иерархии должны быть рассмотрены на всеправославном уровне и что мы должны вместе с остальными братьями по вере вместе прийти к всеправославному соборному решению, выработать общую позицию. Наша Поместная Церковь на Архиерейском Соборе определила, что мы не будем принимать решение о выходе из состава ВСЦ в одностороннем порядке, а согласимся с всеправославным решением. Мы поговорим братски со всеми, каждый выскажет свои затруднения, но поделится также и своим положительным опытом, а потом посмотрим, что нам делать.

Кажется, такой же процесс шел в лоне Русской Православной Церкви, потому что немного раньше со стороны Русской Церкви и немного позже со стороны Сербской Церкви были направлены письма Вселенскому Патриарху как первенствующему иерарху между главами Православных Церквей созвать всеправославное совещание — консультацию на тему отношения к экуменизму. И вот мы сошлись все вместе в Салониках в конце апреля — начале мая этого года: там мы поговорили по-братски, по душам, и выработали единую всеправославную позицию.

У нас, конечно, много опасений по поводу не столько экуменического движения, сколько тяготения к объединению христианских конфессий. Единство Церкви не утрачено ни догматически, ни исторически, поэтому стоит наша Православная Церковь как Церковь Христова. Но единство христианского мира в более широком смысле, то есть единство всех тех, кто верует во Христа как Господа и Спасителя, оно и вправду потеряно. Тяготение к единству между христианами различных конфессий находит отклик и понимание в нашей душе, и мы считаем своим долгом, свидетельствуя всем христианам о православной вере, показывать им, что мы их любим несмотря на то, что они неправославные.

Что же касается Всемирного Совета Церквей, здесь надо сказать, что в Совете стали увлекаться политической и национальной проблематикой, а самый основной вопрос — о единстве христианской вселенной — оказался в тени. Православные самым фактом своего присутствия в Совете всегда напоминали о духовной сущности этой встречи, этого диалога. Кроме того, я считаю ошибкой безоговорочное принятие православными условий членства в ВСЦ, на которые они согласились в начале 60-х годов. Структура этой организации, по-моему, копирует западные демократические структуры, где все решается путем голосования и побеждает большинство. Что значат эти количественные критерии, когда речь идет о самых существенных вопросах истины, жизни, спасения? Я сам присутствовал на таких голосованиях, и, признаюсь, жутко становилось на душе, когда голосовали по таким вопросам, по которым вообще невозможно голосование. Мученически отстаивать свою веру — можно, а голосовать по догматическим вопросам — нельзя. Когда речь идет о Боге, о Христе, здесь не может быть голосования, а если голосуют по вопросам морали, если пытаются размыть христиан-

ские моральные нормы, то нам незачем в таком голосовании участвовать.

Итак, мы считаем, — и в Салониках это было открыто заявлено всеми православными «единими усты и единым сердцем», — что сегодняшняя модель присутствия Православной Церкви в экуменическом движении и особенно во Всемирном Совете Церквей нас не удовлетворяет; напротив, она вызывает очень большие опасения, так что мы подчас спрашиваем себя, не служим ли мы, сами того не желая, своеобразным инструментом для той тенденции, которая иногда разрушает сами основы христианской веры и нравственности. Поэтому мы решили, что по долгу совести мы должны искать новые пути, стремиться к созданию новой модели, нового образца того, как мы будем друг с другом разговаривать и сотрудничать. Мы считаем, что это возможно сделать в результате переговоров. Поэтому в Салониках на всеправославном уровне мы заявили о необходимости создания Смешанной Богословской комиссии, в которой будут представители как ВСЦ, так и всех Поместных Православных Церквей. Именно там можно и должно разрабатывать эту новую модель, которая даст нам возможность равноправно, без ущемления своей совести разговаривать, свидетельствовать, выражать любовь и наше стремление к восстановлению единства христианского мира, насколько это от нас зависит, ибо в конечном итоге все зависит от дара Святого Духа. Если же не будет доброй воли, открытости и искренности со стороны наших неправославных партнеров по диалогу, мы тогда вместе подумаем и соборно решим, что делать дальше. И если нужно будет соборно выйти, то сделаем это все вместе.

Таков был дух нашей всеправославной богословской позиции, таково было слово всех официальных представителей Поместных Православных Церквей в Салониках. Это также и позиция Сербской Церкви, и Русской. Могу сказать, что позиция Сербской Православной Церкви по этому вопросу практически совпадает с позицией Русской Православной Церкви, а их совместная позиция выражает сегодня всеправославный консенсус. С этой позицией согласились — в лице своих представителей на совещании в Салониках — и Вселенская Патриархия, и Греческая Церковь, и все остальные без исключения: все были с этой позицией согласны.

Конечно, мы там свидетельствовали каждый по-своему, исходя из собственного опыта. Русские братья говорили о своем опыте: присутствующий здесь Владыка митрополит говорил по сердцу и по совести, мы все были очень тронуты его словами ¹. А мы — Владыка Афанасий ² и мое недостоинство — свидетельствовали о положении в нашей Поместной Церкви. Но мы не говорили наперед, что надо делать, потому что сами делать ничего не будем без наших православных братьев. У нас много опасений, много критики — объективной, справедливой, благонамеренной критики разных явлений в экуменическом движении. Я сам являюсь членом ЦК КЕЦ, но это не значит, что я не выступаю с критикой многих моментов, так же как и другие православные в ВСЦ и КЕЦ отнюдь не пассивны. Мы не являемся экспонентами какого-то протестантского либерализма: мы являемся свидетелями, хотя и скромными, и недостойными, но никогда не предающими свою веру, свою душу, свою совесть перед лицом неправославных наших собратьев. Инославы — не враги нам, они наши братья, также как и все люди, по Евангелию, являются нашими братьями.

Таким образом, мы настроены критически, но в то же самое время мы открыты для диалога — открыты как христиане, члены Православной Церкви. Мы не принимаем ничего двусмысленного, неясного. Мой брат, Владыка Афанасий, очень часто говорит, — позвольте мне процитировать его, — что «если есть римоцентрический и женевоцентрический экуменизм, то должен быть и наш православный, христоцентрический экуменизм». Такой экуменизм — а лучше сказать, «икуменизм» ³ — свидетельствовал бы о соборной и сотериологической ответственности Церкви за спасение всего мира, всего творения Божия, и мы хотели бы быть выразителями и свидетелями такого «икуменизма». Мы не против диалога, не против свидетельства, не против сотрудничества, но мы против всяких сделок и ошибок, которые иногда все больше и больше заметны. Поэтому мы не вышли из экуменического движения, как это сделала Грузинская Православная Церковь, но остались на тех же позициях, на которых стоит Русская Православная Церковь, и следуем всеправославному голосу.

¹ Выступление митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, возглавлявшего делегацию Русской Православной Церкви на совещании в Салониках, напечатано в журнале «Церковь и время» № 2 (5), 1998.

² Епископ Захумско-Герцеговинский Афанасий (Евтич).

³ От греч. οἰκουμένη — вселенная.

Сейчас сплотились разные раскольнические и даже сектантские группировки, которые раньше делали акцент на календарной проблеме, а сегодня говорят: «Мы защищаем Церковь от ереси экуменизма». Будто между нами есть такие экуменисты, которые не верят в свою собственную Церковь, а верят в какую-то иноверческую и маргинальную церковь, составленную из осколков христианских деноминаций и сект. Я думаю, что среди православных иерархов таких людей нет. Я считаю кощунством заявлять, что такие люди, как отец Георгий Флоровский и некоторые другие православные священнослужители и иерархи, в прошлом и настоящем были или являются предателями православной веры. Конечно, необходимо быть осторожными. «Блюдите како опасно ходите», — говорит апостол Павел. Надо «различать духов», в том числе и в экуменическом движении.

— Владыко, те люди, которые резко критикуют руководство наших Церквей за участие в экуменическом движении, часто ссылаются на мнение об экуменизме известного сербского богослова, архимандрита Иустина Поповича. Поскольку и Вы, и Владыка Афанасий были учениками архимандрита Иустина, хотелось бы услышать Ваше мнение по поводу его высказываний об экуменизме.

— Да, мы оба — и Владыка Афанасий и я — духовные сыновья отца Иустина. По поводу его высказываний об экуменизме скажу следующее. Отец Иустин писал во времена Патриарха Афинагора. Блаженной памяти Вселенский Патриарх Афинагор делал некоторые очень смелые заявления, говорил, что никаких реальных препятствий для восстановления единства Церквей нет, что затруднения возникают со стороны богословов и богословия. Он делал какие-то эмоциональные, слишком смелые заявления. Было впечатление, что создается тип идейных экуменистов в православном мире. К счастью, последующее развитие и в православном мире в целом, и в некоторых Поместных Православных Церквях в частности, опровергло эти опасения. Но я считаю, что голоса таких людей, как отец Иустин, иногда очень жесткие и критические, помогли предотвратить развитие событий в ином направлении.

Отец Иустин, насколько я понимаю, — я и сам часто разговаривал с ним на эти темы, — не критиковал идею диалога,

ЕПИСКОП ИРИНЕЙ (БУЛОВИЧ)

свидетельства, любви. Он сам был очень открытым человеком. Идеологию экуменизма как некоего варианта «нового христианства», каким увлекались некоторые экуменические круги, он критиковал как ектелезиологическую ересь: он считал ее такой опасной ересью, что даже сформулировал новый термин, которым сегодня все широко пользуются — «всеересь». Но мне кажется, что те люди, которые ссылаются на отца Иустина для подтверждения своей раскольничьей идеологии, что-то путают — иногда бессознательно, а иногда и сознательно. Для оправдания своей позиции делают ссылку на его имя, на его сочинения те люди и те круги, чья позиция и богословски, и духовно гораздо ниже его позиции. Как мне кажется, ссылаться на него, пытаться оправдать резкий разрыв со всеми инославными христианами, отрицая всякий диалог, всякое соприкосновение, — это глубоко несправедливо по отношению к его личности, к его богословской позиции. С другой стороны, если кто-то является приверженцем наивного, сентиментального экуменизма без условий и границ, как говорили во времена Патриарха Афинагора, он найдет своего очень острого и глубокого критика в лице такого богослова, каким был отец Иустин Попович.

Когда в некоторых самозамкнутых кругах, которые не в единстве с Православной Церковью, постоянно употребляют имя отца Иустина, я это считаю и не истиной и не ложью, а какой-то полуправдой, полуистиной, которая весьма опасна. Эти люди называют себя православными, но они в расколе с Православной Церковью — или из-за календаря, или из-за каких-либо других идей. Нельзя оправдывать раскол именем отца Иустина. Он мог написать и высказаться критически даже в адрес своего первоиерарха или кого-либо из иерархов, но он никогда не додумался до того, чтобы прервать с ними молитвенное общение. Это была бы просто хула на его личность, его богословский ум.

Епископ Захумско-Герцеговинский
АФАНАСИЙ (Евтич)

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЭКУМЕНИЗМ *

1. Вся истина нашей христианской веры есть откровение Святой Троицы во Христе, в Христовом *воплощении*, и сущность этой истины есть именно Церковь как *тело Христово*. Поэтому для нас, православных, вся Церковь и все в Церкви имеют свое начало и конец в Господе Христе Богочеловеке. Поэтому и *эклесиология* (наука о Церкви), столь актуальная сегодня, для нас, православных, исходит из, основывается на и является неотделимой от *христологии*. Соединение Бога и человека во Христе, наше соединение с Богом, вместе со всем творением (=целым миром)¹ и людьми, в космическом и одновременно в конкретно историческом, эклесиологическом теле Церкви Христовой, с проистекающим отсюда преодолением всех пропастей и бездн, всякого “дуализма”, несовместимого с ипостасной двухприродностью Богочеловека-Логоса, является существенной характеристикой православного видения мира и человека, а следовательно и — истинного православного экуменизма.

2. Следствие подобного христологического взгляда на все, т. е. христологическое видение мира, отражается прежде всего на понимании спасения, на *сотериологии*. Спасение здесь понимается как жизнь и соединение со Христом, и во Христе — со Святой Троицей. Спасение состоит в новом рождении (=возрождении) во Христе, в новой благодатной жизни в единении с троичным человеколюбием, и некорыстолюбивой человеческой любви, а не в каком-либо учении о “сатисфакциях”, “заслугах”, “тварной благодати”, моралистическом “возрастании

* Перевод с сербского иеромонаха Тимофея (Подобедова).

¹ Как говорит *св. Иоанн Дамаскин*: “Ибо если человек принадлежит всему, всей видимой и невидимой твари, Сотворитель Логос Божий, соединившись с человеческой природой, через нее соединился с целокупным творением” (PG 96,662; ср. у *св. Максима*, PG, 91.1312).

нашего состояния”, “социальном гуманизме” и т. д. Вочеловечение Бога и обожение человека — вот в чем состоит православная истина спасения, по учению святых апостолов (в особенности, Павла и Иоанна) и святых отцов (в особенности, св. Ирины, св. Афанасия, свв. Каппадокийцев, св. Максима, св. [Григория] Паламы). Церковь — это матрица (μήτρα — утроба) и мастерская для этого обожения и этого спасения во Христе, потому что в Православии “тайна Христова” является тождественной “тайне домостроительства спасения”, каковое домостроительство есть Церковь.

Следствия такого христологического понимания экклесиологии таковы. Святые отцы Православного Востока видели, исповедовали и переживали Церковь как “тайну Христову”, и для них эта *тайна Христова* пронизывает собой все измерения церковного бытия — и богословско-догматическое учение о Церкви, и благодатно-канонический порядок под руководством Духа Святого, Утешителя и Водителя Церкви (Ин.14:17—26; 16:13—14; Деян. 15:28; 20:28; 1 Кор. 12:3—13). Только до конца пережитая христология дает правильную экклесиологию. (Напротив, ошибочная западная экклесиология свидетельствует о том, что здесь тайна Христова не понята и не пережита.) Именно в Православии единство, святость, апостоличность и кафоличность (=соборность) Церкви основаны на Христе и осуществлены Духом Святым, “силою, действием и благодатию Духа”, как это часто говорится в богослужении и святых таинствах нашей Церкви.

Богочеловеческая полнота — кафоличность — Церкви Божией в мире есть то, что апостолы, проповедуя Иисуса Распятого и Воскресшего, насаждали на всяком месте, начиная от Иерусалима — “Матери всех Церквей”². Это — та апостольская полнота Церкви как “народа Божия” и “тела Христова”, которая передается епископам и через епископов, а потому в Православной Церкви Востока присутствует и провозглашается христоцентричность = апостолоцентричность = епископоцентрич-

² Это название Иерусалимской Церкви содержится в наших богослужебных книгах и датируется одним из самых ранних периодов. Так, еще св. Иринаeus говорит об Иерусалимской Церкви: “Это есть Церковь, из которой каждая Церковь получила свое начало... митрополия граждан Нового Завета” (Против ересей 3.12.5). Также и Отцы II Вселенского Собора (382 г.) говорят: “Из Церкви в Иерусалиме — Матери всех Церквей” (Феодорит. Церковная история 5,9).

ность Церкви как в литургическом бытии Церкви, так и в ее внутренней структуре и канонической организации. Всякий епископ во главе Церкви — εἰς τόπον καὶ τύπον Χριστοῦ (“на месте и во образе Христа”), и как таковой является наследником святых апостолов, и все епископы только во Христе — как Главе и Спасителе, Архирее и Епископе тела Церкви (Еф. 5:23; 1 Петр. 2:25) находят свое единство, и каждый становится равным другим епископам и Христу, по слову св. Игнатия: “Епископы, которые поставлены по концам земли, пребывают в вере (γνώμη — мысли, воле) Иисуса Христа (Ефес. 3:2)”. Этим провозглашается христоцентричная, соборная организация Церкви, а не папоцентричная или римоцентричная. Епископы как главы поместных, местных Церквей, т. е. народа Божия, собранного в одной Церкви одного места, а именно в Святой Евхаристии, выражают свое христоцентрическое единство в вере и благодати Святого Духа, в Евхаристии и других святых таинствах, во всяком богослужебном чине и общении, в любви и единении мира во Святом Духе, одним словом, в единстве во Христе, через собрание на Соборе, где удостоверяется и констатируется исповедание единой веры и общность единой благодати в одном и том же Духе (Еф. 4:3—6), выражаясь кратко — единство и единение общего, соборного Тела Христова. Отсюда природным и естественным является их сослужение и причащение от единой Евхаристии, полное церковное общение (κοινωνία) в благодатно-каноническом единстве (как о том свидетельствуют святые правила: Апостольские — 34 и 37, Антиохийского Собора — 9 и 20, I Вселенского Собора — 4 и 5, II Вселенского Собора — 2, III Вселенского Собора — 8, и идентичные им — Четвертого — 19, Шестого — 8 и Седьмого — 6, а также послание Карфагенского Собора 418 г.). Соборы проявляют засвидетельствованное единство в вере и общении единого и единственного Тела Кафолической Церкви Христовой по всей Вселенной (τῆς κατὰ τὴν οἰκουμένην καθολικῆς Ἐκκλησίας), по слову св. Поликарпа. С другой стороны, Соборы исправляют и восстанавливают нарушенное единство в вере и евхаристическом общении или же исключают из церковного единства неисправимых искажителей веры и единства, т. е. людей, противящихся спасению.

Единство в вере (= в истине христианской жизни и спасения) всегда имело христологический характер, что одновременно затрагивает экклесиологический и сотериологический аспекты. Экклесиологический: как единство тела Истины, по св. Иринею Лионскому, и это — Христос как Истина, и тело Его — Цер-

ковь, как тело Истины (corpus Veritatis). Сотериологический: в силу того, что вне единства с Истиною = Христом нет ни истинной жизни, ни спасения. Основой участия в этой Истине, в этом теле Богочеловеческой Истины и, как следствие, основой сопричастности тому и другому является правильное и спасительное исповедание истинной веры. По этой причине в Церкви и крещение совершается, когда перед [его совершением] будут исповеданы правила веры, “канон веры”, по св. Иринею, то есть Символ веры, и по этой причине на Божественной Литургии всегда сначала читался Символ веры, и только после этого совершался евхаристический канон. Общение — κοινωνία, communicatio, без предшествующего искреннего и правильного исповедания одной и той же веры есть еkklesiологический нонсенс. Такой поступок был бы прямо направлен против единства Церкви, так как он отвергает и разбивает самую главную силу единения — веру как соединяющую силу во Едином Духе, во Едином Христе, во Едином Боге. Это бы также являлось и сентиментальным, голым гуманистическим перевесом человеческого над Божиим, компромиссов — над Истиной, человеческого условного договора — над богочеловеческим бытием и порядком Церкви. Для нас, православных, является актуальным высказывание св. Максима Исповедника: “Истина старше добродетели” — ὅτι διὰ τὴν ἀλήθειαν ἐστὶν ἡ ἀρετή, ἀλλ’ οὐ διὰ τὴν ἀρετὴν ἡ ἀλήθεια (PG, 90, 1221 AB).

Этот Богочеловеческий порядок и характер всего в Церкви — веры, жизни, спасения, единства, единения — является единственной основой участия и общения в тайне самой Церкви и в происходящих из нее и вводящих в нее святых таинствах. Только в этой богочеловеческой полноте и христологическом характере всего в Церкви обретается истинная кафоличность (καθολικότης = соборность), целостность (= целомудренность) и екуменичность (οἰκουμένηκότης = вселенскость) Церкви; соборность и вселенскость — не просто пространственная, географическая, но всевременная, т. е. ее всевременность. Эта соборность и вселенскость не являются чем-либо, что формируется, но тем, что существует как сама Церковь, как благодатная кафолическая полнота и единство всех благодатных даров, всех поколений и всех времен в жизни Церкви Христовой в Духе Святом — жизни, которая именуется “единением со всеми святыми” (Еф. 3:14—19). Эта богочеловеческая полнота всех и всего во Христе составляет содержание церковной проповеди Евангелия, евангельской веры и жизни, а также миссии Церкви в мире. Отдельные люди или группы и

народы могут приобщиться и присоединиться к этой полноте, но не могут изменять ее по-своему, “по человеку”. Это есть единство везде одинакового и неизменного Священного *Предания* Церкви, о котором столь вдохновенно свидетельствовал св. Ириней Лионский, а впоследствии и все святые отцы и Соборы.

Проблема так называемого “интеркоммуниона” и другие подобные проблемы в современной экклесиологии являются производными современного западного экуменизма. Надо сказать, что экуменизм в том виде, в каком он появился в новейшее время, в лице своих лучших представителей появился как жажда потерянного единства, но именно в этом экуменизм проявляется как доказательство трагедии западного христианства: доказательство того, что оно не имеет единства с Церковью. Эта трагедия началась давно, с того момента, когда тайна единства Церкви была перенесена с Богочеловека на человека. (Экуменизм является последовательной производной папизма, так как произошел от протестантизма, отколовшегося от римокатолицизма.) Жажда единства основывается на чувстве потерянного единства в вере и духовном опыте. Сейчас пытаются “построить” единство на разрушенном здании Церкви, но на ошибочной экклесиологии, на односторонней или искаженной христологии. (Возможно, свой вклад в это внесло и то, что христианский Запад не пережил глубоко и правильно все христологические проблемы, пережитые на христианском Востоке.) “Создание” единства Церкви в современном западном экуменизме пытаются проводить неэкклесиологическими, нецерковными, неевангельскими методами, средствами и путями, без покаяния и смиренного мудрия, часто и без веры, вне Священного Предания, безблагодатно, без Духа Святого — Утешителя Церкви. Поэтому неудивительно, что и через полвека существования экуменического движения и его форумов христианский Запад по-прежнему находится не перед единством разъединенных христиан, как этого хотелось или, по крайней мере, как это объявлялось, но перед новыми разделениями и перед погребением последних “остатков” Церкви, апостольско-святоотеческой веры и евангельского христианства, среди показательно все более возрастающего числа протестантских фракций и сект, которые более не верят ни в основные истины Божественного Откровения — Святую Троицу, Христово Воскресение, святость Церкви и т. д., — и которые, к сожалению, именно в таком качестве выступают в так называемом “Всемирном Совете Церквей” в Женеве и при-

нимают все большее участие в его работе, несмотря на то, что против этого высказываются представители Православных Церквей в этой женевской “лиге церквей”, очевидно, созданной по примеру “Лиги наций”, а затем “Объединенных наций”. Это ярко показывают “генеральные ассамблеи” этого громоздкого экуменического механизма, которые не имеют никакой связи с древними церковными собраниями и соборами Священного Предания.

Что же касается римского или, точнее, “римоцентричного” экуменизма, который был специально провозглашен на II Ватиканском соборе, то Римокатолическая Церковь до сегодняшнего дня официально не вступила в женевское экуменическое движение (являясь не членом, а только лишь “наблюдателем” в женевском “Всемирном Совете Церквей”) и не отреклась от старого униатского менталитета и практики. Рим, к сожалению, созидает не на действительном единстве Церквей, но на подчинении всех Церквей римскому папизму.

Для нас, православных, здесь ставится чрезвычайно серьезная проблема: хотим ли мы, как думают некоторые из “экуменистов” из православной среды, участвовать и соработать, т. е. и дальше подвизаться на этих похоронах, или же будем обновлять и усиливать наше собственное церковное *свидетельство и исповедание правой веры* перед разделенными христианами и явление всему миру “светлой проповеди Воскресения” из Церкви Бога Живого и Истинного, которая есть “столп и утверждение Истины” (1 Тим. 3:16). Вместо участия в похоронах остатков церковности в западном христианстве необходимо православное свидетельство об исповедничестве Креста и победоносности Воскресения, чтобы те, которые еще почивают, восстали от сна, и осветил бы их Христос (Еф. 5:14). К сожалению, некоторым православным делегациям на экуменических конференциях кажется, что Православная Церковь должна “органически” участвовать во “Всемирном Совете Церквей”, забывая о том, что этим повреждается целомудренность веры Невесты Христовой и теряется верность Христу, апостолам, отцам, Соборам, и святое Православие низводится в разряд одной из конфессий в ряду т. н. Branch theoty, в результате чего экклесиология сводится к религиозной социологии. С другой стороны, необходимо сказать и следующее: из-за уклонения со стороны Православной Церкви от ее истинной экуменической миссии неповрежденного свидетельства Истины Христовой, неискаженного Еванге-

лия святых апостолов и святых отцов многие искренние души на Западе, которые желают полноты церковности и благодатного единения в святых таинствах, теряют свою последнюю надежду на возможность нахождения своего пути в Церковь Божию и возможность спасения в ней, на нахождение своего истинного воцерковления во Единую, Святую, Кафолическую и Апостольскую Церковь Христову. Перед апостольско-святоотческой Истиной об истинной Церкви Божией и перед лицом самого факта существования Православной Церкви нищенское, т. н. “органическое” участие во внецерковном и нецерковном западном экуменизме, в основном принадлежащем протестантскому миру, представляло бы акт непозволительного игнорирования и отрицания самосознания и самоощущения Церкви всех поколений истинных христиан через все века, от Пятидесятницы до сегодняшнего дня. Православной Соборной Церкви не место в женевском “Всемирном Совете Церквей”, что не означает, что православные должны оглохнуть и игнорировать призывы и обращения неправославных христиан, или же отречься от своей миссии в мире и в западном современном мире. Православие испокон веков означает и свидетельство — *μάρτυρία*, и мученическое исповедничество — *μάρτύριον*. Заповедь св. апостола Петра всегда остается для нас актуальной: “Господа Бога святите в сердцах ваших; будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением. Имейте добрую совесть” (1 Петр. 3:15—16). Эта наша Надежда, по апостолу Павлу, есть “слава этой тайны, т. е. Церкви, среди незнающих, которая есть — Христос в вас, Надежда славы” (Кол. 1:27, 24). Эта Надежда есть Истина Христова, истинная вера Божия — “вера, действующая любовью” (Гал. 5:6), и Любовь Христова, “любовь Святого Духа” (Рим. 15:30). Поэтому мы, православные, не будем вести себя “более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения, но будем истинствовать в любви — *ἀληθεύοντες ἐν ἀγάπῃ*” (Еф. 4:14—15). Последнее забывают многие глашатаи современного экуменизма, которые, как попугаи, постоянно повторяют, что достаточно было столько “веков ненависти”, а сейчас нужна “только любовь”, думая, что великой, главной и высочайшей тайной христианства — любовью — они владеют посредством говорения языком, в то время как их сердце находится далеко от Истины.

Свидетельство о Православной Церкви, из ее кафолической полноты Истины, есть крест и распятие, умирание за Христа и со

Христом, ради спасения людей и всего света, а не сентиментальная история о “розовом христианстве” и о “любви без границ”, которая отрицает сама себя отрицанием Истины через “не-истинствование в любви”. В Православной (= Соборной) Церкви есть полнота Истины Евангелия и благодати Святой Троицы, и это есть единственная возможность спасения мира и человеческого рода. И всежизненное свидетельство об этом есть *миссия*, которая исходит из самой сущности Церкви. И отрицание этого есть отрицание самого апостольства Церкви. Подобное свидетельство означает сотериологическое раскрытие и исповедание, в практике и богословии, всех измерений Истины православной веры и благодатной богочеловеческой жизни, которые проистекают из величайшей Тайны воплощения Бога и обожения человека в Церкви как в теле и части Христовой, в Церкви как в “икономии (=домостроительстве) благодати” Святой Троицы (Кол. 1:25—27; Еф. 1:3—14).

“Диалог любви”, о котором столь много говорили и объявляли, неубедителен прежде всего из-за своего вербализма, из-за своего неискреннего сентиментализма, и в своем нетерпении проявляется как маловерный отказ от “спасительной святости Духа и веры Истины” (2 Фес. 2:13), от единственной спасительной “любви Истины” (там же, 2:10). Напротив, только “истинствуя в любви”, мы можем достичь действительного и спасительного единства в вере и благодати в жизни апостольской Церкви Христовой, можем достичь того, чтобы “возрасти в Него — Христа — все и вся” (Еф. 4:15). Европейским христианам необходимо серьезно свидетельствовать о том, что недостаточно словесного “возрастания в любви” без действительного “возрастания в вере” Евангелия, “возрастания в познании Бога”, “возрастания в благодати и знании Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа” (2 Кор. 10:14—15; Кол. 1:10; 2 Петр. 3:18). Голое гуманистическое и еретическое отделение Истины от Любви, наоборот, само является знаком потерянного евангельского целомудрия и этической непорочности, потерянного духовного равновесия, потерянной благодатной полноты даров Духа Святого, и этим путем — а лучше сказать, этим ложным путем — никогда не шли ни святые апостолы, ни святые отцы Церкви. Православные через века шли путем Истины и Любви, Любви в Истине, и так со “Христом вселенной верой в сердцах” и в единении “со всеми святыми” Духом Святым “познавали Любовь Христову” и оставались “в Церкви во Христе Иисусе” во славу Бога Отца и во спасение рода человеческого и всего мира (Еф. 3:16—21).

Бог явил Свою Любовь к миру и человеку через Крест и Воскресение Христово, и поэтому крестовоскресной должна быть и наша любовь к миру и людям, что означает познание и восприятие Истины, которая спасает, и жизни в этой Истине. Голый моралистический минимализм и пацифизм современного европейского экуменизма только проявляет свои голые гуманистические корни, свою философию и этику “по человеку” (Кол. 2:8), свой духовный кризис веры в Истину, свое докетическое нечувствие важности богооткровенной истины веры и значения богословской и церковной борьбы за Истину в мучительной истории Церкви.

Вот что говорит один из величайших отцов Церкви, который, вслед за апостолами Иоанном и Павлом, оставил новый гимн любви (известные “Четыреста глав о любви”) и одновременно являлся ревностным поборником православной веры против еретического неправоверия и неправославия, святой Максим Исповедник: “Я не желаю, чтобы еретики мучились, и не радуюсь их злу — Боже, сохрани! — но весьма радуюсь и сораднуюсь их обращению. Ибо что может быть приятнее верным, нежели чем видеть, что рассеянные чада Божии собираются воедино. Я не обезумел до такой степени, чтобы советовать ценить немилость более, чем человеколюбие. Напротив, считаю, что необходимо со вниманием и усердием творить добро всем людям, и быть всем для всех (1 Кор. 9:22), по тому, что кому необходимо. При этом лишь одно настойчиво советую — что еретикам не нужно помогать как еретикам, для поддержки их безумного верования, но быть здесь твердым и непримиримым. Ибо я не называю любовью, но человеконенавистничеством и отпадением от божественной любви, когда кто-либо содействует еретическому заблуждению, к вящей гибели тех людей, которые держатся этого заблуждения” (Послание 12. PG 91, 465 C). Эти слова св. Максима лучше всего показывают, как святые отцы, верно следуя святым апостолам, относились к тем, которые искажают богооткровенную веру и тем самым лишают людей истинного спасения. Еще сказал св. Максим: “Вера есть основание надежды и любви”, и она есть основание самой Церкви, так как “Господь сказал, что Кафолическая Церковь есть правое (православное) и спасительное исповедание веры” (PG 90, 1180 A, 93 D).

Подобно ему говорил и свидетельствовал и св. Иоанн Дамаскин, также великий борец за православную веру и Церковь против еретиков: “Тот, кто не верит согласно с Преданием Ка-

фолической Церкви, неверен” (Точное изл. прав. веры IV, 10. PG 94, 11, 1128 A). “Все, что нам передано через Закон, и про-роков, и апостолов, и евангелистов, мы принимаем, и знаем, и высоко ценим, и сверх того ничего более не ищем... Будем этим полностью довольны и останемся в том, не передвигая вечные границы (Притч. 22:28) и не нарушая Божие Предание (там же 1:1; col. 792 A). Поэтому, братие, будем стоять на камени веры (Мф. 16:16—18) и в Предании Церкви (1 Кор. 11:2 и 15:3; 2 Сол. 2:15), не передвигая границы, которые поставили святые отцы наши, и не давая места тем, которые хотят увести новообращенных и разрушить здание Святой Божией Кафолической и Апостольской Церкви” (он же. Об иконах III, 41. PG 94, 1356 CD).

В заключение приведем еще и святоотеческое положение святого Дамаскина о Святой Евхаристии (в действенность и спасительность которой огромное большинство современных протестантских екуменистов вообще не верит), православное положение, исключающее всякую возможность т. н. “интеркоммуниона”: “Хлеб Евхаристии — не просто хлеб, но соединен с Божеством... Хлеб и вино и вода призыванием и наитием Святого Духа преестественно изменяются в Тело Христово и в Кровь Его... Причащаясь и очищаясь ими, мы соединяемся с Телом Господа и Духом Его, и становимся Телом Христовым (= Церковью). Таинство Евхаристии называется Причащением, так как в нем мы причащаемся Божества Иисусова. И называется единением (κοινωνία = *приобщение*), и воистину является таковым, так как в нем мы вступаем в единение со Христом и получаем удел в Его Теле и Божестве, а с другой стороны, в нем мы вступаем в единение между собой (= *друг с другом*) и соединяемся. И поскольку все причащаемся от одного Хлеба, то становимся одним Телом Христовым и одной Кровью, и членами друг друга (= *между собой*), так как являемся сотелесниками Христовыми (1 Кор. 10:16—17; Еф. 3:6; Кол. 3:11). По этой причине мы всячески следим за тем, чтобы не принять причащение от еретиков и не дать им причащение. Ибо говорит Господь: “Не давайте святыни псам, и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями” (Мф. 7:6), чтобы вам не стать участниками их превратного учения и осуждения их. Ибо, если воистину бывает соединение со Христом и друг с другом, тогда добровольно соединяемся и со всеми теми, кто причащается вместе с нами. И это соединение совершается добровольно, не без нашего

согласия" (Точное изл. Прав. веры IV, 13, PG 94, 1149—1153).

Что касается отношения Православной Церкви с Римско-Католической, то эkkлeсиoлoгичeская проблема является весьма серьезной. Для некоторых православных, в том числе и для некоторых известных иерархов, римо-католицизм представляет собой "Древнюю Западную Церковь", с ее "особыми обычаями и догматами", которые имеют значение только на Западе и которые существовали как таковые и до 1054 г. Разрыв, они считают, произошел только из-за "потери любви", и по этой причине они являются сейчас теми, кто приходит спустя "девять веков ненависти", чтобы "любовью" преодолеть раскол. При этом они считают, что проблема воссоединения христианского Востока и Запада не является и не должна являться областью богословия, но областью "диалога любви"; необходимо лишь "снять взаимные анафемы" Рима и Цареграда, и так "восстановится единство".

Такая упрощенная, небогословская и в значительной мере агностичная, игноративная постановка проблемы не только показывает незнание истории Церкви и действительной богословской проблематики, а также различных сотериологических перспектив, которые существуют из-за догматических различий Православия и Рима, но и способствует продолжению и увековечению лионско-флорентийского менталитета, который и сегодня существует в Папской Церкви, особенно в Ватикане. Униональный менталитет папоцентричного римского экуменизма не может быть изменен и перевешен таким искажением истинного православного экуменизма, т. е. уклонением от рассмотрения действительных богословских и сотериологических проблем, которые отделяют Римскую Церковь от древней Православной Церкви святых отцов и Вселенских соборов. Потому что, как замечено истинными знатоками богословия и истории (каковым является, например, Г. Флоровский), еще в XIV веке, во время исихастских споров, на оборотной стороне конфликта вокруг *Filioque* коренились различия в богословском понимании и Самого Бога, — плод, вероятнее всего, различного духовного опыта и навыка в веровании и переживании тайны Троичного Бога и богопознания и богообщения, и далее в понимании благодати, спасения и обожения человека. Кроме этого, необходимо добавить еще замечание о том, что Рим не остался только на тех различиях из XI и XIV вв., но в своем развитии все дальше уда-

лялся от богословско-церковного Предания Древней Церкви пребывающих в единении Отцов и Соборов, особенно после Тридентского Собора (1545—1563 гг.) и далее после I Ватиканского Собора (1870 г.), когда были провозглашены новые, неизвестные и несуществовавшие в Откровении и древней Церкви, “догматы” и когда были догматизированы еkkлесиологические отступления и заблуждения (абсолютный *примат* и *непогрешимость* Пап, только из-за того, что они происходят из Рима). Этим были созданы только новые существенные различия и богословские препятствия к восстановлению единства Веры и Церкви; так оказалась еще больше углублена пропасть между христианским Востоком и Западом. К сожалению, II Ватиканский Собор (1962—1965 гг.), несмотря на многие реформы, существенно не изменил это состояние, так как подтвердил все ранние отступления Римской Церкви от православного Востока и прежде всего подтвердил папскую власть и “непогрешимость” *ex cathedra*, учение и верование, которым “причастие Святого Духа” — κοινωνία τοῦ Ἀγίου Πνεύματος — в Кафолическо-Соборной Церкви исключено как критерий Веры и Предания, ибо есть Папа, согласно этому положению, непогрешимый “сам по себе, а не по согласию с Церковью” (= *ex sese et non ex consensu Ecclesiae*).

Для истинного православного экуменизма необходимо, при какой-либо встрече Православной Церкви с Римской, прежде всего со святоотеческой богословской трезвенностью и исторической добросовестностью и, конечно же, с верностью духу и слову апостольско-святоотеческого Евангелия Христа Богочеловека и Священному Преданию Древней Церкви пересмотреть старые и новые “догматы”: *Filioque* и папский примат и непогрешимость, а также и их еkkлесиологическо-сотериологические следствия. Уверен, что в скором времени стало бы ясно, что необходимо рассмотреть и те пункты некогда нашей общей веры, в которых многим кажется, что Рим формально согласен с Православием, как-то: место и роль Духа Святого и нетварной благодати в Церкви, вопрос греха и спасения, понимания Евхаристии и епископата, вопрос еkkлесиологии и Священного Предания.

Для нас, православных, критерий этой проверки все тот же: “Проповедь апостолов и догматы Отцов и Соборов”, как говорится в кондаке Святым Отцам I Вселенского Собора.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ДОКУМЕНТАХ

От редакции

Ныне публикуемый корпус официальных документов по новейшей истории Русской Православной Церкви охватывает период 1993—1995 годов.

Даже простое перечисление тех вопросов, по которым Церковь сочла насущным высказаться в своем диалоге с обществом, дает представление о ее глубокой озабоченности явлениями и процессами, характеризующими развитие современной России. При этом от внимания вдумчивого читателя не ускользнет и то весьма значимое обстоятельство, что ныне волнующие общественное мнение проблемы нередко бывали уловлены и сформулированы соборным разумом Церкви уже при их первых проявлениях. Однако пастырский долг Церкви побуждает ее не ограничиваться исчерпывающим социально-духовным анализом драматичной ситуации, вызревающей в обществе, но призывает возвысить свой голос против торжества зла, неправды греховного жизнеустроения, ибо *«вразумляющий народы неужели не обличит?»* (Пс. 93:10):

«Сегодня, на пороге XXI века, наша страна встала на путь политических и экономических преобразований. Однако наше общество, освободившись от оков тоталитаризма, еще не вполне научилось употреблять свободу во благо себе...»

Культ насилия, беззастенчивая порнография, пропаганда жестокости и вражды между людьми разных национальностей, вероисповеданий и убеждений заполнили рынок печатных изданий и видеопродукции, проникли в средства массовой информации.

Жить честно становится все труднее, и человек подчас стоит сегодня перед страшным выбором: либо нищета, либо конфликт с законом. Преступный образ жизни, грех и порок, вражда и ненависть перестали вызывать отвращение. Они становятся чем-то почти естественным для наших сограждан. Многие открыто гордятся и хвалятся своими преступлениями. Общество утрачивает нравственную чут-

кость, и это может стать началом новой национальной трагедии.

Со всей ответственностью говорим: если и дальше нравственный дух нашего народа будет разрушаться с такой быстротой, и мы, и наши дети будем лишены будущего».

Кроме того, в публикуемой подборке документов затрагиваются такие темы, как необходимость сохранения гражданского мира в России; грех цареубийства и нравственная ответственность нации; культивирование в российском обществе представлений, враждебных христианским моральным ценностям; христианская вера и человеческая вражда; братоубийственные межэтнические конфликты в Закавказье; вооруженное противостояние в Чечне; судьба народов на территории бывшей Югославии; подготовка Закона о свободе совести; Православие и Российская Армия; Православие и судьбы Отечества.

Эти и иные тексты свидетельствуют сегодняшнему читателю о неизменной твердости, последовательности и преемственности курса, которым следует корабль Церкви среди неверных и переменчивых ориентиров житейского моря. И потому цикл публикаций под рубрикой «Новейшая история Русской Церкви в документах» является лучшим опровержением недобросовестного, а подчас и откровенно провокационного мифотворчества недругов Русского Православия, до последнего времени имевших возможность спекулировать на недостаточном знакомстве общественного мнения с истинной позицией Церкви. Совсем недавно именно этому последнему обстоятельству общество было обязано, в частности, прискорбным разномыслием, обнаружившимся в ходе дискуссий по таким фундаментальным вопросам, как отношение к Закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» или к захоронению «екатеринбургских останков». Ныне, с помощью Божией, эта досадная лакуна в общественном сознании постепенно заполняется, а правда Церкви получает возможность явить себя в исчерпывающей подлинности.

«Мы, служители Церкви, видим патриотизм не потворствующим порокам народа, но очищающим его, преобразующим и тем подвигающим чад Божиих к святости. Именно идя подобным путем, мы принесем Отчизне не призрачное временное благо, но благо высшее, непреложное. Мы не будем искать недругов, но с верой и мужеством возродим-

ОТ РЕДАКЦИИ

ся духовно, отбросим грех и не устрашимся никого, не устрашимся и врага рода человеческого — диавола.

Тогда-то и восстанет, как уже не раз бывало, из пепла и из бездны греховной новая Русь — Русь, давшая миру многих подвижников веры и благочестия, Русь, созидаящая храмы в городах, весях и сердцах, Русь, сияющая всему миру правдой и любовью, Русь Святая», — говорится в публикуемом ныне Слове Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на открытии Первого Всемирного Русского Собора.

Этим помышлением и упованием наша Церковь неизменно движима в своем служении.

*Митрополит Смоленский и Калининградский
КИРИЛЛ*

**ОБРАЩЕНИЕ
ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
И ЧЛЕНОВ СВЯЩЕННОГО СИНОДА ОТ
РОССИЙСКИХ ЕПАРХИЙ**

Граждане России, братья и сестры!

Наш народ, находясь на историческом перепутье, тяжело страдает. Экономическое обнищание, межнациональные конфликты, преступность, беженцы, социальное напряжение делают жизнь людей почти невыносимой. От властей народ ожидает немедленных и решительных действий, способных остановить общий развал и спасти страну. Но именно в этот момент, требующий примирения и объединения всех сил, резко обострился конфликт внутри государственной власти. Этот конфликт чреват самыми опасными последствиями, способными погубить Россию.

Всей силой своего пастырского голоса мы говорим правителям: остановитесь! Если страна сорвется в пропасть — каждый из вас ответит перед Богом и историей. Ныне вам нужно отказаться от своих амбиций, переступить через себя, может быть, даже пожертвовать своей политической карьерой ради блага народа.

Мы не призываем к такому политическому миру, который станет компромиссом между любыми, даже безнравственными и разрушительными точками зрения. Недопустимо, чтобы «плохой мир» привел к парализации власти и ее недееспособности.

Народу нужна власть, могущая принимать законы и обеспечивать их действие, нужны правители, способные защитить его от анархии и произвола, а страну от распада. Нам надобно такое государство, которое не допустило бы возврата к прошлому, к диктатуре, к подавлению свободы личности и свободы народа. Нам необходима такая форма государственного управления, которая позволила бы решить ключевые вопросы будущей жизни в обновленной России.

Особо обращаясь к армии, мы приветствуем занятую ею позицию неучастия в политическом противостоянии. Эта позиция — единственно допустимая сегодня, и мы просим наших воинов оставаться мудрыми, не поддаваться влиянию политических экстремистов, охранять жизнь и достоинство граждан страны.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ДОКУМЕНТАХ

Мы призываем каждый православный приход усиленно молиться в эти дни о властях и воинстве России. Да вразумит их Господь! Да даст им силы, отвергнув греховную самость, подлинно служить своему народу.

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
ИОАНН, МИТРОПОЛИТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ И ЛАДОЖСКИЙ
ЮВЕНАЛИЙ, МИТРОПОЛИТ КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ
КИРИЛЛ, МИТРОПОЛИТ СМОЛЕНСКИЙ И КАЛИНИНГРАДСКИЙ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОТДЕЛА ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СНОШЕНИЙ
КЛИМЕНТ, АРХИЕПИСКОП КАЛУЖСКИЙ И БОРОВСКИЙ
ПАИСИЙ, ЕПИСКОП ОРЛОВСКИЙ И БРЯНСКИЙ
АНАСТАСИЙ, ЕПИСКОП КАЗАНСКИЙ И МАРИЙСКИЙ
ВАДИМ, ЕПИСКОП ИРКУТСКИЙ И ЧИТИНСКИЙ
МАНУИЛ, ЕПИСКОП ПЕТРОЗАВОДСКИЙ И ОЛОНЕЦКИЙ

23 марта 1993 г., Москва

ПОСЛАНИЕ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II И СВЯЩЕННОГО СИНОДА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ К 75-ЛЕТИЮ УБИЕНИЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II И ЕГО СЕМЬИ

Возлюбленные во Христе архипастыри, пастыри
и чада Церкви Русской!

С сугубой молитвой и с особой болью в сердце мы вспоминаем скорбную годовщину. Семьдесят пять лет назад, в ночь с 16 на 17 июля 1918 года, была совершена незаконная расправа над Императором Николаем II и его семьей. По приказу властей были лишены жизни люди, вся вина которых состояла в том, что они принадлежали

к царствовавшей династии. Императорская семья безропотно приняла выпавшие на ее долю страдания.

Узнав об убийстве царской семьи, Святитель Московский Тихон с церковного амвона свидетельствовал: «...на днях совершилось ужасное дело: расстрелян бывший Государь Император Николай Александрович... и высшее наше правительство — Исполнительный Комитет — одобрил это и признал законным. Но наша христианская совесть, руководясь Словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинувшись учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его...»

Грех цареубийства, происшедшего при равнодушии граждан России, народом нашим не раскаян. Будучи преступлением и Божеского и человеческого закона, этот грех лежит тяжелейшим грузом на душе народа, на его нравственном самосознании.

И сегодня мы, от лица всей Церкви, от лица всех ее чад — усопших и ныне живущих — приносим пред Богом и людьми покаяние за этот грех. Прости нас, Господи!

Мы призываем к покаянию весь наш народ, всех чад его, независимо от их политических воззрений и взглядов на историю, независимо от их этнического происхождения, религиозной принадлежности, от их отношения к идее монархии и к личности последнего Российского Императора.

Какое бы место ни занимал в истории Император Николай II — убийство его и его семьи остается страшным уроком истории. Урок этот учит нас тому, что тщетны попытки построить благо народа на крови. Начало русской истории было отмечено убийством святых страстотерпцев Бориса и Глеба, и не в сем ли грехе коренятся последовавшие за ним народные беды? В начале нашего века, решив строить жизнь по-новому, вожди страны снова начали с преступления. Вскоре после этого Россия утонула в крови, оказалась ослеплена жаждой насилия и безумием вражды.

Ныне, отрекаясь от грехов прошлого, мы должны понять: благие цели должны достигаться достойными средствами. Созидая и обновляя жизнь народа, нельзя идти по пути беззакония и безнравственности. Совершая любое дело, даже самое доброе и полезное, нельзя приносить в жертву человеческую жизнь и свободу, чье-либо доброе имя, нравственные нормы и нормы закона.

Задачей Церкви является служение, направленное на внутреннее преображение народа Божия, на его нравственное совершенствование.

Для этого нам, чадам одной Матери Церкви, надо остро прочувствовать единство наше в Теле Христовом, члены Которого, будучи непохожи друг на друга, вместе суть одно (1 Кор. гл. 12). Покаяние в грехе, совершенном нашими предками, должно стать для нас еще одним знамением единства. Пусть нынешняя скорбная дата соединит нас в молитве с Русской Зарубежной Православной Церковью, возродит духовное общение с которой в верности духу Христову мы искренне стремимся. Пусть не нарушает мира церковного и неоднозначное отношение архипастырей, пастырей и мирян наших к вопросу о канонизации Императора Николая II и его семьи. Призываем всех вас молиться, чтобы Церковь смогла вынести об этом суждение в духе соборного согласия, не уступая давлению суетных мирских настроений. Тогда, и только тогда, суждение это будет действительно выражением голоса Церковной Полноты, принесет пользу Церкви и Отечеству.

Мы призываем высшие гражданские власти возобновить детальное расследование убийства Императора Николая II, его семьи, членов Императорской Фамилии и их родственников. Руководить таким дорасследованием должна авторитетная и полномочная комиссия, в которую могут войти представители Церковного Священноначалия, органов высшей государственной власти, ученого мира, церковной и светской общественности. Комиссии этой необходимо рассмотреть все аспекты екатеринбургского преступления — нравственные, правовые, политические. Это нужно не только для установления исторической истины, но и для того, чтобы государственная власть законодательно осудила совершенное злодеяние, восстановив тем самым преемство своей верности закону и нравственности.

Всем нам да дарует Бог быть ревностными в стремлении исполнить заповедь Его: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48). Пусть все дела, слова, помышления наши будут достойны нашего христианского звания. И да не посрамят они нас пред лицом Господа, Который «будет судить вселенную по правде, и народы — по истине Своей» (Пс. 95:13).

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ	АЛЕКСИЙ II
ЧЛЕНЫ СВЯЩЕННОГО СИНОДА:	
МИТРОПОЛИТ КИЕВСКИЙ И ВСЕЯ УКРАИНЫ	ВЛАДИМИР
ПАТРИАРШИЙ ЭКЗАРХ ВСЕЯ БЕЛОРУССИИ, МИТРОПОЛИТ МИНСКИЙ И СЛУЦКИЙ	ФИЛАРЕТ
МИТРОПОЛИТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ И ЛАДОЖСКИЙ	ИОАНН

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ДОКУМЕНТАХ

МИТРОПОЛИТ КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ	ЮВЕНАЛИЙ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОТДЕЛА ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СНОШЕНИЙ, МИТРОПОЛИТ СМОЛЕНСКИЙ И КАЛИНИНГРАДСКИЙ	КИРИЛЛ
МИТРОПОЛИТ ОРЕНБУРГСКИЙ И БУЗУЛУКСКИЙ	ЛЕОНТИЙ
АРХИЕПИСКОП КАЛУЖСКИЙ И БОРОВСКИЙ	КЛИМЕНТ
ЕПИСКОП ТВЕРСКОЙ И КАШИНСКИЙ	ВИКТОР
ЕПИСКОП ТАЛЛИНСКИЙ И ЭСТОНСКИЙ	КОРНИЛИЙ
ЕПИСКОП ВЛАДИМИРСКИЙ И СУЗДАЛЬСКИЙ	ЕВЛОГИЙ
ЕПИСКОП ЧИМКЕНТСКИЙ И ЦЕЛИНОГРАДСКИЙ	ЕЛЕВФЕРИЙ

16 июля 1993 г.
г. Москва

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МИНИСТРУ ПЕЧАТИ И МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ФЕДОТОВУ

Глубокоуважаемый Михаил Александрович!

В последнее время многие иерархи, священнослужители и верующие Русской Православной Церкви высказывают озабоченность нравственным аспектом политики России в области печати и массовой информации.

Православных пастырей и мирян печалит, что государство остается безучастным к распространению через печатную и аудиовизуальную продукцию, радио и телевидение пропаганды войны и насилия, межнациональной, межконфессиональной, социальной и прочей вражды, нравственной распущенности, разврата, а также иных явлений, противоречащих как христианской, так и естественной, общечеловеческой нравственности.

Будучи твердо убежден в неприкосновенности свободы, данной человеку Богом, я не призываю к крайним репрессивным мерам, не могущим решить проблемы. Однако я убежден, что навязывание куль-

та безнравственности также ограничивает свободу человеческого выбора, особенно пагубно сказываясь на формировании юных душ, подчас не способных критически воспринимать видимое, слышимое и читаемое. Поэтому полагаю полезными разумные ограничения на массовое распространение изданий и материалов, названных авторитетной комиссией на основе тщательно взвешенных критериев.

Я также считаю, что нынешние средства массовой информации прилагают недостаточно усилий для научения людей добру, для показа преимуществ честного, достойного образа жизни, для слова о нравственности, которое могли бы сказать многие авторитетные люди Отечества, в том числе пастыри и миряне Православной Церкви.

Делясь с Вами этими размышлениями, надеюсь на понимание чувств верующих людей и на доброе сотрудничество во имя укрепления общественной нравственности.

С уважением

АЛЕКСИЙ, Патриарх Московский и всея Руси

28 апреля 1993 г.

СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСТОЯТЕЛЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Тревога за нравственное здоровье народа побудила ныне нас, Предстоятеля Русской Православной Церкви и министра внутренних дел Российской Федерации, выступить с настоящим заявлением.

Сегодня, на пороге XXI века, наша страна встала на путь политических и экономических преобразований. Однако наше общество, освободившись от оков тоталитаризма, еще не вполне научилось употреблять свободу во благо себе. Безнаказанность привела к росту насилия, преступности и беззакония, породила безразличие к попранию жизни, прав и достоинства человеческой личности, сделала возможным забвение некоторыми из нас своего долга перед ближними, народом и Отчиной.

На почве духовного перепутья расцвели безверие, распущенность нравов и взаимное ожесточение. Культ насилия, беззастенчивая порнография, пропаганда жестокости и вражды между людьми разных нацио-

нальностей, вероисповеданий и убеждений заполнили рынок печатных изданий и видеопроизведений, проникли в средства массовой информации.

Жить честно становится все труднее, и человек подчас стоит сегодня перед страшным выбором: либо нищета, либо конфликт с законом. Преступный образ жизни, грех и порок, вражда и ненависть перестали вызывать отвращение. Они становятся чем-то почти естественным для наших сограждан. Многие открыто гордятся и хвалятся своими преступлениями. Общество утрачивает нравственную чуткость, и это может стать началом новой национальной трагедии.

Со всей ответственностью говорим: если и дальше нравственный дух нашего народа будет разрушаться с такой быстротой, и мы, и наши дети будем лишены будущего.

Мы намерены самым решительным образом противостоять злу преступности и безнравственности. Поддерживая всякое доброе дело, мы одновременно призываем всю строгость Божеского и человеческого закона на носителей зла, разрушающих жизнь и благосостояние ближних.

Мы убеждены в необходимости возрождения традиции совместных усилий Русской Православной Церкви и руководства защитников закона в укреплении духовных и нравственных начал в жизни и деятельности сотрудников органов внутренних дел городов, районов, краев и областей России. Церковный вклад в профилактику преступности, расширение возможностей реализации прав верующих сотрудников системы МВД и военнослужащих внутренних войск, а также оступившихся в своих деяниях граждан, временно изолированных от общества, помогут, по нашему мнению, позитивно решать многие насущные проблемы, стоящие перед российским народом.

Имея в виду эти благие цели, мы заявляем о готовности совместно предпринять следующие практические шаги:

1. Образовать Объединенную рабочую группу по взаимодействию между системой Министерства внутренних дел России и Русской Православной Церковью. Сопредседателями Объединенной рабочей группы назначить: от Русской Православной Церкви протоиерея Виктора Петлюченко, заместителя председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата; от Министерства внутренних дел — генерала-майора милиции Петрова Валерия Николаевича, первого заместителя начальника штаба МВД Российской Федерации.

2. Поручить Объединенной рабочей группе разработать программу взаимодействия Церкви и системы внутренних дел в научной, культурной и духовно-нравственных областях, в изучении религиозной ситуации среди личного состава структур МВД.

3. Организовать взаимодействие в деле возрождения российской духовности и традиций верного служения Отечеству, сохранения законности, защиты прав и безопасности граждан России в соответствии с Присягой и Кодексом чести рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации.

Для этого священноначалие Русской Православной Церкви намерено обратиться к епархиям и другим церковным учреждениям, а руководство Министерства внутренних дел — к подчиненным ему структурам на местах, с рекомендацией вступить во взаимодействие в области просветительной и воспитательной работы среди людей, желающих стать на путь исправления после совершения преступлений, молодых граждан, стоящих на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних, и других лиц, входящих в так называемые группы риска.

4. Всемерно развивать сотрудничество, в том числе благотворительное, в интересах социальной защиты сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск, членов их семей, ветеранов войны, труда органов внутренних дел и внутренних войск, сотрудников, получивших ранения и увечья, семей сотрудников, погибших при исполнении служебного долга.

5. Оказывать содействие в организации пастырских посещений священнослужителями православных верующих — сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих внутренних войск, членов их семей.

6. На добровольной основе и с учетом специфики режима исправительно-трудовых учреждений способствовать реализации прав верующих из числа осужденных, отбывающих наказание по приговору суда и находящихся в следственных изоляторах. Обеспечить благоприятные условия для проведения священнослужителями епархий Русской Православной Церкви духовно-нравственных и просветительных бесед, совершения треб и богослужений. Содействовать оборудованию в местах лишения свободы помещений для совершения молитв и богослужений.

7. В соответствии с пожеланиями верующих содействовать обеспечению органов, подразделений и учреждений системы МВД духовной литературой, периодическими изданиями, другими материалами духовно-просветительного характера.

Все мы живем в одном доме, и дом этот — великая Россия. Любовно обустраивать его, заботливо растить наших детей, создавать достойную жизнь ветеранам, оберегать этот дом от скверны преступ-

ности и порока — вот что необходимо делать общими усилиями, всем миром.

Да помогут нам в этом сила Божия и человеческое усердие.

АЛЕКСИЙ,

Патриарх Московский и всея Руси

Е. Ф. ЕРИН,

министр внутренних дел Российской Федерации

**СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ
Патриарха Московского и всея Руси Алексия II
и Верховного Патриарха-Католикоса всех армян
Васкена I**

Братски обняв друг друга в Москве, мы, Предстоятели двух древних Христианских Церквей — Русской Православной и Армянской Апостольской — желаем обратить свой голос к пастве нашей, ко всем ближним и дальним.

История Армении и России знает разные периоды, в которые наши народы жили то в разных государствах, то в составе одной страны. Но мы свидетельствуем, что во все века две Церкви и два народа были скреплены множеством братских связей, объединены вокруг имени Христова.

Наша историческая общность, польза которой подтверждена опытом жизни, — превыше любых разделений, принесенных новой реальностью. Как бы ни складывались границы, формы государственного правления и другие внешние обстоятельства — духовные, культурные и иные связи между чадами двух Церквей, их взаимная поддержка будут сохраняться и умножаться.

Мы твердо привержены укреплению духовного единства всех христиан и добрых отношений между людьми, верующими во Единого Бога. В этой связи мы особо стремимся к установлению и поддержанию духа взаимного уважения и открытости в христианско-мусульманских взаимоотношениях.

Нас глубоко печалит продолжающаяся братоубийственная война вокруг Нагорного Карабаха. Мы призываем всех, кто вовлечен в конфликт, немедленно прекратить военные действия, дабы решить трудные вопросы мирно, по справедливости, через диалог и стремление к согласию. Мы также просим мировое сообщество помогать мирному урегулированию в Карабахе и стараться всячески облегчить страдания жертв конфликта.

Всем чадам наших Церквей, всем людям Земли шлем пожелания мира, благоденствия, успехов в каждом добром деле. «Сам же Господь мира да даст вам мир всегда во всем. Господь со всеми вами!» (2 Фес. 3:16).

АЛЕКСИЙ,
Патриарх Московский и всея Руси

ВАСКЕН I,
Верховный Патриарх-Католикос всех армян

21 января 1993 г.
Москва

**ПОСЛАНИЕ
СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ II
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОМУ МИТРОПОЛИТУ
СТАВРОПОЛЬСКОМУ И БАКИНСКОМУ ГЕДЕОНУ,
КЛИРУ И ПАСТВЕ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ,
ВСЕМ ЖИТЕЛЯМ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ И
ИНГУШЕТИИ**

Ваше Высокопреосвященство, Владыка митрополит Гедeon,
досточтимые отцы, возлюбленные братья и сестры!

Ко мне поступили полные боли и страдания письма из Северной Осетии и Ингушетии. С тревогой наблюдая за развитием конфликта в этом регионе, я горячо молился Господу о ниспослании мира живущим там народам. Сегодня же хочу сказать всем вам несколько слов ободрения и увещания.

Милостью Божией нам дана надежда, что самое страшное — позади. Вспышка кровопролитной брани угасает. Открылась возможность мирного разрешения существующих проблем и восстановления добрых отношений между двумя народами.

Но страдания людей не прекращаются — я имею в виду прежде всего тех, кто был вынужден, спасая жизнь и человеческое достоинство, покинуть родной дом, и тех, кто удерживается враждующими сторонами в качестве заложников.

Я скорблю о погибших, молюсь об их блаженном упокоении. Молитва о них ко Господу — долг всякого православного христианина. Но точно в такой же степени мы — не только христиане, но все люди,

стремящиеся к добру и милосердию — призваны позаботиться о живущих среди нас жертвах конфликта.

Заложники, удерживаемые помимо их воли вдали от родных мест, должны быть освобождены. Тем, кто оказался на положении беженцев, необходимо всячески помогать, дабы их страдания не усугублялись. Людям, вынудившим их стать изгнанниками, надо понять неправильность своего отношения к ним и пригласить их обратно, твердо гарантировав им жизнь и свободу, обещав всячески загладить собственную вину перед ними.

Я надеюсь, что мой призыв найдет отклик в ваших душах. Я убежден, что примирение и согласие между народами Северной Осетии и Ингушетии возможно и что духовные наставники двух великих мировых религий — христианства и ислама — дадут людям потребное для этого руководство.

Я особо прошу православных пастырей, совершающих служение на оскверненной распрей земле, усиленно молиться и трудиться, приближая установление добрых отношений среди окружающих их людей, быть примером справедливости, милосердия, равной к каждому любви и благожелательности.

Господь Всемиловитый да приведет всех вас, дорогие мои, к жизни тихой и безмятежной во всяком благочестии и чистоте (1 Тим. 2:2).

АЛЕКСИЙ, Патриарх Московский и всея Руси

4 января 1993 г.

ВСТРЕЧА ПАТРИАРХА С ШЕЙХ-УЛЬ-ИСЛАМОМ

6 мая 1993 года в резиденции Патриарха Московского и всея Руси в московском Свято-Даниловом монастыре состоялась встреча Предстоятеля Русской Православной Церкви Патриарха Алексия II с председателем Высшего религиозного совета народов Кавказа Шейх-уль-Исламом Аллашукюрюм Паша-заде и сопровождающими его лицами. Во встрече также приняли участие митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, председатель Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата, и другие представители Русской Православной Церкви. На встрече было принято Совместное заявление, подписанное Патриархом и Шейх-уль-Исламом, текст которого мы приводим полностью:

Будучи последователями великих мировых религий, мы — Предстоятель Русской Православной Церкви и Председатель Высшего религиозного совета народов Кавказа, духовный глава мусульман Азербайджана — встретились в Москве, чтобы засвидетельствовать друг другу свое почтение и обсудить новые пути сотрудничества во имя мира и согласия между религиозными общинами, народами и государствами.

Азербайджан и Россия, чьи исторические судьбы знают много примеров взаимопомощи народов, и сегодня, в период обновления государственности обеих стран, тесно связаны друг с другом. Помимо экономических, культурных, духовных контактов, мы соединены множеством человеческих связей через сотни тысяч как живущих в Азербайджане русских, так и живущих в России азербайджанцев. Это радует нас, и мы готовы приложить все силы, чтобы в каждом уголке России и Азербайджана дети разных народов жили в мире, согласии и дружбе. Для этого весьма важно, чтобы добрый диалог и взаимная поддержка утвердились в отношениях между исламом и христианством, между всеми религиями и конфессиями, последователи которых живут в наших странах.

Каждый из нас воспринимает как личную рану трагедию армяно-азербайджанского конфликта. Глубоко веря в благородную миссию человека, созданного, чтобы выполнять волю Творца на Земле, мы решительно осуждаем любые действия и поступки, противоречащие заветам Всевышнего. Страшным кошмаром, которое должно быть незамедлительно пресечено, является разжигание межнациональных конфликтов, поощрение национального эгоизма и агрессии, извлечение политических дивидендов из страданий и бедствий людей. Трагический урок Карабаха должен стать поучительным предостережением и для государственных деятелей, ставящих политику выше судеб народов, и для народов, ставших жертвами и заложниками такой политики. Мы призываем народы Армении и Азербайджана, христиан и мусульман, добиться прекращения человекоубийства и приблизить справедливое разрешение конфликта через диалог. Мы с удовлетворением воспринимаем шаги к взаимному сближению и миротворческому сотрудничеству, предпринятые недавно духовными лидерами христиан Армении и мусульман Азербайджана, и глубоко сожалеем, что богоугодный призыв религиозных деятелей не был услышан и война распространилась на новые регионы. Мы высоко ценим вклад, который вносит в дело умиротворения конфликта Русская Православная Церковь. Наше совместное служение примирению будет продолжаться и впредь, ибо наша воля направлена к миру. Мы решительно отвергаем попытки пред-

ставить армяно-азербайджанский конфликт как христианско-мусульманское противостояние. Укрепляясь спасительной помощью Единого Творца, мы, религиозные лидеры христиан и мусульман, считаем своим первейшим долгом предать себя заботам о сохранении священного дара жизни, утверждении мира и согласия между людьми независимо от их национальности и вероисповедания. Пусть же верующие люди станут светочами миротворчества, неся свое веское, мудрое слово тем, чьи сердца ожесточились.

Мир и благословение Всевышнего да пребывают с народами Азербайджана и России, со всеми людьми нашей планеты.

ОБРАЩЕНИЕ

**Предстоятелей двух братских Православных Церквей —
Патриарха Московского и всея Руси Алексия II
и Католикоса-Патриарха всей Грузии Илии II
к Президенту Российской Федерации господину
Б. Н. Ельцину и к Председателю парламента, Главе Го-
сударства Республики Грузия господину
Э. А. Шеварнадзе, к парламентам, правительствам и на-
родам Российской Федерации и Республики Грузия
11 июля 1993 г.**

Ваши Превосходительства,
уважаемые парламентарии и члены правительств,
дорогие братья и сестры — жители России и Грузии!

Мы, Предстоятели двух древних Православных Церквей, продолжающих многовековую духовную традицию народов Грузии и России, сознавая свою ответственность за настоящее и будущее этих народов, за их духовный и нравственный облик, — обращаемся к вам с призывом остановить распад братских отношений между нашими народами и государствами, сделать все, чтобы именно в нынешнее непростое время, когда наши народы учатся строить свою жизнь в условиях свободы, этим отношениям был дан новый импульс.

На протяжении веков народы России и Грузии, скрепленные единством веры православной, скрепленные множеством живых уз, шли рука об руку по историческому пути. Путь этот не всегда был легок. Труден и тернист он и ныне.

В течение последних лет политически близорукие силы стремились разжечь вражду между нашими народами, посеять национальную нетерпимость. Эти силы, спекулируя на трудностях недавнего прошлого, пытались переложить ответственность за них с политической системы на народ. Следует с горечью признать, что эти политики, к нашему стыду, подчас достигали и ныне достигают цели, провоцируя недоброжелательные отношения между представителями наших народов, особенно в местах их совместного проживания.

Мы решительно осуждаем всякую попытку возлагать на наши народы вину за те страдания, через которые мы вместе прошли. Мы не можем быть равнодушны к тому, как рушится вековое братство наших народов, исторически духовно окормляемых Единой Святой Православной Церковью. Ибо политики и политические системы приходят и уходят, а народы жили и будут жить вместе.

В этой связи нас особо беспокоят события в Абхазии и вокруг нее. Проливаемая кровь приводит к эскалации ненависти, порождает стремление к мести. Если братоубийственная война не будет беспромедлительно остановлена, благословенная земля Кавказа надолго погрузится в хаос, приносящий смерть и разрушение всем живущим на ней народам.

Выход из нынешней трагической ситуации может быть только один: немедленное прекращение кровопролития, демилитаризация зоны конфликта и создание твердых гарантий мира, который станет основой для справедливого разрешения проблем, стоящих между вовлеченными в конфликт сторонами. Мы считаем, что миротворческие силы России в согласии и при поддержке мирового сообщества способны гарантировать мир в Абхазии в переходный период. Не предвосхищая решения спорных вопросов, мы твердо заявляем, что грузинский и абхазский народы должны прийти к этому решению путем переговоров, с учетом законных чаяний и интересов каждого народа.

Мы убеждены, что преодоление нынешнего кризиса немыслимо без установления отношений согласия и добрососедства в местах совместного проживания грузин, абхазов, русских, представителей других национальностей. Мы верим, что важнейшим средством примирения должно стать доброе сотрудничество верующих во единого Бога — христиан и мусульман, а также людей самых разных мировоззрений и убеждений.

Мы призываем Глав наших Государств, парламентариев и правительства: проявите мудрость и дальновидность, чтобы сохранить и сделать более прочной историческую общность наших народов. Друже-

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ДОКУМЕНТАХ

ские отношения между двумя государствами в равной степени необходимы как для Грузии, так и для России. Мы верим, что прекращение огня и урегулирование конфликта в Абхазии ускорит подписание договора о дружбе и сотрудничестве между Россией и Грузией. Мы уверены, что Божией милостью победят добро, разум и справедливость.

Молитвами святых Грузии и России да благословит Бог наши народы и государства.

АЛЕКСИЙ II,
Патриарх Московский и всея Руси

ИЛИЯ II,
Католикос-Патриарх всея Грузии

**СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ
ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ II,
ВЕРХОВНОГО ПАТРИАРХА И КАТОЛИКОСА ВСЕХ
АРМЯН ВАСКЕНА I
И ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЫСШЕГО РЕЛИГИОЗНОГО
СОВЕТА НАРОДОВ КАВКАЗА, ДУХОВНОГО ГЛАВЫ
МУСУЛЬМАН АЗЕРБАЙДЖАНА
ШЕЙХ-УЛЬ-ИСЛАМА Д-РА АЛЛАХШУКЮРА
ПАША-ЗАДЕ**

Движимые чувством глубокой тревоги и озабоченности в связи с предельным обострением и ожесточением военного противостояния между армянами и азербайджанцами, мы — Верховный Патриарх и Католикос всех армян и Председатель Высшего религиозного совета народов Кавказа, духовный глава мусульман Азербайджана, — пользуясь высоким посредничеством Предстоятеля Русской Православной Церкви, обсудили неотложные меры, которые мы, ответственные религиозные деятели, можем и обязаны предпринять с целью спасения наших народов, восстановления мира и цивилизованных отношений между ними.

Попытки урегулировать конфликт привели лишь к временным передышкам, но не к примирению. И мы, как духовные лидеры народов, затронутых пагубной распрей, чувствуем, что Всевышний сегодня говорит нам: помогите людям одуматься!

Из стен древнего Свято-Данилова монастыря в Москве мы — духовные руководители христианства и ислама — взываем ко всем, мо-

гущим повлиять на происходящие события, к людям мирным и носящим оружие, верующим и нерелигиозным, утверждая, что умиротворение конфликта угодно Творцу. Мы решительно отвергаем попытки представить этот конфликт как межрелигиозный. Тот, кто проповедует межрелигиозную ненависть, совершает тяжчайший грех перед Всевышним. Последователи ислама и христианства не должны враждовать друг с другом. Мы убеждены в этом, ибо так научены Создателем нашим, Единым Милостивым и Милосердным, Который наставляет христиан: «Будьте в мире со всеми людьми!» и призывает мусульман: «Люди, вступите в мир!»

Необходимо без промедления возвратиться на путь мира. И первым шагом на этом пути должно стать немедленное прекращение всякого кровопролития. Каждая новая жертва отдаляет мирное решение существующих споров и вовлекает в конфликт новых и новых людей. Борьба вооруженных людей друг с другом ужасна, но насилие, чинимое при этом над мирными жителями, является особо тяжким грехом и бесчестием для каждого, кто в нем участвует. Должна быть решительно отвергнута бесчеловечная тактика «выжженной земли». Позором и преступлением является негуманное отношение к пленным, а тем более их убийство. Нет оправдания и захватам заложников, ведущим порой к откровенной торговле людьми.

Необходимо осуществить вывод вооруженных формирований с земель, захваченных силой оружия. Война не должна вестись против народа. Необходимо освободить всех пленных и заложников, удерживаемых сторонами. Надобно положить конец блокадам, лишаящим мирных людей жизненно необходимых грузов. Необходимо твердо противостоять любой форме интернационализации конфликта, ведущей к непредсказуемым последствиям.

Все эти действия могут стать основой для переговоров, в которых надобно найти мирное и справедливое решение спорных вопросов. Причем решение это должно на деле обеспечить интересы всех жителей зоны конфликта, вне зависимости от их национальности и вероисповедания. Сторонам противостояния следует взять на себя ответственность за то, чтобы люди, изгнанные войной из родных мест и желающие вернуться обратно, смогли бы свободно сделать это без опасений за свою жизнь и здоровье, за свое достоинство и человеческое достоинство.

Особо обращаясь к работникам средств массовой информации, просим их не допускать усугубления вражды и утверждения в душах людей образа врага. Пусть журналисты, говоря о трагедии войны, не забывают своей

моральной обязанности помогать поискам путей к ее прекращению и поддерживать тех, кто стремится к примирению.

Мы верим, что движение к миру вполне возможно, и всеми силами будем содействовать этому процессу. Целя усилия, которые уже предпринимались для разрешения конфликта, мы желаем прибавить к ним свои молитвы и дела, свою готовность сотрудничать со всеми, кто искренне стремится положить конец этой тяжелой распре, ибо блаженны миротворцы.

С верой и надеждой на это возносим мы свои молитвы Всемогущему Господу и Создателю. Аминь.

АЛЕКСИЙ II,
Патриарх Московский
и всея Руси

ВАСКЕН I,
Верховный Патриарх
и Католикос всех армян

Шейх-уль-Ислам д-р Аллах-
шукюр Паша-заде, председа-
тель Высшего религиозного
совета народов Кавказа, духов-
ховный глава мусульман Азер-
байджана

18 ноября 1993 г.

**ЗАЯВЛЕНИЕ
ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ II
И СВЯЩЕННОГО СИНОДА РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ НА
ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ**

Трагические события, происходящие ныне на территории бывшей Югославии, вызывают глубокую тревогу среди духовенства и мирян Русской Православной Церкви. Тревожные вести поступают к нам от Святейшего Патриарха Сербского Павла, который с надеждой обращался к нам, ища братского понимания и поддержки. Детальное представление проблемы было сделано прибывшими по благословению Святейшего Патриарха Павла к Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II в конце апреля с. г. Преосвященными епископами Зворницко-Тузланским Василием и епископом Бачским Иринеем.

Мы сопереживаем тяжким страданиям сербского народа, связанного с нами многовековыми узами братства, а также трудностям и подчас разрушительным нападениям, какие испытывает и каким подвергается Сербская Православная Церковь в регионах вооруженного

конфликта. Общность православной веры и славянской крови, близость исторической судьбы скрепляют наше единодушие.

Одновременно мы свидетельствуем и о нашей любви к народам, населяющим земли бывшей Югославии, нашим братьям и сестрам, как чадам Римско-Католической Церкви, так и исповедующим ислам или не являющимся людьми религиозными. Мир, свобода и благоденствие предназначены Богом для каждой человеческой личности и должны стать всеобщим достоянием. Страдания, испытываемые любым народом, воспринимаются нами как свои собственные. Особую боль приносят нам сообщения из зоны конфликта о жестокости, проявляемой вовлеченными в борьбу сторонами.

Нас огорчают попытки истолковать этот политический конфликт как межконфессиональный и межрелигиозный, и тем самым разжечь вокруг него вероисповедную рознь, использовать религиозные чувства людей для углубления вооруженного напряжения.

Мы в полной мере сознаем, сколь тягостным для народов стран Восточной Европы был длительный период тоталитаризма, сопровождаемый целенаправленным насаждением атеизма, попранием общечеловеческих нравственных принципов. Долгом Православных Церквей в настоящее время является заполнение духовного вакуума в среде народов, исторически ими окормляемых, обновление в народе верности богоустановленному нравственному закону. Необходимо отсесть самый корень зла, рождающийся в сердце человека (Мф. 15:19).

Церковь Христова отвергает насилие над волей народа, стеснение его национальных прав, ограничение свободы совести, любое небрежение по отношению к ближнему, каким для нас является каждый человек.

Только в процессе конструктивного, межгосударственного, межнационального, межконфессионального и межрелигиозного диалога могут быть разрешены разделяющие народы проблемы и установлена их мирная, добрососедская жизнь в сотрудничестве и взаимопомощи. Только этим путем можно прийти к удовлетворению их чаяний.

Мы обращаемся ко всем руководителям народов, вовлеченных в вооруженный конфликт, с призывом немедленно прекратить военные действия и перейти к мирному, посредством взаимных уступок, разрешению существующих спорных вопросов.

Мы молимся и призываем эти народы, в том числе и единоверный нам сербский народ, к жизни в мире и добром согласии друг с другом.

Мы призываем мировое сообщество отказаться от планов вооруженного вмешательства в конфликт, от односторонней военной под-

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ДОКУМЕНТАХ

держки или односторонней экономической блокады какой-либо одной из вовлеченных в него сторон.

Мы убеждены в том, что политические и общественные лидеры мирового сообщества должны избегать предвзятого отношения к какой-либо из сторон конфликта, ибо такое отношение способствует созданию вокруг балканской обстановки нездорового морального климата и тем тормозит приближение подлинного примирения.

Мы приветствуем любые мирные шаги, откуда бы они ни исходили, и молимся об их успехе.

Мы убеждены, что процесс переговоров, в том числе об устройстве границ и о правах меньшинств, должен проходить таким образом, чтобы его результатом стало торжество справедливости для всех без исключения жителей спорных территорий. Все стороны, участвующие в переговорах, должны решительно отвергнуть насилие как средство достижения своих целей. Переговоры должны принести удовлетворение не на словах, а на деле.

Мы горячо молимся о том, чтобы как можно скорее все граждане вовлеченных в конфликт регионов, изгнанные военными действиями со своих родных мест, могли беспрепятственно возвратиться к домашним очагам и продолжить жизнь в мире и благополучии.

Исполненные глубокого сочувствия и любви к нашим страждущим братьям и сестрам, мы молимся о всецелительной помощи Господа нашего Иисуса Христа всем ревностно труждающимся по восстановлению вожделенного мира и согласия среди народов, населяющих Боснию и Герцеговину и всю территорию бывшей Югославии. Мы молитвенно желаем скорейшего достижения благосостояния и процветания единовверному нам сербскому народу и всем другим южнославянским народам. Верим, что Господь не презрит наши смиренные мольбы.

12 мая 1993 года

ЗАЯВЛЕНИЕ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II

Вооруженный конфликт в пределах Боснии и Герцеговины уже длительное время вызывает глубокую тревогу Полноты Русской Православной Церкви. Многочисленные жертвы, какие несут воюющие стороны, тяжкие страдания мирного населения, разрушения городов и

сел, гибель среды обитания — вот трагические последствия братоубийственной войны, в которую оказались втянутыми народы, населяющие этот регион.

В мае 1993 года Патриархом и Священным Синодом Русской Православной Церкви было сделано Заявление по современному положению на территории бывшей Югославии. Мы заявили в нем о сопереживании тяжким страданиям сербского народа, связанного с нами многовековыми узами братства и единой православной верой, а также о сострадании другим народам бывшей Югославии, к католикам, мусульманам, людям нерелигиозным. «Мы обращаемся, — говорится в этом Заявлении, — ко всем руководителям народов, вовлеченных в вооруженный конфликт, с призывом немедленно прекратить военные действия и перейти к мирному, посредством мирных уступок, разрешению существующих спорных вопросов.

Мы молимся и призываем эти народы, в том числе и единоверный нам сербский народ, к жизни в мире и добром согласии друг с другом.

Мы призываем мировое сообщество отказаться от планов вооруженного вмешательства в конфликт, от односторонней военной поддержки или односторонней экономической блокады какой-либо одной из вовлеченных сторон...

Мы приветствуем любые мирные шаги, откуда бы они ни исходили, и молимся об их успехах».

Однако, к нашей глубокой горечи, трагическая обстановка, сложившаяся в отношениях между воюющими сторонами, радикально положительных изменений пока не претерпела. Более того, ультимативные заявления о планах бомбардировки сербских огневых позиций под Сараево авиацией стран НАТО, какими бы различными ни были к ним подходы, безусловно приведут, в случае осуществления этих планов, к большому человеческим жертвам, включая гибель мирного населения. Бомбардировка способна вызвать самые непредсказуемые военные и политические последствия и сама по себе явится крайне опасным прецедентом.

Мы призываем всех, от кого это зависит, не допустить столь опасного развития событий и отбросить саму мысль о бомбардировке. Необходимо настойчиво искать мирное и только мирное решение проблемы. На пути к этому воюющие части должны беспромедлительно совершить одновременный отвод своих тяжелых вооружений или поставить их под международный контроль, чтобы город Сараево был, наконец, разблокирован, чтобы гуманитарная помощь его измученному населению могла в конце концов беспрепятственно доставляться.

Да вразумит Господь всех принимающих решения, да услышат они глас Его, зовущий к миру и примирению. Господь *скажет мир народу Своему и избранным Своим, но да не впадут они снова в безрассудство* (Пс. 84:9).

АЛЕКСИЙ, Патриарх Московский и всея Руси

17 февраля 1994 года
г. Москва

**ПОСЛАНИЕ
ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ II
К ДУХОВНЫМ ЛИДЕРАМ АЗЕРБАЙДЖАНА И
АРМЕНИИ**

22 февраля минуло шесть лет с момента начала братоубийственного конфликта, в который ныне вовлечены азербайджанский и армянский народы. Шесть лет льется кровь. Шесть лет два народа, прежде жившие в мире, приносят жертвы ненасытному идолу войны.

Мне думается, что настало время сказать самим себе: уже сегодня, сейчас мы должны сделать все, чтобы хронометр кровопролитной распри остановился. И мы, как духовные наставники верующих, просто обязаны дать исстрадавшимся людям новую надежду на мир.

Позвольте в связи с этим предложить вам, дорогие братья, как можно скорее вместе обратиться к лидерам всех вовлеченных в конфликт сторон с призывом немедленно прекратить кровопролитие и развести войска на удаленные друг от друга позиции. Это могло бы стать основой для диалога по спорным вопросам, который, верю, приведет стороны противостояния к справедливому и мирному разрешению существующих проблем.

Со своей стороны я выражаю готовность обратиться к государственному руководству России с просьбой помочь достижению мира в районе конфликта. Я также обещаю взять на себя любую форму посредничества в контактах религиозных общин Армении и Азербайджана, если таковое вы сочтете потребным.

С отрадой вспоминая наши встречи с вами в Москве в прошедшем году и подписанные в ходе этих встреч документы, наполненные жадой мира и согласия, я твердо верю, что и сейчас, когда Всевышний может дать нам шанс на прекращение войны, мы вновь в единомыслии

станем живым мостом между враждующими и, с помощью Божией, приведем их к согласию и братству.

АЛЕКСИЙ, Патриарх Московский и всея Руси

25 февраля 1994 года
г. Москва

МИРОТВОРЧЕСКАЯ ВСТРЕЧА В МОСКОВСКОМ СВЯТО-ДАНИЛОВОМ МОНАСТЫРЕ

15 апреля 1994 г. в Московском Свято-Даниловом монастыре состоялась миротворческая встреча Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, представителей Святейшего Верховного Патриарха и Католикоса всех армян Васкена I, патриаршего Экзарха архиепископа Тирана, главы Новонахичеванской Российской Армянской епархии, и епископа Паркева, главы Арцахской епархии, и председателя Высшего религиозного совета народов Кавказа, духовного Главы мусульман Азербайджана Шейх-уль-Ислама Аллахишукюра Паша-заде. В ходе встречи обсуждались вопросы содействия религиозных деятелей примирению кровопролитного армяно-азербайджанского конфликта. Участники встречи направили совместное Обращение к Президенту Азербайджанской Республики Г. Алиеву, Президенту Республики Армения Л. Тер-Петросяну и Президенту Российской Федерации Б. Ельцину. Текст Обращения ниже приводится полностью:

Ваши Превосходительства, уважаемые Главы государств Азербайджана, Армении и России!

Встретившись в Москве в преддверии переговоров на высшем уровне, призванных помочь разрешению конфликта, несущего смерть и скорбь нашим чадам, — мы обращаемся к Вам с призывом уже сегодня сделать все возможное и более того для прекращения кровопролития.

Мы глубоко скорбим, что недуг взаимного озлобления становится хроническим, что люди привыкают к войне, превращающейся для некоторых в образ жизни. Ныне, когда на полях брани снова и снова льется кровь, уставшие от распри народы с особой надеждой взирают на государственных лидеров, которые должны особенно остро ощутить свою ответственность за судьбы людей.

Переговоры между Вами не будут иметь успеха, если каждая из сторон не проникнется чаяниями другой стороны. Мы, как люди, ведомые Божественным Откровением, знаем, что в нашем взаимозависимом мире не может быть жизни, благополучия, свободы и чести одних без уважения к праву других на эти же блага.

Пусть же ваша московская встреча, об успехе которой мы горячо молим Всевышнего, приведет к прекращению войны и кровопролития. Пусть первый шаг к согласию будет закреплен встречей руководителей азербайджанского и армянского народов. Пусть два лидера пожмут друг другу руки, побуждая свои народы прекратить вражду и вместе созидать прочный мир, залогом которому должно стать стремление к справедливому решению существующих проблем. Верим, что такая встреча стала бы понятным всем людям символом возвращения на путь мира.

Другим важным шагом к примирению мог бы стать обмен пленными и заложниками. Духовные руководители готовы быть посредниками в этом процессе.

Мы призываем руководство России, чье влияние на Кавказе исторически весьма велико, всячески содействовать немедленному прекращению военных действий и дальнейшему процессу воссоздания доверия между двумя соседними народами.

Мы едины в надежде на мир и в стремлении не ослабить, но умножить свои труды ради восстановления добрых отношений между государственными лидерами Армении и Азербайджана, между азербайджанским и армянским народами.

Всевышний да благословит Вас на добрые дела.

**СЛОВО
ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ II
НА ОТКРЫТИИ ПЕРВОГО ВСЕМИРНОГО
РУССКОГО СОБОРА
26 мая 1993 г.**

Уважаемый президиум, Преосвященные Владыки, досточтимые отцы, дорогие о Господе братья и сестры!

Христос воскрес!

Сегодня мы собраны здесь Господом, чтобы вместе поразмыслить о прошлом, настоящем и будущем России, о том, как нам помочь возро-

ждению Отечества. Эта встреча призвана положить новое начало проявлению в жизни нашего народа соборного разума при духовном участии Русской Православной Церкви.

Меня радует возможность поделиться ныне с вами некоторыми мыслями о том, каким Церковь желала бы видеть движение за русское национальное возрождение.

Русская Православная Церковь была и будет оставаться силой, способствующей становлению национального духа России, созидающей ее духовную культуру, заботящейся о ее единстве и целостности как национально-государственного организма. Любовь к родине — патриотизм — изначала благословляются Церковью. Вспомним слезы Спасителя при виде Иерусалима, выразившие всю силу Его любви к великому граду Своего народа.

Истинно христианская любовь к Отечеству желает ему истинного блага и служит этому благу. А благо для христианина — Царствие Божие. Любовь к своему народу и к родине не должна ослаблять исполнение заповеди о любви к ближнему, каковым для нас является каждый человек, к какой бы национальности он ни принадлежал. Вспомним слова Священного Писания, заповедующие нам облечься в нового человека, «...который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3:10—11). Евангелие Царства Божия пронизано заповедью о любви к каждому человеку, к каждому народу. Кто наш ближний? По-человечески мы отвечаем на этот вопрос различным образом. Но Сам Христос дает нам на него неожиданный ответ: Он рассказывает притчу о милосердном самарянине, в которой человек, чуждый родному для Господа Иисуса и Его учеников народу, оказывается «ближним» более, чем сородичи (см. Лк. 10:29—37).

Христианство — со времен евангельских до наших дней — связывает воедино многие народы Востока и Запада, Севера и Юга. Оно с дерзновением и верностью Истине разрушает средостения вражды, недоверия, непонимания и замкнутости, омрачающие отношения между ними.

Христова Церковь — таинственное Тело Его — создана, дабы человек обожился, чтобы личность стала новым творением во Христе (см. Гал. 6:15). Святитель Феофан Затворник писал: «...самое совершенное и великое дело, которого только может желать и достигнуть человек, есть сближение с Богом и пребывание в единении с Ним». Это единственная истинная цель Церкви. Мы верим, что если эта цель

будет достигнута, мир земной преобразится, преобразятся и живущие в нем. Поэтому все, что делает Церковь, направлено к этой цели.

Итак, призвание Церкви — спасение рода человеческого. Неповторимость каждой личности и многообразие людей отражают премудрость Творца и являют собой красоту творения. Вот почему важно, чтобы каждая личность, каждый народ оставались самими собой, сохраняли свою самобытность. Отсюда со всей очевидностью следует, что каждый человек призван к заботе о благосостоянии своего народа и своего государства, к бережному отношению к своей истории и своей культуре, к защите своего Отечества. Это является нашим нравственным долгом.

В этом мы видим основу христианского патриотизма. Вместе с тем подлинный патриотизм не должен оскверняться враждой и ненавистью к другим народам и к кому-либо в среде своего народа, национальной гордыней, стремлением к силовому решению межнациональных и межгосударственных споров, нежеланием и неумением выслушивать различные точки зрения и приходить к согласию, желанием монополизировать идею патриотизма в узких эгоистических целях. Наша Церковь открыта к сотрудничеству на общее благо с людьми всех национальностей, культур, мировоззрений. Но одновременно она желает, чтобы каждый православный христианин, которому дороги Россия и ее будущее, не декларативно, не на словах, а во всей полноте был причастен к богоданной жизни Церкви. «Не всякий, говорящий Мне: “Господи! Господи!”, войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного», — говорит Спаситель (Мф. 7:21). Живя во Христе, молитвенно общаясь с Ним, принимая Таинства церковные, каждодневно научаясь истинам Священного Писания и учения Церкви — мы внутренне преобразимся и именно тогда сможем в полной мере воистину служить Богу и приносить пользу своему Отечеству.

Мы, служители Церкви, видим патриотизм не потворствующим порокам народа, но очищающим его, преображающим и тем подвигающим чад Божиих к святости. Именно идя подобным путем, мы принесем Отчизне не призрачное временное благо, но благо высшее, непреложное. Мы не будем искать недругов, но с верой и мужеством возродимся духовно, отбросим грех и не усташимся никого, не усташимся и злейшего врага рода человеческого — дьявола.

Тогда-то и восстанет, как уже не раз бывало, из пепла и из бездны греховной новая Русь — Русь, давшая миру многих подвижников веры и благочестия, Русь, созидаящая храмы в городах, весях и сердцах, Русь, сияющая всему миру правдой и любовью, Русь Святая.

Да благословит Господь ваши труды, промыслительно начинающиеся в последний день празднования Святой Пасхи Христовой. Воскресший Спаситель да укрепит вас в служении Ему и в служении Отечеству нашему!

Воистину Христос воскрес!

**ОБРАЩЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ПЕРВОЙ
ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ПРАВОСЛАВИЕ И РОССИЙСКАЯ АРМИЯ»
К ЛИЧНОМУ СОСТАВУ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
РОССИИ, КЛИРУ И МИРЯНАМ РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

Воины Вооруженных Сил России, защитники Отечества!
Досточтимые отцы, дорогие братья и сестры!

К вам, солдатам и матросам, курсантам и офицерам, генералам и адмиралам, пастырям и мирянам Православной Руси, обращаются участники Первой Всероссийской конференции «Православие и Российская Армия».

Вдохновляясь подписанным 2 марта этого года Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II и Министром обороны Российской Федерации генералом армии П. С. Грачевым Совместным заявлением о взаимодействии между Русской Православной Церковью и Вооруженными Силами России и желая исполнить предназначения этого документа, мы, представители Церкви и армии практически из всех регионов России, собрались в Москве для обсуждения тех задач, решение которых продиктовано назревшей потребностью в духовном возрождении народа нашего и сохранении свободы, жизнеспособности и целостности нашей Родины.

Мы живем в переломный и ответственный момент, когда перед нами открывается путь к возрождению исторически присущих нашему народу идеалов и ценностей.

На протяжении всего пройденного Россией тысячелетнего исторического пути Православная Церковь проявляла заботу о духовно-нравственном состоянии воинства и благословляла защитников Отечества на ратный подвиг. Так было в далекое время создания древнерусского государства, так было и в период смуты XVII века, и в 1812 году, и во

время последней войны, 50-летие победоносного завершения которой мы готовимся отпраздновать.

Церковь и армия всегда были с народом. Они помогали созидать российскую государственность, отстаивали жизнь и достоинство Отчизны, хранили ее достояние, ее культуру, ее духовное наследие. Армия и Церковь воплощали в своем служении дух, доблесть и гений народа. Подвигом своим они утверждали гражданский мир и согласие в обществе, объединяли народы России, сделав ее уникальным в своем многообразии и единстве связующим звеном между Востоком и Западом. Церковь и армия строили Россию в прошлом; им предстоит строить ее и в будущем.

Пришла пора воскресить исконные духовные традиции в армии и на флоте, вернуть из мрака забвения имена павших героев, провозгласив им в православных храмах вечную память, призвать помощь Божию на людей, исполняющих долг воинской чести и доблести, вдохнуть атмосферу братства и уважения к человеческой личности в отношения между воинами, укрепить порядок и дисциплину в армии и их главное сосредоточение — силу приказа, воссоздать в обществе исконное почтение к ратному труженику, призвать российскую молодежь с честью и достоинством совершать служение защитников Отечества.

Имея за собой тысячелетнюю духовную традицию и видя вновь открывшуюся духовную одаренность России, мы не можем более забывать об освященной веками взаимосвязи воинства и Церкви, верные чада которой — православные солдаты и офицеры — суть свидетельство и основа нашего нерасторжимого единства. Им и призваны сегодня посвятить свои труды православные пастыри и миряне, вступившие на поприще церковного служения людям в военной форме. Ныне мы сделали первые шаги на этом поприще. Помогите же нам, Господи, пройти его достойно!

Мы надеемся на понимание и поддержку всех наших благих устремлений, направленных ко процветанию великой России. Рассчитываем, что средства массовой информации в духе объективности и реализма будут освещать процессы, происходящие в стране, обществе, Русской Православной Церкви, Вооруженных Силах, использовать свой авторитет и большой потенциал воздействия на людей во имя утверждения добра, мира и согласия в обществе.

Настало время Полноте Церкви Русской приложить все силы для того, чтобы Слово Божие и братская христианская забота дошли до каждого воина, ощущающего себя православным христианином. Мы призываем каждого священнослужителя и мирянина неленостно трудиться для этого.

Настал час и для Российской Армии возвысить и одухотворить весь строй своей жизни, наполнив его священными и благородными духовными традициями нашего народа.

Залогом успеха в этих благих начинаниях — вся история Государства Российского, всемирно известные храмы — памятники воинской славы, имена святых полководцев. Залогом тому — наша вера в будущее России.

Москва, Свято-Данилов монастырь
27 октября 1994 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЕРВОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПРАВОСЛАВИЕ И РОССИЙСКАЯ АРМИЯ»

I. Обсудив конкретные перспективы сотрудничества Православной Церкви и Российской Армии на благо Отечества и народа его, участники настоящей конференции считают полезным всемерное развитие церковно-армейского взаимодействия на следующих уровнях:

— общецерковно-общearмейском, где, через Координационный комитет по взаимодействию между Русской Православной Церковью и Вооруженными Силами Российской Федерации, представляется целесообразным вести разработку перспективных концепции и методик, организовывать мероприятия всероссийского уровня, подобные настоящей конференции, координировать церковно-армейские контакты на местах;

— региональном (епархиальном), где должны быть налажены прямые связи между клириками, ответственными в епархиях за церковно-армейское взаимодействие, и местными военными руководителями;

— и первичном, где приходские священнослужители, по взаимной договоренности с представителями военного командования, могут нести конкретное пастырское служение в гарнизонах среди верующих военнослужащих и членов их семей.

Пастыри и миряне-катехизаторы, совершающие служение в приходах Русской Церкви, должны, по нашему мнению, прилагать все силы, чтобы в кратчайший срок удовлетворить любую просьбу православных военнослужащих о посещении гарнизонов и частей с целью совершения Таинств и других священнодействий, проведения духовно-назидательных и просветительных бесед, индивидуальных встреч с верующи-

ми военнослужащими, участия в армейских торжествах, в первую очередь в церемонии принесения присяги. В случае невозможности посещения отдельных гарнизонов приходскими священнослужителями забота об организации таких посещений должна возлагаться на епархиального ответственного за пастырскую работу в армии, а в случае невозможности последнего — на центральный Координационный комитет.

Неотъемлемой частью церковно-армейского сотрудничества должна стать забота Церкви о сохранении высокого морального духа, исконно присущего российскому воинству, и о преодолении проявлений безнравственности в армейской среде. Необходимо также развивать деятельность, направленную на поднятие общественного престижа ратной службы, на утверждение в средствах массовой информации и общественном мнении исконного уважения к нашему доблестному воинству, на воспитание у молодых людей, готовящихся к призыву, должного отношения к предстоящему им исполнению воинского долга, на обустройство в обществе людей, увольняющихся из армии в запас.

Имея в виду действующие в России конституционные принципы свободы совести, церковные труженики в армии должны непременно совершать свои труды на основе уважения свободы мировоззренческого и вероисповедного выбора личности. Пастырь должен идти только к тем людям, которые хотят слышать его слово. Будучи принципиальными противниками прозелитизма и миссионерской соревновательности в армии, могущих породить межконфессиональные конфликты, мы ожидаем от инославных и нехристианских религиозных организаций такого же подхода к служению в войсках.

II. Участники конференции рекомендуют Координационному комитету по взаимодействию между Русской Православной Церковью и Вооруженными Силами Российской Федерации:

II.1. В течение ближайшего года разработать детальную памятку (инструкцию) для священнослужителя, осуществляющего пастырскую деятельность среди военнослужащих. Использовать для этого те из основных положений аналогичного документа, принятого на Первом Всероссийском съезде военного и морского духовенства в 1914 году, которые возможно использовать, изменив и дополнив, в современных условиях церковной и армейской жизни.

II.2. В 1995 году создать постоянно действующую структуру подготовки священнослужителей и катехизаторов-мирян, занятых пастырской, духовно-воспитательной и духовно-просветительной деятельностью среди военнослужащих, объединив для этого усилия Московской

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ДОКУМЕНТАХ

и Санкт-Петербургской Духовных Академий и Свято-Тихоновского богословского института. В ближайшее время создать при одном из военных учебных заведений систему подготовки армейских специалистов по взаимодействию с религиозными объединениями.

II.3. Способствовать изданию и распространению духовной литературы и церковной периодики, в первую очередь прямо адресованной воинству, а также созданию православных религиозных программ для военнослужащих на радио и телевидении.

II.4. Поставить перед Федеральным Собранием Российской Федерации вопрос о создании законодательной базы для расширения реализации принципа свободы вероисповедания в воинских коллективах, что в первую очередь касается предоставления верующим военнослужащим возможности в свободное от несения служебных обязанностей время встречаться со священнослужителями и иными уполномоченными представителями религиозных общин, совершать религиозные обряды, в том числе с участием приглашенного священнослужителя, в специально отведенных для этого местах, а также посещать храмы в дни особо чтимых церковных праздников.

II.5. Содействовать строительству в городе Москве православного храма, специально предназначенного для молитвы воинов, а также, при наличии соответствующего желания со стороны армейских коллективов, воинских храмов и молитвенных помещений в других регионах России.

II.6. Ходатайствовать перед руководством Вооруженных Сил России и священноначалием Русской Православной Церкви о содействии вышеперечисленным начинаниям.

Москва, Свято-Данилов монастырь
27 октября 1994 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II В СВЯЗИ С ТРАГИЧЕСКИМИ СОБЫТИЯМИ В ЧЕЧНЕ

Трагические события, происходящие в Чечне, глубоко тревожат Русскую Православную Церковь. Кровь, льющаяся на этой земле, взывает к Небу. Православные верующие глубоко скорбят и молятся о мире, видя, как дети одного народа убивают друг друга, и при этом

страдают люди, принадлежащие к другим народам, оказавшиеся либо вовлеченными в военные действия, либо затронутыми насилием, прокатившимся по зоне конфликта.

Желая мира жителям Чечни, Русская Православная Церковь заявляет о том, что она поддерживает исключительно мирные способы разрешения возникшего противостояния. Всякое умножение насилия в нынешний момент может привести к сугубому обострению кровопролития, включению в него новых и новых участников. Церковь просит обе стороны внутричеченского конфликта немедленно прекратить вооруженные действия и сесть за стол переговоров с участием руководства Российской Федерации. Итогом диалога должно стать мирное разрешение возникших внутри чеченского народа споров и урегулирование отношений с центральными органами власти России в соответствии с законными чаяниями всех жителей Чечни, в духе мира, согласия, справедливости, заботы о том, чтобы не разрушилось историческое единение народов, чтобы их сотрудничество и взаимосвязи не оказались погрязшими из-за сиюминутного обострения межчеловеческой вражды.

Церковь Русская особо призывает все стороны конфликта милосердно относиться к мирному населению, беженцам, раненым, пленным. Акт милосердия по отношению к последним стал бы весьма действенным и благородным средством предотвращения эскалации конфликта и его уврачевания.

Наша Церковь готова вступить в диалог с братьями-мусульманами, дабы совместными усилиями помочь мирному процессу в Чечне.

Да возвратит Господь спокойствие и согласие на многострадальную землю Чечни. Да пребудет Он с трудолюбивым и преданным вере предков чеченским народом, благословив его миром.

АЛЕКСИЙ, Патриарх Московский и всея Руси

6 декабря 1994 года

ВОЗЗВАНИЕ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ХРИСТИАНСКАЯ ВЕРА И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ВРАЖДА»

Народы стран СНГ и Балтии, созидая свою государственность, учатся жить в новых исторических условиях. Учатся не без ошибок: тяжелое наследие прошлого и отсутствие у нынешнего поколения опы-

та мирного, свободного и ответственного обновления жизни привели к умножению вражды между людьми разных национальностей, культур, взглядов и убеждений. На земле наших стран возросла социальная и политическая напряженность, вспыхнули кровопролитные конфликты.

Помня об ответственности нашей перед Богом и людьми, мы — православные, католики, протестанты, служащие Богу в странах Балтии и СНГ, решили положить новое начало совместным трудам ради прекращения богопротивного насилия, ради водворения на нашей земле справедливого мира и согласия.

«Не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (Рим. 12:21) — пусть эти слова станут нашим девизом на пути к примирению. Сегодня последователи Христовы обязаны противопоставить войнам, насилию и вражде дела любви и мира.

И мы самым решительным образом призываем государственные власти и народы наших стран прекратить — в том числе через разумные уступки и компромисс — все братоубийственные брани на территории СНГ. Мы просим всех, кто вовлечен в конфликтные и спорные ситуации, решать их только путем диалога, только со справедливым учетом чаяний и чувств всех сторон, заинтересованных в разрешении конфликтов. Мы считаем, что для ослабления межнациональной, межкультурной, социальной и гражданской напряженности необходимо, чтобы каждый член общества осознал свой долг с любовью и уважением относиться к людям иных национальностей, социальных групп, культур, вероисповеданий и политических взглядов, помогать этим людям не меньше, чем сородичам, единоверцам и единомышленникам, не допустить отвержения бедных и немощных, заботиться о справедливом устройении экономического порядка, активно противостоять любым проявлениям вражды и ненависти, разделяющим общество. Поминая огромную роль в современном мире средств массовой информации, мы призываем их работников помогать примирению и противодействовать вражде.

Мы разделяем приверженность общепринятым принципам соблюдения прав человека, включая право на свободу вероисповедания и равенство перед законом людей разных национальностей, религиозных и иных убеждений. Происходящие сегодня нарушения прав человека вызывают у нас глубокую озабоченность.

Не подменяя усилий государств и не вовлекаясь в политическую борьбу, христианские Церкви и религиозные объединения будут предпринимать самые разнообразные усилия ради примирения враждующих, ради установления в наших странах мира и согласия. Причем мы

убеждены, что сегодня нам необходимо служить примирению сообща, и, понимая это, мы пришли к общему мнению о полезности постоянной координации наших религиозно-общественных действий, а также о важности поддержания диалога для решения проблем, возникающих как среди христиан, так и в отношениях их с окружающим миром. В своем служении обществу мы открыты к сотрудничеству с последователями других религий.

Мы молимся Единому нашему Господу, Спасителю человечества Христу, да дарует Он государственным руководителям и народам наших стран мир, мудрость и успех во всяком добром деле. Услышь, Господи, нашу молитву!

Москва, Свято-Данилов монастырь
23 июня 1994 г.

ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ХРИСТИАНСКАЯ ВЕРА И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ВРАЖДА»

Мы, духовные руководители и другие деятели христианских Церквей и религиозных объединений, традиционно осуществлявших свое служение в Советском Союзе, ныне осуществляющих его в странах СНГ и Балтии и имеющих опыт сотрудничества друг с другом в содействии миру и согласию, собрались в Москве 21—23 июня 1994 года, чтобы обсудить положение в наших странах и поразмыслить над тем, что христиане разных исповеданий могут сделать для преодоления человеческой вражды.

Участники конференции представляют следующие Церкви и религиозные объединения: Армянскую Апостольскую Церковь, Высший старообрядческий совет в Литовской Республике, Грузинскую Православную Церковь, Древлеправославную Архиепископию Новозыбковскую, Московскую и всея Руси, Древлеправославную Поморскую Церковь Латвии, Евангелическо-Лютеранскую Церковь Ингрии на территории России, Евангелическо-Лютеранскую Церковь Латвии, Евангелическо-Лютеранскую Церковь России, Евро-Азиатскую Федерацию Союзов евангельских христиан-баптистов, Католическую Церковь (включая Украинскую Греко-Католическую Церковь), Московский Патриархат (включая Белорусскую Православную Церковь, Латвийскую Право-

славную Церковь, Православную Церковь в Молдове, Украинскую Православную Церковь и Эстонскую Православную Церковь), Российский Совет Древлеправославной Поморской Церкви, Союз евангельских христиан-баптистов России, Союз христиан веры евангельской Российской Федерации, Церковь христиан-адвентистов седьмого дня. Помимо Глав и полномочных представителей Церквей и религиозных объединений, в конференции приняли участие пастыри, духовные наставники и практические христианские деятели, прибывшие из различных регионов СНГ и Балтии, в которых проблема межнациональной и гражданской вражды стоит особенно остро. В конференции также участвовали представители международных христианских организаций, содействовавших ее проведению: Всемирного Совета Церквей, Конференции Европейских Церквей, Совета европейских Епископских конференций, Национального Совета Церквей Христа в США, Христианской мирной конференции, Понтификального Совета по содействию христианскому единству. На конференции в качестве наблюдателей присутствовали представители ислама, буддизма и иудаизма. В качестве экспертов в конференции участвовали специалисты по ряду общественных проблем.

Обсудив проблематику конференции на пленарных заседаниях и в пяти «круглых столах», ее участники пришли к единому мнению по следующим темам, волнующим христиан стран СНГ и Балтии.

1. Роль Церквей и христианских общин в мирном разрешении кровопролитных конфликтов

Новая историческая реальность, давшая нашим народам возможность самоопределения, в то же время привела к возникновению на территории СНГ многих межнациональных, гражданских и иных конфликтов, сопровождающихся насилием и человекоубийством.

Мы отказываемся признавать эти конфликты имеющими религиозную почву и всей силой своего авторитета свидетельствуем, что использование религиозной мотивации для разжигания конфликтов и оправдания несправедливого насилия есть грех против Господа и Евангелия. Подлинную причину кровопролитных конфликтов и иных межнациональных осложнений мы видим в идеологизированной политике тоталитаризма, подавлявшей национальные чувства и решавшей сложные, веками существующие между народами проблемы волюнтаристским путем, а также в том, что народы, создающие свою государственность, еще не вполне научились использовать свободу во благо себе

и друг другу, строить свои взаимоотношения в духе уважения интересов и законных чаяний друг друга.

Участники конференции решительно осуждают насилие, которым сопровождаются межнациональные и иные конфликты, в первую очередь убийство и истязание мирных жителей, захват заложников, разрушение храмов и других культовых зданий, насильственное лишение мирных людей воды, пищи, медикаментов и других жизненно необходимых вещей.

В то же время мы приветствуем любые усилия, направленные на примирение конфликтов и на упрочение мира, который, как мы считаем, недостижим без справедливого решения существующих проблем посредством диалога.

Мы призываем правительства, местные органы власти и общественность стран СНГ и Балтии умножить практические усилия по разрешению проблемы беженцев и других лиц, вынужденно покинувших обжитые места. Необходимо сделать все, чтобы люди не были понуждаемы к перемене места жительства. Тем же, кто не может вернуться к родному очагу, нужно создать условия для полноценной жизни на новом месте.

Считая весьма полезными усилия Церквей и религиозных объединений по умиротворению кровопролитных конфликтов, мы одновременно считаем полезной активизацию сотрудничества христиан разных исповеданий друг с другом, а также с верующими других религий ради водворения прочного мира в конфликтных регионах. Практика совместных миротворческих действий показывает, что такое сотрудничество возможно и что оно становится уникальным мостом, связывающим людей, вовлеченных в конфликты и страдающих из-за их последствий.

2. Религиозный фактор в межнациональных и межкультурных отношениях

Мы, представители разных христианских Церквей и конфессий, озабочены тем обстоятельством, что во многих странах СНГ и Балтии серьезно обострились взаимоотношения между людьми разных национальностей, традиций и культур. Даже там, где такое обострение отношений не приводит к столкновениям и конфликтам, оно существенно осложняет положение в обществе, принося горечь и страдания многим людям.

Стремительный процесс восстановления национального самосознания налагает особую ответственность на тех из нас, кто представляет

традиционные для своих народов христианские Церкви и конфессии. Чувство ответственности перед Богом, перед историей и будущим своего народа призывает нас принять действенное участие в становлении национального самосознания и возрождении культуры наших стран. Однако, будучи христианами, носителями духа любви и примирения, мы противостоим проявлениям национального эгоизма и предвзятого отношения к людям другой национальности.

Мы с особой горечью отмечаем, что в пучину межнациональной и межкультурной вражды вовлекаются многие верующие, оскверняющие себя ненавистью к людям иной национальности и иных культурных традиций. Крайний агрессивный национализм, пользуясь этим, вовлекает некоторых верующих в межнациональные распри и вносит дух враждебности между христианами, разделяющей их по национальному и культурному признаку.

В нынешнее сложное время мы, верующие в Единого Господа, должны сделать все, чтобы вера не разделяла, но соединяла людей разных национальностей и культур. Это тем более важно, если иметь в виду традиционную связь некоторых Церквей и религиозных объединений с историческими традициями народов, с их национальным самосознанием.

Призываем служителей Церквей и конфессий стран СНГ и Балтии сделать все, чтобы религиозный фактор в межнациональных и межкультурных отношениях всегда был фактором мира, согласия и терпимости.

Мы призываем всех христианских духовных лидеров и всех верующих во Христа умножить усилия для созидания мира в отношениях между людьми и использовать для этого имеющиеся у Церквей и религиозных объединений возможности в области образования, культурных и общественных инициатив. Мы считаем особо важным взаимное сотрудничество разных христианских конфессий в данных областях.

Призываем служителей всех христианских Церквей и конфессий с особой осторожностью относиться к своей практической деятельности, ни в коем случае не допускать проявлений шовинизма и национально-культурной нетерпимости. Идеал христианской любви требует от нас в настоящее время проявлять особую заботу и внимание к национально-культурным меньшинствам, не забывать заповеди о любви к ближнему. Учение Христа обязывает нас относиться друг к другу не только с взаимной терпимостью, но и с любовью, сочувствием, уважением к иной культурной традиции, препятствовать проявлениям ксенофобии, фанатизма и религиозного экстремизма.

Считаем категорически недопустимым прямое или косвенное участие христиан в насильственном решении возникающих межконфессиональных и межкультурных конфликтов. Мы признаем необходимость совместного обсуждения в ближайшем будущем нашими Церквами и религиозными объединениями проблемы прозелитизма. Выражаем озабоченность возникновением в наших странах псевдорелигиозных групп, посягающих на жизнь, здоровье, права, свободы и достоинства человеческой личности.

3. Церкви, христианские общины и политическая борьба

Сегодня, когда общественно-политическая обстановка в большинстве стран СНГ и Балтии весьма накалена и осложнена конфликтными ситуациями, христианские Церкви и религиозные объединения чувствуют свой долг не отстраняться от происходящих в обществе процессов, но давать духовную, нравственную оценку этих процессов и активно участвовать в них, побуждая политиков действовать в соответствии с высокими принципами евангельской нравственности, направленной к миру и согласию, верной защите интересов верующих, построенной на справедливом и добром отношении ко всякому ближнему, приносящей пользу людям — верующим и неверующим.

Общины учеников Христовых призваны быть объединяющей силой в обществе, силой, способной на основе общей веры разрушать барьеры вражды и непонимания между людьми разных политических взглядов. Мы разделяем убежденность в том, что Церкви и религиозные объединения не должны выступать в поддержку тех или иных политических партий и движений, участвовать в предвыборной борьбе на чьей-либо стороне. Влияние христианских Церквей и общин должно быть влиянием духовным, направленным на поддержку всего, что делается политиками во благо людей, и на решительное предостережение против всего, что не служит такому благу, Церкви должны иметь свободу обращаться к власти предержащим и ко всему народу свое слово, наполненное правдивой, бескомпромиссной и нравственно обоснованной оценкой происходящего в обществе и государстве.

Участники обсуждения выражают свое понимание и заинтересованность в том, чтобы при разработке законодательных актов в области взаимоотношений религиозных организаций и государства, свободы вероисповедания, межрелигиозных и межконфессиональных отношений были тщательно взвешены все аспекты и последствия этих решений, учтены мнения традиционных конфессий стран СНГ и Балтии, исполь-

зовались только не вызывающие противоречий термины и толкования. Процесс выработки этих решений должен производиться так, чтобы давно назревшее восстановление исторической справедливости в конечном итоге было бы направлено на духовное возрождение общества, на достижение мира и согласия между религиями и конфессиями.

Понимая, что вовлеченность в политическую борьбу наносит ущерб авторитету проповедника или духовного руководителя, большинство участвующих в конференции Церквей и религиозных объединений не считают возможной такую вовлеченность, одновременно признавая, что на эту проблему существуют и иные взгляды.

Христиане, вовлеченные в общественно-политическую жизнь, сегодня создают различные объединения, призванные стать одним из средств осуществления их политических чаяний. Для этого весьма полезно расширить контакты всех христианских Церквей и религиозных объединений с христианскими общественными объединениями, их обмен взглядами и опытом по насущным вопросам жизни общества.

4. Христианско-этический подход к проблемам, возникающим в условиях рыночной экономики

В настоящее время в странах СНГ и Балтии проводятся преобразования, направленные на формирование рыночной экономики. Однако движение к построению рынка, по нашему глубокому убеждению, не должно совершаться ценой ущерба жизни, здоровью, правам, свободам и достоинству человеческой личности, что подчас имеет место в настоящее время. Не должно допускаться и разрушение накопленного веками духовного, экономического, научного, культурного и интеллектуального потенциала ради коммерческой выгоды или в угоду каким-либо социально-политическим доктринам.

Участники конференции считают, что, при всей важности развития коммерческих и финансовых структур, устройство экономики государств СНГ и Балтии должно в большей степени учитывать полезность сохранения и развития производственной, научной и технологической базы, а также интересы людей труда, которые суть главное богатство наших стран.

Мы говорим, что деловая жизнь должна созидаться на основе нравственности и справедливости. Приобретение богатства, неизбежно сопровождающееся властью над людьми, влечет за собой и нравственную ответственность за благо этих людей. Христианская этика предполагает утверждение в обществе принципов социального партнерства и солидарной от-

ветственности. Верность принципам чести и нравственного долга смогут привести наше общество к эффективной и созидательной экономической системе. Мы убеждены, что хозяйство, не оставляющее никого за бортом достойной жизни, способно создать социальное согласие в обществе и предотвратить конфликты на социальной почве. Масштабы этих конфликтов приобрели для общества угрожающий характер, и потому мы уверены, что назрела необходимость духовного обновления всех слоев общества, которая невозможна без живой веры в Бога. Только такая вера может быть твердым фундаментом делового успеха, как это сказано древним пророком: «О, человек! сказано тебе, что — добро, и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим» (Мих. 6:8).

Развитие экономики должно также учитывать необходимость защиты творения Божия, и в первую очередь человека, от пагубных последствий неразумного использования достижений науки и техники и от хищнического природопользования, истощающего ресурсы Земли.

Мы считаем, что в центре внимания экономических забот общества должен стоять человек с его насущными потребностями и призываем оградить его от разрушающего воздействия алкоголя, наркотиков и табака. Исходя из этого, считаем, что реклама такого рода изделий не должна поощряться.

Законодательные органы, по нашему мнению, должны ускорить разработку и принятие документов, регламентирующих имущественные права и хозяйственную деятельность религиозных организаций, их предприятий и учреждений. Работа по подготовке таких законодательных актов должна, по нашему убеждению, проходить при обязательном участии представителей традиционных религиозных объединений. Мы обращаем внимание государственной власти на необходимость предоставления льгот нашим попечителям и благотворителям, освободив от налогов на прибыль все средства, направляемые на нужды религиозных организаций и благотворительность. Мы также подчеркиваем необходимость предоставления религиозным организациям и их предприятиям льготных кредитов, направляемых на реализацию уставных целей, в том числе на поддержку церковной благотворительности, образовательных программ и деятельности учебных заведений.

Участники конференции считают, что Церкви и христианские объединения стран СНГ и Балтии должны стремиться к поиску общих принципов построения действующей с учетом высоких нравственных норм жизнеспособной экономики, для чего готовы поддерживать постоянный диалог друг с другом.

**5. Совместные действия и взаимопомощь христиан
в служении примирению**

Миротворческие действия христианских Церквей и религиозных объединений стран СНГ и Балтии сегодня как никогда целесообразно взаимно согласовывать. Ибо сообщая, в постоянном братском контакте друг с другом, мы сможем легче преодолеть трудности обновления наших стран.

Еще недавно христиане разных исповеданий, жившие на территории наших стран, были солидарны в своем служении людям. И несмотря на то, что их примиряющая роль была весьма ограничена и детально регламентирована советским государственно-идеологическим аппаратом, опыт сотрудничества принес им немалую пользу.

Новая историческая реальность принесла новые проблемы. Узы межконфессионального христианского братства в странах СНГ и Балтии ослабли, а в некоторых случаях были полностью разорваны. Лишь недавно появились признаки восстановления межконфессионального общения на уровне духовных лидеров и общин.

Нас огорчает, что в последние годы межконфессиональные отношения в нашем регионе осложнились целым рядом противостояний и конфликтов, омрачились возросшими признаками межконфессиональной вражды и отчуждения. Мы заявляем, что полностью разделяем убежденность в недопустимости враждебного, предвзятого и несправедливого отношения к человеку какой бы то ни было веры. Мы обещаем всеми силами противостоять этим пагубным и разрушительным настроениям.

Для того, чтобы действия христиан, направленные на благо общества, были скоординированы и открыты для обсуждения христианами разных исповеданий, а также для решения проблем и спорных вопросов, могущих возникать между христианами, мы согласились создать постоянно действующий механизм межхристианского сотрудничества, в работу которого могли бы включиться христианские Церкви и религиозные объединения, традиционно осуществляющие свое служение в странах СНГ и Балтии.

Предлагаем распространить положительный опыт проведения настоящей конференции на отдельные регионы, города, населенные пункты. Выражаем убежденность в важности продолжения диалога по таким проблемам, как совершенствование законодательства наших стран в части, связанной со свободой совести и деятельностью религиозных организаций,

распространение сект и новых религиозных движений, развитие язычества и сатанистских культов, проблема прозелитизма.

Мы также заявляем о своей открытости верующим нехристианских религий и нашим нерелигиозным братьям и сестрам, с которыми мы готовы сотрудничать на общее благо в любых возможных на сегодняшний день формах.

Москва, Свято-Данилов монастырь
23 июня 1994 г.

**ЗАЯВЛЕНИЕ УЧАСТНИКОВ СОВЕЩАНИЯ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РЯДА РЕЛИГИОЗНЫХ
ОБЪЕДИНЕНИЙ ПО ПРОБЛЕМЕ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СВОБОДЕ СОВЕСТИ,
ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВАХ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

От имени представляемых нами религиозных объединений — Духовного управления буддистов России, Духовного управления мусульман Европейской части России и Сибири, Духовного управления мусульман Дагестана, Духовного управления мусульман центрально-европейской части России, Евангелическо-Лютеранской Церкви Ингрии на территории России, Новонахичеванской Российской епархии Армянской Апостольской Церкви, Римско-Католической Церкви, российских иудейских общин, Российского Союза Древлеправославной Поморской Церкви, Русской Православной Церкви, Союза евангельских христиан-баптистов России, Союза христиан веры евангельской (пятидесятников) Российской Федерации, Церкви христиан-адвентистов седьмого дня — заявляем о следующем.

1. Мы с благодарностью принимаем работу, проделанную Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации по подготовке решений, направленных на совершенствование российского законодательства о свободе вероисповеданий, имущественных правах и деятельности религиозных организаций. Мы также приветствуем готовность законодательной власти сотрудничать с представителями религий и конфессий в процессе выработки вышеупомянутых решений.

2. Мы готовы представить документ, отражающий уровень нашего согласия по отношению к разрабатываемому законодательству. Приня-

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ДОКУМЕНТАХ

тие нами такого документа не исключает возможности для каждого из наших религиозных объединений представить собственный комментарий по вопросам, не вошедшим в поле согласованной позиции.

3. Мы просим Государственную Думу учесть пожелания, изложенные в нашем совместном документе, при работе над соответствующим законопроектом (пакетом законопроектов), для чего полагаем полезным постоянный контакт рабочей группы Государственной Думы с представителями наших религиозных объединений.

4. В настоящее время распространяется ряд законопроектов о свободе совести и деятельности религиозных организаций, разработанных политическими партиями, государственными учреждениями и отдельными депутатами. Не желая быть вовлеченными в полемику, считаем целесообразной скорейшую подготовку в процессе деятельности рабочей группы Государственной Думы единого законопроекта (пакета законопроектов), учитывающего пожелания представляемых нами религиозных объединений. Официальное отношение наших религиозных объединений последует за выработкой такого законопроекта (пакета законопроектов) и представлением его на обсуждение религиозных объединений.

5. Наблюдая процессы, происходящие в экономике, представители конфессий отмечают, что религиозные организации оказались вне приватизации. Отсутствие специальной законодательной базы по этому вопросу может значительно усугубить негативные последствия национализации и конфискации религиозного имущества. Поэтому просим в первоочередном порядке принять специальный закон, направленный на правовое решение столь актуальной для миллионов верующих проблемы.

От имени участников совещания

КИРИЛЛ,
митрополит Смоленский
и Калининградский,
председатель Отдела
внешних церковных
сношений Московского
Патриархата

ТАДЕУШ КОНДРУСЕВИЧ,
архиепископ Иппоно-
Заритский, апостолический
администратор католиков
латинского обряда
Европейской части
России

П. Б. КОНОВАЛЬЧИК,
пастор, Председатель
Союза Церквей
евангельских
христиан-баптистов
Российской Федерации

24 июня 1994 года

О ВСТРЕЧЕ СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА С ЛИДЕРОМ МУСУЛЬМАН ЧЕЧНИ

15 декабря 1994 года в 19 часов вечера в Свято-Даниловом монастыре состоялась встреча Святтейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II с лидером мусульман Чечни муфтием Алсабековым Мухаммад-Хусейном, на которой стороны выступили с совместным заявлением. Полный текст этого заявления приводится ниже.

«Нас — духовных лидеров, принадлежащих к двум мировым религиям, — объединяет ныне глубокая озабоченность происходящим в Чеченской республике. Высоко ценя братские связи, существующие между последователями Христианства и Ислама, мы сознаем свой долг обратиться к лицам, облеченным властью, и ко всем людям, находящимся в зоне конфликта, в чьих руках находится оружие. Именно сегодня, когда конфликт в Чечне вошел в наиболее критическую стадию, когда во множестве проливается кровь христиан и мусульман, когда гибнут чада многих народов, а опасность разрастания братоубийственной брани стала реальностью, — мы сообща заявляем о следующем.

Кровопролитие в Чечне должно быть немедленно прекращено. Люди, живущие на этой земле, должны восстановить мир и согласие друг с другом и со всеми народами Российской Федерации. Необходимо восстановить законный порядок, и при этом должны использоваться мирные, основанные на взаимном согласии пути. Для этого следует возобновить переговоры между чеченским руководством и федеральной властью России, направленные на урегулирование существующих разногласий. Только в условиях справедливого мира, который должен быть установлен мирными же средствами, чеченский народ сможет свободно устроить свою жизнь. Мы призываем всех людей, облеченных властью, сделать все возможное, дабы предотвратить умножение жертв и страданий и отказаться от оружия как средства решения проблем.

Мы самым решительным образом отвергаем самую мысль о возможности перерастания конфликта вокруг Чечни в христианско-мусульманское противостояние. Истинные последователи двух религий желают только мира. Использование святых для христиан и мусульман символов и понятий в целях разжигания вражды и провоцирования межрелигиозных столкновений — есть грех и беззаконие перед лицом Всевышнего.

Мы просим всех наших братьев и сестер — христиан, мусульман, людей доброй воли — всех, кто вовлечен ныне в богопротивный конфликт — остановиться и одуматься. Мы призываем паству нашу молиться о мире, который да возвратится на землю Чечни».

**ЗАЯВЛЕНИЕ В СВЯЗИ С ОБОСТРЕНИЕМ
ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ЧЕЧНЕ**

Продолжающееся кровопролитие на земле Чечни вызывает в Русской Православной Церкви все большую тревогу. Не ставя под сомнение жизненную необходимость водворения в Чеченской республике законного порядка, восстановления мира и согласия между жителями этой земли и всеми народами Российской Федерации, Церковь в то же время глубоко обеспокоена сообщениями о сильнейшем обострении братоубийственной брани. Более же всего тревожат архипастырей, пастырей и верующих Церкви Русской поступающие сведения о многочисленных жертвах среди мирных людей — будь то чеченцы, русские или граждане других национальностей. Наши сердца скорбят о происходящем в зоне трагических событий разрушении жилых домов, что в зимних условиях делает существование людей невыносимым, о гибели структуры жизнеобеспечения. Вызывает озабоченность и то, что народ России недостаточно знает о происходящем в Чечне, а доходящая до него информация подчас оказывается противоречивой, сознательно или бессознательно искаженной.

В этих условиях Церковь возвышает голос в защиту невинных жертв кровопролития. Никакие, даже самые справедливые и законные, соображения государственной пользы не могут оправдать жертв и страданий мирного населения. Никакие, даже самые благие, цели не должны достигаться методами, могущими привести к огромной несправедливости и в итоге породить многократное умножение насилия, что будет губительно для всей России.

Вот почему я прошу и умоляю государственных деятелей России, чеченских лидеров — всех, чьи руки сжимают меч, немедленно остановить боевые действия и вернуться на путь мирного разрешения существующих разногласий. Время для этого пока есть, но осталось его не очень много. Используйте же это время не на смерть, но на жизнь, не на зло, но на благо, не на брань, но на примирение.

Россия! По слову Псалмопевца, «Да будет мир в стенах твоих, благоденствие в чертогах твоих» (Пс. 121:7).

АЛЕКСИЙ, Патриарх Московский и всея Руси

26 декабря 1994 года
г. Москва

**ВСТРЕЧА ДУХОВНЫХ ЛИДЕРОВ АРМЕНИИ
И АЗЕРБАЙДЖАНА ПРИ ПОСРЕДНИЧЕСТВЕ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

13 июня 1995 года в Москве состоялась встреча духовных лидеров Азербайджана, Армении и России. На встрече присутствовали председатель Высшего религиозного совета народов Кавказа, духовный глава мусульман Азербайджана Шейх-уль-Ислам Аллахшукюр Паша-заде, Верховный Патриарх и Католикос всех армян Гарегин I и Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Встреча проходила в резиденции Святейшего Патриарха Московского и всея Руси в Свято-Даниловом монастыре.

На встрече было принято совместное

МОСКОВСКОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Мы, Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, Верховный Патриарх и Католикос всех армян Гарегин I и председатель Высшего религиозного совета народов Кавказа, духовный глава мусульман Азербайджана Шейх-уль-Ислам Аллахшукюр Паша-заде, — встретились в Москве, дабы обсудить пути преодоления вооруженного противостояния, а также вместе поразмыслить над тем, как мы, религиозные деятели, можем содействовать урегулированию конфликта, порожденного проблемой Карабаха.

Нас радует, что духовные лидеры наших народов встречаются уже в четвертый раз, и что процесс, начатый на встречах 5 мая 1988 года, 17—18 ноября 1993 года и 15 апреля 1994 года при участии представителей выдающегося пастыря и миротворца, почившего Святейшего Патриарха Васкена I, сегодня успешно продолжается.

Мы подтверждаем ранее выраженный на подобных встречах взгляд на армяно-азербайджанский конфликт, как на лишенный религиозной почвы и несущий в себе грех с точки зрения христианства и ислама.

Мы вновь обращаемся к государственным лидерам конфликтующих сторон с призывом сделать все для мирного разрешения существующих споров. Мы также призываем руководство России, исторически имеющей немалое влияние на развитие событий в регионе конфликта, приложить все возможные усилия для установления там стабильного мира и подписания большого политического соглашения. Помочь его достижению может и все мировое сообщество, и мы просим его не забывать о боли тех, кто страдает от пагубной розни.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ДОКУМЕНТАХ

Ныне, когда обстановка в регионе несколько стабилизировалась, но конфликт может возобновиться каждую минуту, необходимо сделать мир действительно прочным и справедливым, чтобы дать возможность людям вернуться в места, откуда они были изгнаны войной. Вообще, скорейшее решение проблемы беженцев, являющееся одним из основных условий мира, должно стать одной из главных тем переговоров. Особого внимания требует тяжелая участь пленников и заложников, в числе которых много женщин и детей.

Мы приветствуем акты доброй воли сторон — освобождение пленных и заложников, и призываем как политических, так и религиозных деятелей активизировать усилия в этом благородном, гуманном процессе до освобождения последнего пленника.

Религиозные деятели, все приверженцы христианства и ислама, призваны свыше активизировать свое участие в миротворческом процессе. Именно поэтому мы выступаем с инициативой скорейшего проведения мирной конференции по проблемам армяно-азербайджанских отношений, дабы сообща возвестить людям слово примирения. Призывая Всевышнего на помощь в этом деле, просим всех верующих, живущих в этих регионах, содействовать нашей миротворческой миссии. Призываем и власти выслушать нас на благо ведомых ими народов.

Убеждены, что Господь поможет верующим в Него восстановить мир и согласие. Ведь их доброе, справедливое слово, служение любви и милосердию, преданность миру и правде могут сделать гораздо больше, чем споры политиков и противостояния военных. Подлинный мир начинается в сердце человеческого. Мы верим, что наши смиренные молитвы и труды помогут людям отвергнуть служение злу и предать свои сердца Всевышнему, дающему нам мир, любовь и согласие.

И да поможет нам в этом Всевышний Творец. Аминь.

Патриарх Московский
и всея Руси
Алексий II

Верховный Патриарх и
Католикос всех армян
Гарегин I

Председатель Высшего
религиозного совета народов
Кавказа Шейх-уль-Ислам
Аллахшукюр Паша-заде

Москва, Свято-Данилов монастырь, 13 июня 1995 года

АРХИВ

**ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЗАМЕСТИТЕЛЯ
ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ
МИТРОПОЛИТА НИЖЕГОРОДСКОГО СЕРГИЯ
(СТРАГОРОДСКОГО)
И МИТРОПОЛИТА ЕВЛОГИЯ (ГЕОРГИЕВСКОГО),
УПРАВЛЯЮЩЕГО ПРАВОСЛАВНЫМИ
РУССКИМИ ЦЕРКВАМИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ ***

**Документы из архива
Отдела внешних церковных сношений
Московского Патриархата**

30

Доклад Административной комиссии
Западно-Европейского Епархиального Управления
Русской Православной Церкви

Епархиальному Собранию по вопросу об отношении приходов
Западно-Европейской Русской Православной Церкви
к церковному несогласию

Вопрос о несогласиях в нашей Зарубежной Церкви уже более года занимает внимание всех, кому близки судьбы нашей родной Церкви, кто живет в изгнании под ее сенью, болея душою ее невзгодами, радуясь ее радостями.

Его следовало бы называть *не несогласием среди высших иерархов*, а стремлением тех из них, которые проживают в Сербии, — *придать себе характер высшего русского церковного Управления за границею*, подчинить своей власти всю зарубежную Русскую Церковь, лишить нашего Архиепископа,

* Продолжение. Начало см. в «Церковь и время» № 2(5) и № 3(6), 1998.

Владыку Митрополита, тех полномочий, которые он получил от Святейшего Патриарха Тихона как в отношении объема своей власти, так и в отношении территории ее распространения, определенной почившим Святителем, с согласия также почившего Митрополита Петроградского Вениамина, в ведении коего находились заграничные русские православные церкви.

Не стану углубляться в обозрение всей истории этого печального вопроса.

Его начало относится еще к 1921 году, — ко времени созыва первого Карловацкого Собора. Его последствия многим из присутствующих здесь известны во всех подробностях, как известно и то, чем отразились они на судьбах нашей Зарубежной Церкви. Укажу только на две стороны этих последствий: 1) на резкое внутреннее разногласие, возникшее на самом Соборе, вследствие чисто политического характера его главных заключений и 2) на вызванное этою же причиною осуждение Собора Святейшим Патриархом Тихоном, с повелением закрыть образованное им Высшее Церковное Управление в Сербии и передать всю полноту власти нашему Владыке, возведенному в сан Митрополита.

Объем власти, предоставленный нашему правящему Митрополиту, был ясен и непререкаем с самого первого дня. Владыка поставлен был в прямое подчинение Патриарху Московскому и состоящим при нем органам Высшего Церковного Управления, и между ними не было, — скажу даже, и не могло быть — установлено никакого средостения.

С минуты, как власть нашего Митрополита лишилась возможности фактического сношения с Святейшим Патриархом, — ему пришлось встать в то же самое положение, в которое встали все правящие русские Епископы, не только в силу факта невозможности общения с своею высшею властью, но и в силу определенных велений местоблюстителей Патриаршего престола, неоднократно проявленных еще до 1920 г. Митрополитов: Агафангела, Петра, Сергия и Серафима¹, которые указали всем им при невозможности сношений решать все дела самостоятельно, руководствуясь их Епископскою совестью.

Ни для кого из русских Епископов не было создано никакого временного посредника между ними и Патриаршим престолом, как не было установлено и для нашего Митрополита. Ясность и определенность такого положения не должна была вызывать ни в ком никакого сомнения.

Не выдвинула этих сомнений и наша зарубежная церковная жизнь. Она протекала мирно, никто не мешал нам молиться, никто не нападал на нас извне, никто не преследовал нас, никто не препятствовал нам хранить верность нашей родной Церкви, черпая в ней поддержку в нашей трудной жизни.

С нашим Владыкою у всех нас установились с первого дня самые сердечные отношения, да иных и не могло и быть, — он отдал нам всю свою душу, — мы ответили ему открытою сыновнею преданностью. Поистине, у нас было «Едино стадо и Един пастырь»!

И несмотря на всю эту ясность уже с 1922 года у нас не было настоящего церковного мира.

Не стану перечислять всех прискорбных явлений, уже пять лет тому назад нарушивших этот мир. Все знают их.

С грустью и опасениями следили мы за нарастанием тревожного настроения, с каждым годом все более и более углублявшегося и все в одном и том же направлении — стремления наших Иерархов в Сербии придать себе характер Высшего Церковного Управления и подчинить себе нашего Митрополита.

Наша тревога дошла до высшего своего предела сначала в конце июня прошлого 1926 года, когда Владыка вынужден был, вместе с Митрополитом Платоном², покинуть заседание Карловацкого Собора, а затем и в памятный день 26 января 1927 года. Мы все хорошо знаем этот день.

Указом Синода из Сремских Карловцов, Владыка Митрополит, за неповиновение велениям Синода, смещен с должности Управляющего Западно-Европейскими православными русскими церквами, должность его передана Архиепископу Серафиму³, признавшему власть Карловацкого Синода, Владыка запрещен в священнослужении, и германские церкви выделены в отдельное управление, с поручением его Епископу Тихону⁴, также признавшему власть Синода.

Если в течение четырех лет, с 1922 года, все наше внимание было поглощено одною мыслью, одною надеждою на то, что разногласие будет так или иначе устранено, то, с минуты событий начала 1927 года, всем православным, объединенным в приходы, подчиненные власти Митрополита Евлогия, стало ясно, что наш церковный мир и самая возможность его восстановления окончательно утрачены, и всем нам пришлось обдумать создавшееся положение и решить в нашей душе и в нашем пони-

мании *один коренной вопрос*, — о нашем отношении к создавшемуся положению, то есть о том *остаться ли канонически верными Митрополиту Евлогию*, принявшему власть, не от собственного изволения, а из рук Патриарха Московского и всея России, *или же подчиниться воле Синода, собравшегося в Сремских Карловцах*, отойти от своего Пастыря, Наставника и духовного руководителя и стать под начало Архиепископа Серафима, принявшего к исполнению Синодальное распоряжение?

За истекшие пять месяцев приходы Западно-Европейской Епархии исполнили свой долг, каждый как кто понимал его.

Их отношение определилось как со стороны клира, так и со стороны мирян.

Клир сказал свое слово на благочинническом съезде духовенства Франции, Англии и Бельгии в декабре 1926 года, на особых съездах духовенства Германии и средней Европы и — в отдельных заявлениях пастырей других частей епархии.

Прихожане выявили свое отношение в созванных чрезвычайных собраниях всех приходов.

Общие итоги, определяющие это отношение, следующие:

1. Из состава клира отошли от Владыки Митрополита, кроме Архиепископа Серафима⁵, викария Лондонского, и Епископа Тихона, викария Берлинского, всего шесть священнослужителей: четыре священника во Франции, а именно: второй священник в Ницце, священники в Канне и Ментоне и бывший священник Галлиполийской церкви в Париже, а также Настоятель Римской церкви и бывший священник в Вюнсдорфе в Германии.

Все же прочие составы клиров во Франции, Бельгии, Англии, Германии, Италии, Швейцарии, Дании, Швеции, Голландии, Чехо-Словакии и Румынии остались верными своему законному Архипастырю.

2. Из состава приходов:

Берлинский распался на две части, причем одна осталась верною своему Митрополиту, другая же, захватившая церковь силою, сгруппировалась около Епископа Тихона.

Также распался на две группы незначительный по своей численности Гамбургский приход, но германские местные власти не признали законным перехода церковного здания в руки отделившейся от Митрополита группы, и дело подлежит еще новому рассмотрению суда.

Отошел от Владыки Митрополита Римский приход, небольшой по численности прихожан, причем такое решение принято единоличным распоряжением настоятеля, даже без созыва Приходского Собрания.

Распался на две части Лондонский приход, причем за Архиепископом Серафимом идет меньшая часть прихода, большая же часть осталась верно нашему Владыке, и обе группы пользуются, поочередно, понедельно, одним и тем же храмом Св. Филиппа, уступленным русской церкви.

Из обширнейшего, по количеству прихожан, в несколько тысяч человек (одних записавшихся в книгу прихода числится до 2-х тысяч) Александро-Невского прихода в Париже, отошла в каноническое повиновение Архиепископу Серафиму, а через него — Карловацкому Синоду, группа до 40 человек, образовавшая свой приход, с бывшим священником Галлиполийской церкви во главе.

Отошли, наконец, отдельные группы прихожан в Брюсселе, Ницце, Ментоне, большая же часть прихожан и в этих городах осталась верно своему Митрополиту.

Таким образом, из 59 приходов Епархии, раскинутых в 14-ти государствах, осталось в каноническом подчинении Митрополиту Евлогию — 57 приходов, отошло же в целом составе всего — 2. Из 57-ми приходов, в 49-ти приходах все прихожане остались в полном его повиновении и только в 8-ми отошли от него отдельные небольшие группы, и лишь в одном Берлинском — более значительной численности.

На каких же основаниях состоялось это объединение подавляющего большинства православных русских людей, томящихся в подневольном изгнании за рубежом родной земли?

Излагая эти основания немногими словами и не углубляясь вовсе в каноническое их обоснование, близко известное большинству присутствующих на Епархиальном Собрании и столь ярко изложенных в неоднократных посланиях Владыки к его пастве, я приведу только те из них, которые, вне всякого спора и сомнения, имели решающее значение для вынесенного приходами решения, были доступны пониманию всех прихожан и глубоко залегли в их душу.

Их всего — три:

1. Мы все, насильственно оторванные от родины, где бы мы ни находились за рубежом, мы не можем забыть того, что мы сыны нашей родины. Наше сердце бьется по ней, наши мысли устремлены к ней, возвращение домой составляет предмет всех наших мечтаний.

В церковном отношении, здесь, на чужбине, мы чувствуем еще ближе, еще острее, нашу связь с родною Русскою Православною Церковью и с ее Иерархией. В лоне нашей Церкви мы родились, в ее лоне мы и умрем. Она поддерживает нас в минуты тяжелого горя, к ней идем мы, ища утешения в скорби. Мы не можем себя мыслить оторванными от Русской Церкви, отдельной от русской, подчиненной какой бы то ни было Иерархии, не состоящей в прямом каноническом подчинении высшей Иерархии Русской Церкви и не получившей от нее, и только от нее, свои полномочия руководить нашею духовною жизнью.

В церковной жизни все урегулировано точно и определенно и нет места ни самочинности, ни произволу. От апостольских времен вся сила нашей Церкви в том, что она держится на неизблемом начале преемства, и, если эта цепь преемства порвется, — то рушится все здание, которое осеняет нас и на место *ясного канона*, то есть основного неприкосновенного начала утвердится усмотрение, которому уже нет предела, как нет и устойчивости созданному им порядку.

2. Из первого основания вытекает и второе.

Как составная часть единой Русской Православной Церкви, Зарубежная Русская Церковь должна состоять в *полном и неуклонном подчинении русской церковной Иерархии* и ее *правящих установлений*, — Патриарху Московскому и всея России и Высшему при нем Управлению. Ее постановления для нее неоспоримый закон, и ему она должна повиноваться безоговорочно.

Эта власть, а не какая либо иная облекла нашего Митрополита полномочием править Русскою Православною заграничною Церковью, и никто, *не будучи отступником от этой власти*, не может ни лишить его этой власти, ни уменьшить пределов ее, ни тем более — *подчинить его своим распоряжениям*.

Не может уклониться и сам Владыка Митрополит от исполнения воли Патриарха, если бы даже он пожелал встать на путь

признания какой-либо иной власти или уступить ей части своих полномочий, *без соизволения на то Патриарха или местоблюстителя его престола*. В этом случае он сам был бы послушником этой непрекращаемой воли и внес бы только величайшее смущение в душу всех, кто стоит на этом неоспоримом основании.

Указ Святейшего Патриарха Тихона о назначении нашего Владыки управлять Западно-Европейскими церквами есть *обязательная для всех нас норма*, и ей мы обязаны повиноваться, не допуская никаких толкований, а тем более колебаний.

Не изменяет этого положения и то, что Патриарх и его Управление недостижимы для нас. Исход из этой недостижимости указан местоблюстителями Патриаршего престола, Митрополитами: Агафангелом, Петром, Сергием и Серафимом.

3. Распоряжение Русского Синода в Карловцах от 26 января 1927 года и все ранее и после него ставшие нам известными проявления стремления придать себе характер Высшего Церковного Управления за границею *находятся в полном несоответствии с первыми двумя положениями и не могут ни в чем поколебать их силы и значения*.

Устраняясь от всякой полемики, нельзя не иметь в виду, что та организация, именем которой сделаны эти распоряжения, не имеет законного бытия. Указами Святейшего Патриарха от 1922 года Высшее Церковное Управление, образованное в Сербии, было признано незаконным, постановления его не имеющими силы и — само оно закрыто. Этим решением больше, чем всякими иными соображениями, определяется и характер тех действий, которые так глубоко потрясли душу многих из нас и вызвали в нас те болезненные ощущения, которые и теперь не утратили еще влияния на нас.

Нимало не изменяется такое отрицание силы и значения постановлений Карловацкого Синода и тем, что в течение четырех лет, с 1922 и по 1926 год, Владыка Митрополит не только состоял в братском общении с нашими Иерархами, проживающими в Сербии, но даже искал, с помощью целого ряда уступок, возможности найти путь примирения, не останавливаясь даже перед тем, чтобы идти далеко навстречу предъявленным к нему требованиям, и искал этого пути соглашения до того памятного дня, в конце июня 1926 года, когда эти требования приняли характер и объем *прямого нарушения Патриаршей воли*.

Совесть каждого из нас должна сказать нам, что не недостаток уступчивости и миролюбия нашего Владыки создать то, что принято называть «несогласием», конфликтом или даже «разрывом» (так в оригинале. — *Прим. ред.*).

К приведенным трем основаниям, так сказать, канонического характера, группа 7-ми приходов Парижа, в своем обращении к Владыке, присоединила открыто *еще четвертое основание*, которое, вероятно, руководило, хотя и молчаливо, всеми приходами, оставшимися верными своему Архиепископу.

Это основание выражается в той духовной связи, которая соединила паству со своим Митрополитом.

Я разумею ту любовь, ту сыновнюю преданность, которую внушает нам Владыка каждый день, каждым своим действием, каждым своим словом. Распространяться об этом нет нужды, но мы не имеем права не сказать, что вместе с нами Владыка переживает все тяготы нашего изгнания. Нет той нашей нужды, того нашего горя, на которое он не откликнулся бы, не справляясь с состоянием своих сил. За такое его отношение к нам на нас лег прямой долг — облегчить его душевный разлад, переживаемые им страдания и сплотиться кругом него, заявив ему нашу преданность и *открыто признавши его каноническую над нами власть*. Под его началом мы должны встать на защиту нашей неразрывности с Русскою Православною Церковью и ее высшею Иерархией и *не допускать ни в чем уклонения от покорности воле почившего Патриарха*.

Этот свой долг паства Владыки исполнила с полным единодушием, и она должна испытывать величайшее нравственное удовлетворение, если ей было дано облегчить в чем бы то ни было тяжести, выпавшие на его долю.

На наше счастье, мы не стоим одиноко, в охранении в лице нашего Митрополита, тех основных начал, которые определили наше отношение к возникшему несогласию.

После того, что это несогласие приняло всем нам известную форму, Владыка Митрополит обратился к Вселенскому Патри-

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ

арху, к Восточным Патриархам, к главам самостоятельных Православных Церквей, изложив пред ними с полной объективностью, с исчерпывающею полнотою и с сообщением им наиболее существенных документов, характеризующих возникшее несогласие.

Владыка просил Иерархов войти в рассмотрение этого прискорбного вопроса и дать их беспристрастное заключение по содержанию того, что так глубоко потрясло нашу Зарубежную Церковь.

Ни один из Владык, сообщивших свое заключение на письме, не вынес отрицательного отзыва тому решению, которое принял наш Архипастырь.

От многих из них уже поступили отзывы, оглашенные печатью и близко известные участникам Епархиального Собрания. Наиболее существенный из всех отзывов поступил только на сих днях.

Собранию, в его полном составе, необходимо ознакомиться с содержанием этих отзывов.

Они принадлежат:

Патриархам: 1) Вселенскому Константинопольскому,
2) Александрийскому,
3) Антиохийскому.

Митрополиту Афинскому и всея Греции,
Митрополиту Болгарскому.

Из православных русских Иерархов, управляющих церквами в отделившихся от России областях, отзывались:

Архиепископ Литовский и Виленский, Елевферий,
Архиепископ Карельский и всей Финляндии, Герман,
Архиепископ Рижский и Латвийский, Иоанн ⁶.

Заслуживает особого внимания письмо последнего к протопресвитеру Шавельскому ⁷.

С той поры, как отношения заграничных православных приходов к своему Митрополиту, переживши трудную пору, выпавшую на их долю, сначала в конце июня 1926 года, затем под влиянием распоряжений Карловацкого Синода от 26 января 1927 года, — определились вполне ясно и открыто, — церковная жизнь в нашей Епархии протекает спокойно, без новых потря-

сений, за исключением немногих приходов, в которых еще не вполне улеглись недавние волнения среди прихожан. Будем надеяться на то, что и дальше она станет только крепнуть и развиваться на избранном пути и что Господь убережет нас от новых осложнений и новых потрясений.

Залогом такой веры может, однако, быть только наша стойкость на избранном нами пути, который есть, поистине, путь правый и — наша непоколебимая каноническая верность нашему пастырю.

С подлинным верно: Секретарь Епархиального Совета Аметистов

Париж. 12 сентября 1927 г.

31

от 3/16 апреля 1929 г.

№ 859

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Сергию,
Митрополиту Нижегородскому,
Заместителю Местоблюстителя,
Московского Патриаршего Престола

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь.

Протоиерей А. Пиняев вновь обращается ко мне с просьбою о разрешении ему основать церковную Общину, подчиненную каноническому ведению Московского Патриаршего Престола и независимую от юрисдикции Архиепископа Иннокентия⁸, признающего над собою власть упраздненного Архиерейского Синода в Карловцах.

Как Ваше Высокопреосвященство изволите усмотреть из прилагаемого при сем прошения Протоиерея А. Пиняева⁹, русские люди в Китае оказались в крайней духовной нужде в дни настоящей Св. Четырдесятницы, и потому я разрешил Протоиерею А. Пиняеву временно совершать в Шанхае богослужение для обращающихся к нему православных русских людей, впредь до получения окончательных указаний от Вашего Высокопреосвященства, которые почтительнейше прошу преподать мне в

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ

возможно скором времени или непосредственно в Китай, или мне для сообщения заинтересованным лицам.

Испрашивая святительских молитв Ваших, с глубоким уважением и братскою о Христе любовью, имею честь быть Вашего Высокопреосвященства

покорнейший слуга
Митрополит Евлогий

32

29 апреля 1929 г.

№ 1359

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Митрополиту Евлогию,
Управляющему русскими церквами в Западной Европе

Высокопреосвященнейший Владыка.

В ответ на № 859 от 3/16 апреля с. г. долг имею сообщить, что распоряжение Вашего Высокопреосвященства о разрешении прот. Пиняеву временно совершать богослужение в Шанхайской православной церкви (не — Миссийской) мною утверждено.

Вместе с тем, руководствуясь прежним порядком управления заграничными церквами, по которому церкви, не принадлежавшие к Духовным Миссиям (например, церковь при посольстве в Токио) находились, подобно русским церквам в Европе, в непосредственном епархиальном ведении Митрополитов Ленинградских, я нахожу благовременным все православно-русские церкви на территории Южной Маньчжурии и Китая (кроме церквей при подворьях и других учреждениях Духовной Миссии в Пекине) поручить Вашему Высокопреосвященству, как правопреемнику Митрополитов Ленинградских по заведыванию заграничными церквами, — впредь до назначения для церквей Ю. Маньчжурии и Китая особого архиерея (имеется, между прочим, в виду и Епископ Нестор б. Камчатский¹⁰, приславший уже заявление об отходе от Карловацкой группы и о подчинении Патриархии, о чем с ним теперь начинается переписка).

Пользуюсь случаем принести Вашему Высокопреосвященству и всем сотрудникам Вашим мое искреннее пасхальное при-

АРХИВ

ветствие: Христос воскрес, с братским Вам пожеланием всяких благ от Воскресшего.

Вашего Высокопреосвященства
о Христе брат и слуга
Сергий, митрополит Нижегородский

33

21 июня/4 июля 1929 г.

№ 1600

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Сергию,
Митрополиту Нижегородскому,
Заместителю Местоблюстителя
Московского Патриаршего Престола

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивый Архипастырь.

Вследствие запроса Вашего от 3 апреля сего года за № 915, имею честь сообщить имеющиеся у меня сведения о русских епископах, проживающих за границей, рукоположенных после 1917 года. К сожалению, сведения эти не отличаются полнотою и не отвечают на все поставленные Вами вопросы, — я собрал, что мог.

1. Епископ Вениамин ¹¹ (в миру Иван Афанасьевич Федченков), родился 2 сентября 1880 года. Окончил Петроградскую Духовную Академию в 1907 году. Хиротонисан 10 февраля 1919 года в г. Симферополе Архиепископом Таврическим и Симферопольским Димитрием, Архиепископом Нижегородским Иоакимом, Епископом Челябинским Гавриилом, Епископом Гомельским Варлаамом и Епископом Камчатским Нестором. Ныне Епископ Вениамин по ходатайству своему и с разрешения Патриаршего Синода проживает на покое в сербском монастыре «Петковица».

2. Епископ Сергей ¹² Бельский (в миру Аркадий Дмитриевич Королев), окончил Московскую Духовную Академию в 1905 году, бывший настоятель Яблочинского монастыря Холмской епархии. Рукоположен по Указу Святейшего Патриарха Тихона

4/17 апреля 1921 года во епископа Бельского для управления Холмской епархией. Изгнан из Польши в 1923 году и ныне состоит Настоятелем русского прихода в Праге и по моему поручению заведует, на правах викария, русскими приходами в Чехословакии, Австрии и Венгрии.

3. Епископ Серафим ¹³, бывший Лубенский (в миру Николай Борисович Соболев), хиротонисан 1 октября 1920 года в г. Симферополе. Примкнул к Карловацкой ориентации, проживает в г. Софии и возглавляет русские приходы в Болгарии.

4. Епископ Тихон ¹⁴ (в миру Тимофей Лященко), Настоятель Берлинского Карловацкого прихода, бывший Инспектор Киевской Духовной Академии, рукоположенный мною вместе с Епископом Сергием Бельским, по определению Архиерейского Синода в Карловцах, 28 апреля 1924 года; в 1926 году собранием епископов в Карловцах сделанный самостоятельным епископом для всех приходов Германии с титулом «Берлинский и всея Германии», в каковом звании мною не признанный и за противоление мне, его законному епископу, запрещенный мною в священнослужении. Этот акт Карловацких Епископов и послужил окончательным поводом для моего разрыва с ними.

5. Епископ Арсений ¹⁵ (Чаговец) Канадский, с семинарским образованием, бывший американский миссионер и затем настоятель Бизюкского монастыря Херсонской епархии. Рукоположен во епископа Канадского Митрополитом Антонием в Карловцах в сослужении с другими Карловацкими архиереями в 1925 году, по просьбе Митрополита Платона.

6. Епископ Антоний ¹⁶ (Дашкевич), окончивший Волынскую духовную семинарию и учившийся некоторое время (кажется, вольнослушателем) в С.-Петербургской Духовной Академии, бывший американским миссионером, а затем военно-морским (судовым) священником и Настоятелем церкви в Копенгагене. Рукоположен в Карловцах Митрополитом Антонием, в сослужении проживающих в Карловцах епископов, во епископа Алеутского и Аляскинского; не подчинился Митрополиту Платону и не поехал к месту своего назначения. После некоторого пребывания в Америке, где он вел борьбу с Митрополитом Платоном и производил над ним ревизию по поручению Карловацкого Синода, возвратился в Европу и ныне проживает в Сербии (Далмации) без определенных занятий.

7. Епископ Николай ¹⁷ (Логвинов), Настоятель Карловацкого прихода в Лондоне, окончивший Казанскую Духовную Академию в 1915 году и только что (17/30 июня с. г.) рукоположенный Митрополитом Антонием, Архиепископом Серафимом и Епископами Феофаном Курским и Тихоном Берлинским во епископа Лондонского с целью парализовать мое влияние в Англии.

Кроме того, в течение последних лет, т. е. после 1917 года, рукоположены в Америке Митрополитом Платоном следующие епископы:

1. Феофил ¹⁸ (бывший Протоиерей Феодор Пашковский), епископ Чикагский,

2. Амфилохий ¹⁹, Епископ Алеутский и Аляскинский, из окончивших миссионерские курсы при Казанской Духовной Академии,

3. Алексей ²⁰, Епископ С. Франциский, и

4. Павел ²¹ (в миру Протоиерей Петр Гаврилов), окончивший Курскую Духовную семинарию, Епископ Детройтский.

Сведений более подробных об этих епископах у меня не имеется. Я запрашивал эти сведения у Митрополита Платона, но до сих пор не получил; по получении не замедлю представить.

Испрашивая святительских молитв Ваших, с глубоким уважением и братскою о Христе любовью имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства
смиранный послушник
Митрополит Евлогий

34

Митрополиту Евлогию,
Управляющему Русскими Церквями
в Западной Европе

Предложение Заместителя: В заграничной газете «Сегодня», от 7 июня с. г., напечатана корреспонденция о том, что «по инициативе русских политических, общественных и профессиональных организаций г. Парижа, после литургии в русской

церкви на ул. Дарю, была отслужена панихида» по Н. К. фон-Мекке, П. А. Пальчинском и А. Ф. Величке. Служил митрополит Евлогий с причтом Александро-Невской церкви и представителями других приходов Парижа. Пред началом панихиды митрополит произнес краткое слово, посвященное памяти лиц, по которым служилась панихида.

СПРАВКА. В своем письме от 12 сентября 1927 г. за №1823 Преосвященный Митрополит Евлогий писал: «Я обязуюсь твердо стоять на установившемся у нас положении, согласно заветам Святейшего Патриарха Тихона, о невмешательстве Церкви в политическую жизнь и не допускать, чтобы в подведомых мне храмах церковный амвон обращался в политическую трибуну».

ПОСТАНОВИЛИ: Предложить Преосвященному Управляющему русскими церквами в Западной Европе Митрополиту Евлогию сообщить в срочном порядке, насколько содержание вышеприведенной корреспонденции соответствует действительности и, если соответствует, то как Преосвященный Митрополит примиряет свое такое участие в панихиде, носившей явно демонстративно-политический характер, с данным им обязательством (см. справку).

5 августа 1929 г.

35

5 августа 1929 года

№ 1828

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Митрополиту Евлогию

Высокопреосвященнейший Владыко.

Не могу не передать Вашему Высокопреосвященству нашего общего (моего и Преосвященных сотрудников моих по Синоду) огорчения и крайнего удивления по поводу сообщений русских заграничных газет о панихиде, отслуженной Вами по фон-Мекке и пр. Ведь если сообщенное имело место в действительности, а в этом, по-видимому, нет оснований усомниться, так как сообщение прошло по всем эмигрантским газетам, то это равносиль-

но отказу Вашего Высокопреосвященства от принятых Вами на себя обязательств.

Как видно из газетных сообщений, панихида совершена «по инициативе политических и общественных (т. е., по-нашему, белогвардейских, враждебных Советскому Союзу) организаций», которые в своем составе насчитывают, несомненно, немало неправославных и даже прямо нехристиан и, во всяком случае, ничего общего с православным приходом не имеют. Такие организации могли чествовать лиц, по которым служилась панихида, не как православных христиан (да и были ли они православными), а только как своих единомышленников или сочленов. Значит, панихида для них (как это нередко бывало у нас при прежнем режиме) была не молитвой, а только обычным и легко устроимым средством для политической манифестации.

Поэтому, подчеркивая своим участием особую торжественность панихиды, Ваше Высокопреосвященство, может быть, и увеличивали молитвенность панихиды, но еще с большей вероятностью и в несравненно большей степени способствовали тем посторонним для Церкви целям, какие преследовались устроителями этой манифестации.

Толкование панихиды как молитвы за «невинно убиенных», вероятно, хочет указать, что Ваше Высокопреосвященство, совершая ее, держались чисто церковной, надмирной оценки человеческих действий с точки зрения религиозно-нравственных идеалов, чуждой каких-либо политических или партийных уклонов.

Но такая возвышенная, отвлеченно-христианская позиция была бы правдоподобна, если бы Ваше Высокопреосвященство наряду с панихидами по врагам Советского Союза служили панихиды и по тем людям, которые с честью и пользой послужили своей родине уже при Советском Правительстве; в особенности же, если бы Вы заклеили своим Архипастырским словом с церковного амвона или хотя бы в какой-либо речи вне храма или в печати, например, — убийство полпредов СССР Воровского, Войкова. Последние ведь тоже могут быть отнесены к разряду «невинно убиенных», так как убиты не за какое-нибудь свое личное преступление, а только за то, что были представителями за границей Советского Союза, т. е. исполняли свой гражданский долг перед своей страной. Но мне кажется, что самая

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ

возможность предположить с Вашей стороны что-нибудь подобное представляется трудно допустимой, тем более осуществление таких предположений на деле в окружающей Вас обстановке. А эта недопустимость, в свою очередь, должна бы диктовать Вам совершенную невозможность принимать какое бы то ни было участие в демонстрациях, подобных указанной.

У меня и у моих Преосвященных сотрудников существует большое опасение, что Ваше Высокопреосвященство неправильно представляет себе сущность нашего (а, следовательно, и Вашего) отношения к Советскому Союзу.

Мы признаем Советский Союз нашей родиной не на словах только, а на деле; и выступление Ваше, прямо противоречащее положениям, на которых мы сочли возможным продолжать с Вами каноническое общение, возбуждает в нас большую тревогу и волнение.

Ввиду вышеизъясненной серьезности положения и крайне не желательных последствий, какие может иметь служение панихиды как лично для Вашего Высокопреосвященства, так и вообще для заграничной нашей Епархии, прошу незамедлительно дать исчерпывающие разъяснения на предмет обсуждения их в Патриаршем Синоде.

Вашего Высокопреосвященства покорнейший слуга

Сергий, митрополит Нижегородский

36

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ И ВРЕМЕННОГО ПРИ НЕМ ПАТРИАРШЕГО СВЯЩЕННОГО СИНОДА

18 марта 1930 г.

Заместитель Патриаршего Местоблюстителя и Временный Патриарший при нем Священный Синод слушали:

Сообщение Известий ЦИКа Союза ССР, от 18-го марта т. г. № 76, о том, что по сообщению «Морнинг Пост»... Митрополит Евлогий специально прибыл в Лондон из Парижа, чтобы при-

существовать на главном молебствии в Вестминстерском аббатстве. Вслед за тем Евлогий произнес проповедь в одной из церквей в Северо-Западном районе Лондона...

ПОСТАНОВИЛИ: Ввиду того, что участие Митрополита Евлогия (если бы оно имело место в действительности) в международной кампании против нашего Правительства, возглавляемой Римским Папой (об отношении которого к Православию достаточно ясно сказано например, в Польском Сенате православным сенатором Богдановичем), и демонстративное присутствие Митрополита Евлогия за службой и даже произнесение проповеди в неправославных храмах не соответствовали бы и принятому Митр. Евлогием обязательству лояльности и было бы вообще неудобно для православного архиерея, — запросить Преосвященного Митрополита о том, соответствует ли действительности сообщение о нем «Морнинг Пост» и если да, то в какой мере и степени, с тем, чтобы ответ на запрос прислан был в спешном порядке.

Члены Временного
Патриаршего Священного Синода

37

14/27 апреля 1930 г.

№ 1141

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Сергию,
Митрополиту Нижегородскому,
Заместителю Местоблюстителя
Московского Патриаршего Престола

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивейший Архипастырь.

Во исполнение Указа от 4 апреля № 923, имею честь сообщить, что я действительно присутствовал в Лондоне на общенародном молении о страждущей Русской Церкви, устроенном Англиканскою Церковью.

В объяснение сего я должен сообщить следующее. Я всегда избегал и избегаю участвовать в политических выступлениях против Советской власти, за что нередко подвергаюсь нападкам со стороны сторонников карловацкого направления и известной части заграничной русской прессы. Но когда во второй половине прошлого 1929 года гонения на Церковь и вообще на религию в Советской России достигли высшего напряжения (срытие Иверской часовни, уничтожение Симонова монастыря, массовое закрытие церквей, запрещение празднования воскресного дня, многочисленные аресты и ссылки священнослужителей и лишение их гражданских прав и т. д.), то против этого исключительного по своей жестокости гонения поднялась волна протеста уже не на политической, а на религиозной почве, заговорила человеческая совесть, возмущенная таким насилием над свободой религиозного исповедания. В разных странах стали организовываться молитвенные собрания и протесты против этого религиозного насилия уже не политическими партиями, а представителями Церквей. И прежде всего такое выступление в защиту религиозной свободы в Советской России было организовано в Англии, по инициативе архиепископа Кентерберийского. Я не знаю, насколько искренно и бескорыстно было выступление Римского Папы, ибо печальные события угнетения Православной Церкви в Польше и некоторые другие обстоятельства заставляют сомневаться в этом и предполагать, что действиями католических кругов руководят, быть может, иные интересы и даже желание подчинить себе русский народ, но я решительно утверждаю, что со стороны Англиканской Церкви, всегда чутко относившейся к страданиям Русской Церкви, всегда помогавшей ей еще при покойном Патриархе Тихоне, это движение было не только искренним, но и церковным, чуждым всякой политики. Это был акт духовной помощи бедствующей Русской Церкви — прежде всего молитвою и желанием облегчить Ее тяжкое положение. Что это так, что выступление Англиканской Церкви, в котором Католическая Церковь не приняла к тому же никакого участия, — не диктовалось политическими мотивами, — наглядным доказательством этого служит то, что одновременно с этими молениями о Русской Церкви, охватившими все круги Англиканской Церкви от кафедральных соборов до глухих деревенских церквей, — одновременно с этим в политических правительственных кругах Англии заключался торговый договор с

Советским Правительством, очень благоприятный и выгодный для последнего. Наконец, доказательством того, что эти моления и протесты против насилия над религией носили не политический, а исключительно религиозный характер служит то, что они имели место и в тех странах, которые находятся в дружественных отношениях с Советскою властью, например, в Германии.

Нет, тут политика была не при чем, это прозвучал, действительно, единодушный голос взволнованной и возмущенной человеческой и особенно христианской совести, которая не может мириться с фактами жестокого насилия над нею.

Мог ли я, представитель этой преследуемой Русской Церкви, при таких условиях оставаться равнодушным и безучастным к этому движению, охватившему почти все страны, и, в частности, мог ли я не поехать в Англию, куда меня пригласили английские церковные круги для присутствия на этих молитвенных собраниях, где выражалось такое горячее сочувствие страданиям Русской Церкви? Очевидно, это было бы совершенно недопустимо и недостойно с моей стороны и от меня отвернулась бы и вся моя паства, которая не поняла бы моего отказа участвовать в молитвенных собраниях за нашу Православную Церковь. И везде, при всяких обстоятельствах я говорил открыто, что я присутствую на этих собраниях не ради какой-либо политической демонстрации, а исключительно ценя это братское, христианское сочувствие страждущей Русской Церкви.

К этому, в сущности, и сводилось сказанное мною в одном англиканском храме краткое слово, о котором упоминается в газете «Morning Post». Я в нем только благодарил Англиканскую Церковь за доброе христианское сочувствие и за молитвы о Русской Церкви и просил не оставлять и впредь Ее своими молитвами и своею братскою, нравственною поддержкою.

Испрашивая святительских молитв Ваших,
с глубоким уважением и братскою о Христе
любовию, имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства

*смиранный послушник
Митрополит Евлогий*

КОММЕНТАРИИ

1. Митрополит Агафангел (Преображенский, 1854—1928), Ярославский и Ростовский.

Митрополит Петр (Полянский, 1862—1937), Крутицкий.

Митрополит Сергей (Страгородский, 1867—1944), Нижегородский; с 11 сентября 1943 г. Патриарх Московский и всея Руси.

Архиепископ Серафим (Самойлович, 1881—1937), Угличский, викарий Ярославской епархии. В докладе Епархиальному Собранию архиепископ Серафим ошибочно обозначен митрополитом.

2. Митрополит Платон (Рождественский, 1866—1934), Северо-Американский и Аляскинский.

3. Архиепископ Серафим (Лукьянов, 1879—1959), Финляндский и Выборгский; с августа 1946 года по ноябрь 1949 года Патриарший Экзарх Западной Европы в сане митрополита.

4. Епископ Тихон (Лященко, 1875—1945), Берлинский.

5. Архиепископ Серафим (Лукьянов) с 1923 года не управлял епархией Финляндской и Выборгской, так как не согласился с ее переходом в юрисдикцию Патриарха Константинопольского и должен был покинуть Финляндию. Митрополит Евлогий направил тогда архиепископа Серафима в Лондон на правах своего викария.

6. Архиепископ Елевферий (Богоявленский, 1870—1940), Литовский и Виленский; с ноября 1928 года в сане митрополита.

Архиепископ Герман (Аав, 1878—1961), Карельский и всей Финляндии.

Архиепископ Иоанн (Поммер, 1876—1934), Рижский и Митавский.

7. Протопресвитер российской армии и флота Георгий Шавельский (1871—1951).

8. Архиепископ Иннокентий (Фигуровский, 1864—1931), Пекинский.

9. Прощение протоиерея А. Пиняева в архиве ОВЦС отсутствует.

10. Епископ Нестор (Анисимов, 1884—1962), Камчатский и Петропавловский; скончался в сане митрополита Кировоградского и Николаевского.

11. Епископ Вениамин (Федченков, 1880—1961), Севастопольский, последняя кафедра — митрополит Саратовский и Балашовский.

12. Епископ Сергей (Королев, 1881—1952), Бельский; скончался в сане архиепископа Казанского и Чистопольского.

АРХИВ

13. Епископ Серафим (Соболев, 1881—1950), возглавлял русские приходы в Болгарии с титулом Богучарский; скончался в сане архиепископа.

14. См. комментарий 4.

15. Епископ Арсений (Чаговец), Канадский (1918—1920); скончался не позднее марта ст.ст. 1925 года. Других сведений о епископе Арсении в архиве ОВЦС не имеется.

16. Епископ Антоний (Дашкевич) — сведения об этом иерархе в архиве ОВЦС отсутствуют.

17. Епископ Николай (Логвинов) — сведения об этом иерархе в архиве ОВЦС отсутствуют.

18. Епископ Феофил (Пашковский, 1874—1950), Чикагский. Скончался в сане архиепископа Сан-Францисского и митрополита всей Америки и Канады (Митрополичий округ Русской Православной Церкви).

Митрополит Феофил умер под запрещением в священнослужении.

19. Епископ Амфилохий (Вакульский), Аляскинский. Хиротония была совершена в 1923 году. Других сведений об этом иерархе в архиве ОВЦС не имеется.

20. Епископ Алексей (Пантелеев, 1874—1948), Сан-Францисский. Хиротония была совершена 6 февраля 1927 года. Скончался в сане архиепископа Омского и Тарского.

21. Епископ Павел (Гаврилов), Детройтский. Хиротония была совершена 17/30 декабря 1928 года. Скончался на кафедре епископа Чикагского 10 апреля 1933 года.

БОГОСЛОВИЕ

Иеромонах ИЛАРИОН (Алфеев)

ТВОРЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО ИСААКА СИРИНА В ГРЕЧЕСКОМ И РУССКОМ ПЕРЕВОДАХ: ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ НОВООТКРЫТЫХ ТЕКСТОВ

Публикация на русском языке новооткрытых текстов преподобного Исаака Сирина¹, а также монографии, посвященной этому великому Отцу Церкви VII века², вызвала оживленную дискуссию в периодической печати.

Первым откликнулся Антон Войтенко, который в статье, озаглавленной «Вразумление любовью»³, указал на то, что «открытие новых памятников святоотеческой духовности именно в нынешнем... столетии сделалось приметой времени». Автор упомянул, в частности, о корпусе слов, бесед и поучений Макария Египетского, открытом в 50-е годы: значительная часть этих новооткрытых бесед преподобного Макария ныне переведена на русский язык. Можно было бы привести и другие примеры, в частности, открытие в 40-х годах текста литургической поэмы св. Мелитона Сардийского «О Пасхе», также уже имеющейся в русском переводе⁴.

Преподобного Исаака Сирина А. Войтенко характеризует как «подвижника особой духовной осанки», для которого цен-

¹ *Преподобный Исаак Сирин. О божественных тайнах и о духовной жизни. Новооткрытые тексты. Перевод с сирийского, комментарии и послесловие иеромонаха Илариона (Алфеева). М.: Зачатьевский монастырь, 1998.*

² *Иеромонах Иларион (Алфеев). Мир Исаака Сирина. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1998.*

³ «Независимая газета», 4 июня 1998 г.

⁴ *Святитель Мелитон Сардийский. О Пасхе. Перевод с греческого и послесловие иеромонаха Илариона (Алфеева). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1998. Перевод, впервые опубликованный в «Журнале Московской Патриархии» в 1993 г., для настоящего издания существенно переработан.*

тральной была тема любви Божией. Автор упоминает о влиянии преп. Исаака на русскую культуру, в частности, на Достоевского. Вспоминая сцену последнего свидания Ивана Карамазова со Смердяковым, во время которого Иван увидел на столе Смердякова книгу под названием «Святого отца нашего Исаака Сирина Слова»⁵, А. Войтенко пишет: «Не надо, как кажется, объяснять, что у Достоевского нет лишних деталей. И надо на самом деле знать основные темы богословия преподобного Исаака, чтобы понять, что при разговоре Ивана Карамазова со Смердяковым, где в очередной раз всплывает тема о том, что «коли Бога нет, то все позволено-с», присутствует свидетель, который своим присутствием утверждает обратное».

Касаясь далее нашей монографии о преп. Исааке, автор говорит: «Отец Иларион совершенно сознательно дает высказаться самому преподобному Исааку... отводя своему тексту роль комментария... Это не есть просто «фактописание», своего рода пересказ отдельных мыслей великого сирийца. Скорее, очень бережная реконструкция его богословского и аскетического мирозерцания, попытка найти и понять магистральные направления его мысли — особая культура повествования, к которой отечественный читатель еще не слишком приучен».

Справедливость этой оценки «отечественного читателя» хорошо видна на примере В. Алексеева (псевдоним автора, пожелавшего остаться неузнанным), посвятившего большую статью в газете «Радонеж» разбору новооткрытых текстов преп. Исаака и нашей монографии о нем⁶. Автор статьи попытался убедить читателя в том, что преподобный Исаак жил не в VII, а в VI веке и не принадлежал к «Церкви Востока», в доказательство чего сослался на труды архиепископов Сергия (Спасского) и Филарета (Гумилевского), опубликованные соответственно в 1875 и 1859 годах (ссылка на архиеп. Филарета на проверку является ложной: см. ниже цитаты из его труда). В. Алексеев также выразил сомнение в подлинности новооткрытых текстов так называемого «2-го тома» сочинений преп. Исаака, поскольку в них содержатся мнения, не соответствующие его представлению о том, чему должны были учить Святые Отцы. Впрочем, на

⁵ Имеется в виду русский перевод Слов преп. Исаака, изданный в 1854 году. Именно это издание было в руках Достоевского.

⁶ «Радонеж» № 9, 1998. С. 2—3.

том, что тексты не подлинны, В. Алексеев особенно не настаивал. Его скорее раздосадовал сам факт их публикации: «Хорошо ли было, даже будучи уверенным в аутентичности текстов, приписываемых преп. Исааку, издавать от его имени книгу, содержащую осужденные Церковью ереси?» Под «ересями» в данном случае подразумевается прежде всего учение о всеобщем спасении, выраженное преп. Исааком в Беседах 39-й и 40-й из 2-го тома. Тот факт, что преп. Исаак принадлежал к «Церкви Востока», отвергавшей III Вселенский Собор и известной в Византии как «несторианская», и что в своих произведениях он цитировал «Блаженного Толкователя» (Феодора Мопсуестийского), также вызвал негодование В. Алексеева. Свою статью В. Алексеев закончил размышлениями о том, *кто* в Русской Православной Церкви занимает ответственные должности — Секретаря ОВЦС по межхристианским связям, Председателя ОВЦС и Председателя Синодальной Богословской Комиссии.

Косвенным ответом на публикацию в «Радонеже» стала статья С. Крымского «Новооткрытое богословие» с подзаголовком «Подлинность второго тома творений Исаака Сирина не вызывает сомнений»⁷. Публикацию новооткрытых текстов преп. Исаака на русском языке автор считает «событием не только в отечественной богословской науке, но и в жизни Русской Православной Церкви». За разъяснениями относительно подлинности текстов автор обратился к епископу Сергиевскому Василию (Московский Патриархат) и епископу Диоклийскому Каллисту (Константинопольский Патриархат), из которых первый в свое время окончил Оксфордский Университет по специальности «арамейские и сирийские исследования», а второй в течение тридцати лет преподает на Богословском факультете Оксфордского Университета. Ответ епископа Василия был краток: «Я не видел рукопись своими глазами, но, зная Себастиана Брока как ведущего исследователя в этой области, полностью доверяю его мнению о безусловной подлинности 2-го тома». Ответ епископа Каллиста был более пространным: «Я никогда не слышал, чтобы кто-либо из серьезных ученых или из православных богословов сомневался в подлинности новооткрытых текстов преподобного Исаака. И сам я не вижу оснований для подобного рода сомнений. Существует много доказательств того, что эти творения

⁷ «НГ-Религии», июнь 1998.

подлинны. Прежде всего, многие древние источники (сирийские и арабские) свидетельствуют о том, что Исаак Сирий написал второй том. Ученый начала века Поль Беджан собрал свидетельства на этот счет и опубликовал фрагменты из 2-го тома в своем издании 1-го тома писаний преподобного Исаака, которое увидело свет в 1909 году. Но есть и, на мой взгляд, более сильный аргумент в пользу подлинности новооткрытых текстов: в обоих томах видна рука одного автора; между обоими томами существует стилистическая общность, сходство идей, мыслей, не говоря уже о прямых текстуальных параллелях».

Владыка Каллист ответил С. Крымскому и на вопрос о том, насколько учение преп. Исаака о всеобщем спасении, выраженное во 2-м томе, но отсутствующее в 1-м томе, идентично осужденному в VI веке еретическому оригенизму: «Во 2-м томе есть идеи, выраженные более смело и откровенно, чем в 1-м томе. Но совершенно очевидно, что преподобный Исаак во 2-м томе развивает и углубляет свои собственные мысли из 1-го тома. Так например, в 1-м томе содержится учение о мучении грешников в аду как наказании “бичом любви Божией”. Во 2-м томе преподобный Исаак, развивая те же мысли и следуя той же логике, говорит о возможности прекращения адских мучений. Не следует путать это учение с оригенизмом, осужденным V Вселенским Собором в 553 году. На Соборе была осуждена “циклическая система” Оригена, которая предполагала предсуществование душ, их “охлаждение” и падение, а также их последующее “восстановление” в первоначальное состояние. Что же касается идеи возможной конечности адских мучений, то ее придерживался святитель Григорий Нисский, которого V Вселенский Собор не осудил (хотя о его взглядах все прекрасно знали). Эту идею следует воспринимать не как догматическое утверждение, но как выражение христианской надежды на Бога, Который “хочет всем спастись и в разум истины прийти”. Исаак Сирий не говорит ничего сверх того, что было сказано Григорием Нисским. Исаак Сирий — несомненно, один из самых дерзновенных Отцов Церкви, однако в его творениях нет ничего “еретического”».

Автор статьи заключает: «Читая сегодня творения Исаака Сирина, не перестаешь удивляться тому, насколько все, что он пишет, соответствует нашему современному опыту. В этой связи публикация новооткрытых текстов преподобного Исаака —

настоящий подарок для всех, кто обращается к творениям Святых Отцов не для того, чтобы в них найти что-либо “смущающее православную совесть” (не будем претендовать на то, что мы более православны, чем святитель Григорий Нисский или преподобный Исаак Сирий!), но для того, чтобы припадать к ним как к источнику воды живой».

Еще одним ответом на публикацию В. Алексеева явилась рецензия В. Лурье в бюллетене «Вертоград-информ», издаваемом Русской Зарубежной Церковью⁸. Автор рецензии, известный как своей ученостью, так и своей консервативностью, считает, что перевод новооткрытых текстов преп. Исаака — «плод длительного и весьма тщательного труда». «Я не берусь утверждать, — пишет В. Лурье, — что в нем вообще не может быть ошибок, но скажу с уверенностью, что в нем достигнута такая степень точности, какую только можно себе представить при современном уровне знания языка сирийской аскетической письменности. Стил ь перевода также соответствует достоинству переводимого автора». Перевод новооткрытых текстов преп. Исаака на русский язык автор называет вкладом «не просто в богословскую, но и в святоотеческую библиотеку на русском языке»: «Вполне может быть, что через каких-нибудь 50 или 70 лет мир все еще будет стоять, православные христиане, читающие на русском языке, еще останутся, об о. Иларионе — а о большинстве его критиков и подавно — забудут... а св. Исаака в его переводах все еще будут читать. Труды в память святых не остаются без благодарности от самих святых...»

Подробно разбирая аргументы В. Алексеева, В. Лурье приходит к выводу о полной их несостоятельности. Преп. Исаак Сирий, как доказывает В. Лурье, все-таки жил в VII веке, он все-таки принадлежал к «Церкви Востока», все-таки ссылался на Феодора Мопсуестийского, а разделявшееся им мнение о конечности гееннских мучений «для антиохийской традиции было вполне нормативным». В. Лурье ставит вопрос о том, почему переводчику текстов преп. Исаака и автору монографии о нем «вместо благодарности пришлось выслушать столько обвинений» со стороны «консервативного крыла» Московской Патриархии. Ответ В. Лурье не покажется неожиданным, если принять во

⁸ Лурье В. Новооткрытые тексты преподобного Исаака Сирина. Их перевод и исследование // Вертоград-информ № 7(40), 1998. С. 30—34.

внимание, что он принадлежит к Зарубежной Церкви, которая считается еще более «консервативной», чем «консервативное крыло МП»: «Главная причина мне видится в природе самого патриархального «консерватизма». Это «консерватизм» нервного больного, для которого мучительно любое, нарушающее мир его устоявшихся фантазий, соприкосновение с действительностью. Мучительно видеть, что Святые Отцы оказываются не такими, как написано в учебниках прошлого века... Лучше и не видеть... Лучше уж тогда побороть за «единство Церкви», справляясь не с Отцами и канонами, а с более подходящими для этой цели «духовниками»».

Мы не будем здесь рассматривать другие публикации, посвященные новооткрытым текстам преп. Исаака⁹. Скажем лишь, что развернувшаяся вокруг них дискуссия показала, на наш взгляд, малую осведомленность некоторых вовлеченных в нее авторов, а также их «партийность», которая в значительной степени предопределяет их выводы. Это в первую очередь относится к В. Алексееву, для которого издание новооткрытых текстов преп. Исаака Сирина — всего лишь повод для того, чтобы вновь поставить уже неоднократно обсуждавшийся на страницах «Радонежа» вопрос о лицах, занимающих ответственные должности в Русской Православной Церкви. В. Лурье, напротив, прекрасно знает тему и дает аргументированный и научно обоснованный ответ В. Алексееву. Впрочем, и ему не удастся избежать «партийности»: он использует публикацию незадачливого аналитика новооткрытых текстов преп. Исаака, попавшего впросак со всеми своими аргументами против их подлинности, для критики «консервативного крыла МП».

С другой стороны, полемика вокруг новооткрытых текстов преп. Исаака Сирина показала, что некоторые православные читатели, по-видимому, нуждаются в дополнительных разъяснениях по следующим вопросам:

- 1) Что знали наши предки о преп. Исааке и почему дореволюционные патрологи не упоминали о его принадлежности к так называемой «несторианской» Церкви? Действительно ли он к ней принадлежал и действительно ли жил в VII веке, а не в VI, как считали некоторые русские ученые прошлого столетия?

⁹ См., в частности, наше письмо и ответ на него В. Морозова в № 11 газеты «Радонеж» за 1998 г.

- 2) В какой мере греческий перевод творений преп. Исаака, сделанный на рубеже VIII и IX веков, а следовательно — и славянский и русский переводы — соответствуют сирийскому оригиналу?
- 3) Какова история новооткрытого 2-го тома творений преп. Исаака и каковы аргументы, подтверждающие его подлинность? Какова православная оценка тех богословских мнений, которые содержатся в новооткрытых текстах, в частности, учения преп. Исаака о всеобщем спасении?

В настоящей статье мы попытаемся ответить на эти вопросы, избегая, по возможности, какой бы то ни было «партийности» в оценках приводимых нами фактов. Не принадлежа ни к одной из многочисленных ныне церковных и околоцерковных «партий», мы изучаем наследие Святых Отцов единственно ради духовной пользы, которую можно получить при знакомстве с их творениями. Нам глубоко чужд такой подход к Святым Отцам (к сожалению, весьма распространенный ныне в церковной среде), при котором их писания читают не для духовного назидания, а лишь для того, чтобы при случае использовать для подтверждения своих собственных мыслей и точек зрения. Задачей ученого является выяснение *правды* о жизни и учении того или иного Отца Церкви на основании творений самого этого Отца, а также на основании сведений о его жизни, содержащихся в исторических хрониках. Ученый может позволить себе дать интерпретацию отдельных аспектов учения Святых Отцов, дабы помочь читателю разобраться в их образе мысли. Чего, нам кажется, ни в коем случае нельзя делать — это пытаться «подогнать» Святого Отца под свои представления о том, что он должен и чего не должен был писать. Мы глубоко убеждены в том, что к наследию Отцов надо подходить с открытыми глазами и открытым сердцем, не боясь встретить там неожиданные мысли, высказывания и частные мнения, выходящие за рамки того, что принято называть *consensus patrum* («согласием Отцов»).

Русская патрологическая наука о преподобном Исааке Сирине

До XIX века о жизни преп. Исаака на Руси не знали почти ничего. С XIV века читали его сочинения в славянском перево-

де, в XIX веке появились русские переводы, однако представления о жизни преп. Исаака у большинства русских читателей были самые смутные. Исаака Сирина Ниневийского нередко путали с другим Исааком Сириным — Антиохийским, жившим в VI веке.

Исследователи, которые писали о преп. Исааке в XIX веке, по-разному датировали время жизни сирийского святого. Архиепископ Филарет (Гумилевский) справедливо полагал, что преп. Исаак жил в VII столетии. Приведем цитату из его «Исторического учения об Отцах Церкви»: «Исаак Сирин родился в Ниневии. Оставив мир еще в цветущей юности, он удалился вместе с братом в монастырь мар Матфея, где принял иноческую одежду. Потом, довольно укрепясь духом, он избрал жизнь уединенную в пустыне... Слух о высоких подвигах и просвещении Исаака возбудил общее желание в Ниневитянах просить пр. Исаака на степень епископа Ниневийского. Исаак на сей раз не смел отвергнуть звания людей... [Впоследствии св. Исаак] удалился в Скитскую пустыню в Египет. Но из пустыни, как с кафедры, он светил миру жизнью и учением. Даже и такие подвижники, каков Симеон Столпник Дивной горы, получали от него советы и наставления. Св. Исаак скончался в конце VII века»¹⁰.

Однако некоторые другие исследователи считали, что преп. Исаак жил в VI веке. Вот что, в частности, говорит автор «Краткого сведения о жизни святого Исаака Сирина и о Словах его», являющегося предисловием к первому изданию Слов преп. Исаака на русском языке: «Но еще точнее дознаем сие [т. е. время жизни преп. Исаака] из послания Исаакова к Дивногорцу Симеону; потому что Симеонова жизнь продолжалась семьдесят пять лет... до 596 г. от Р.Х. И поелику Симеон был весьма юн возрастом, когда возлюбил пребывание на столпе, а Исаак, который в послании подает ему советы и предписывает первые правила безмолвнической жизни, писал до восхождения Симеонова на столп, то нетрудно из сего уразуметь, что около 534

¹⁰ Архиепископ Филарет (Гумилевский). Историческое учение об Отцах Церкви. М., 1859 [репринт М., 1996]. Том 3. С. 174—175. Как указывает архиепископ Филарет, эти сведения он заимствовал из кн.: J. B. Assemani. Bibliotheca Orientalis. T. I. Roma, 1719. P. 445. В приводимых Ассемани сведениях много неточностей: в частности, преп. Исаак родился не в Ниневии, а в Катаре; удалился он не в египетскую Скитскую пустыню, а в горы провинции Бейт-Хузайе.

года... процветал авва Исаак, будучи уже совершен не только добродетелию, но и возрастом. А потому, если старость его не продлилась сверх меры, то без сомнения преселился он в небесные селения прежде 600 года от Р.Х.»¹¹

VI веком датировал время жизни преп. Исаака и архиепископ Сергей (Спасский), автор «Полного месяцеслова Востока»¹², а также некоторые другие ученые вплоть до конца XIX века¹³. Единственным аргументом в пользу датировки времени жизни преп. Исаака VI веком оставалось так называемое «Послание к св. Симеону Дивногорцу». В действительности «Послание» принадлежит Филоксену Маббугскому (ум. 523 г.) и адресовано не Симеону Дивногорцу, а некоему Патрикию Эдесскому: этот вопрос будет подробнее освещен нами ниже.

В конце XIX столетия в Париже вышла небольшая книжечка аббата Шабо¹⁴, написанная на латыни и содержащая ранее неизвестный текст из хроники Ишодены, епископа Басры (IX в.), где в главе 124-й («О святом мар-Ицхаке, епископе Ниневийском, который отрекся от епископства и составил книги об отшельнической жизни») говорится следующее: «Он был поставлен в епископы Ниневии католиком Гиваргисом в монастыре Бейт-Абе. Но после пребывания на посту пастыря Ниневии в течение пяти месяцев... он отказался от епископства по причинам, известным Богу, и удалился жить в горы... Он возшел на гору Матут, которая окружает местность Бейт-Хузайе, и жил в тишине вместе с отшельниками, находившимися там. Потом он ушел в монастырь Раббана Шабура»¹⁵.

Эти данные были учтены священником И. Н. Четверухиным, автором предисловия к изданию перевода «Слов подвижнических» преп. Исаака, выполненного профессором Московской

¹¹ Краткое сведение о жизни святого Исаака Сириянина и о Словах его // *Аввы Исаака Сириянина Слова подвижническия*. М., 1854. С. VIII—IX.

¹² См. *Архиепископ Сергей (Спасский)*. Полный месяцеслов Востока. Т. II. Часть 1. Изд. 2-е. Владимир, 1901 [репринт: М., 1997]. С. 27 (Январь 28). Первое издание книги вышло в 1875 году.

¹³ Ср. *А. И. Бриллиантов*. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эриугены. СПб., 1898 [репринт М., 1998]. С. 175.

¹⁴ *J.-B. Chabot*. De sancti Isaaci Ninevitae vita, scriptis et doctrina. Paris, 1892.

¹⁵ Текст хроники издан Ж.-Б. Шабо отдельно: см. *Isho'denah. Le Livre de la Chasteté*. Ed. J.-B. Chabot. — *Mélanges d'archéologie et d'histoire ecclésiastiques*, 16. Paris, 1896. P. 63—64.

Духовной Академии С. Соболевским. В своем предисловии о. Четверухин сослался на хронику Ишодены: «Иезудена¹⁶ говорит, что св. Исаак был поставлен в епископы Ниневии патриархом Георгом в преемники Моисею, а патриарх Георг и епископ Ниневии Моисей жили во 2-й половине VII века (патриарх Георг занимал свой престол в 660—680 годах). Значит, и св. Исаак жил во 2-й половине VII века, а умер, вероятнее всего, в первой половине VIII»¹⁷.

Таким образом, если в конце XIX века некоторые русские ученые все еще думали, что Исаак Сирин жил в VI веке, то в начале XX столетия стало ясно, что время его жизни приходится на 2-ю половину VII и начало VIII веков и что принадлежал он к «Церкви Востока», которую в его времена возглавлял католикос Гиваргис (Георг, Георгий). Почему о. Четверухин не упоминает о том, что Церковь, возглавлявшаяся католикосом Гиваргисом, считалась «несторианской», поскольку отвергала III Вселенский Собор? Мы не можем допустить, что ученый не знал об этом: скорее всего, он предпочел об этом умолчать, дабы у русского читателя преп. Исаака не возникало лишних вопросов.

Из русских патрологов первым, кто открыто поставил вопрос о «несторианстве» преп. Исаака, был протоиерей Георгий Флоровский. В своей книге «Византийские Отцы V—VIII веков» он писал: «В жизни преп. Исаака много неясного... В епископы он был поставлен в монастыре Бет-Абэ патриархом Георгием (660—680)... Мы все время в несторианской среде... И вместе с тем преп. Исаак стоит здесь как-то обособленно. Неясно, почему ушел он из Ниневии; можно догадываться, что из-за несогласия с местным клиром. В монастыре он жил уединенно... И все-таки его учение соблазняло. Он далеко отходил в нем от антиохийской традиции, впрочем, на Толкователя (т. е. Феодора Мопсуестийского) он не раз ссылается»¹⁸.

¹⁶ В латинской книге Шабо это имя транскрибировано как *Jesudena*. Отсюда транскрипция «Иезудена», использовавшаяся русскими дореволюционными авторами. Более точная транскрипция с сирийского — Ишодена, или Ишоденах.

¹⁷ Сведения о преподобном Исааке Сирине и его писаниях. В кн. *Иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина Слова подвижнические*. Сергиев Посад, 1911. С. VI.

¹⁸ Прот. Г. Флоровский. *Византийские Отцы V—VIII веков*. Париж, 1933. С. 185—186.

Поскольку факт принадлежности преп. Исаака Сирина к Церкви Востока уже ко временам Флоровского был установлен наукой, в течение XX века он не оспаривался никем из русских или западных ученых. Православных ученых, однако, он ставил перед проблемой: как великий святой, память которого почитается в Православной Церкви, мог быть несторианином? Решить эту проблему пытались по-разному. Флоровский предпочел не входить в ее обсуждение, ограничившись ремаркой о том, что преп. Исаак в несторианской среде «стоит как-то обособленно».

Вопроса о несторианстве преп. Исаака недавно коснулся А. И. Сидоров: «[Исаак Сирин], принадлежа **формально** к несторианской церкви (и являясь даже, хотя и очень краткое время, несторианским епископом), явил в своих творениях глубину православного Богомыслия... Перевод сочинений преп. Исаака на греческий язык... признание их в Византии и на Руси творениями святого мужа и, наконец, канонизация его Православной Церковью являют, на наш взгляд, то, что Святой Дух проникает и зрит все и что для него нет формальных пределов и границ косного вещества»¹⁹. Решение проблемы, таким образом, видится в том, что преп. Исаак лишь «формально» принадлежал к несторианской Церкви. Следуя той же логике, А. Сидоров выдвигает гипотезу о том, что преп. Исаак Сирин мог принадлежать к про-халкидонскому течению внутри несторианской Церкви.

В своей книге о преп. Исааке мы, естественно, тоже коснулись вопроса о принадлежности его к Церкви Востока. Мы, однако, не сочли возможным назвать Церковь Востока времен Исаака Сирина «несторианской» — прежде всего потому, что эта Церковь не имела никакой исторической связи с Несторием: она не только не была им основана, но до VI века даже имя его было в ней неизвестно; ни в одном из документов Соборов Церкви Востока V—VI веков имя Нестория не упоминается²⁰. Эта Церковь не приняла III и последующий Вселенские Соборы,

¹⁹ А. Сидоров. Блаженный Феодорит Кирский — архипастырь, монах, богослов. — В книге: *Блаженный Феодорит Кирский. История боголюбцев*. М., 1996. С. 121. В своем курсе патрологии тот же автор называет преп. Исаака «несторианским подвижником и епископом, удостоившимся быть причисленным к лику святых Православной Церкви»: А. И. Сидоров. Курс патрологии. М., 1996. С. 48.

²⁰ См. С. Брок. Христология Церкви Востока // Вестник древней истории. М., 1995. С. 52.

но произошло это в значительной степени по причинам исторического и политического характера, о которых будет сказано ниже.

Нельзя забывать и о том, что христологическая доктрина Церкви Востока в V—VII веках еще находилась в процессе формирования. Если мы посмотрим на официальные документы этой Церкви, то вплоть до времени католикоса Тимофея I (IX век) мы не найдем в них ярко выраженной несторианской христологии. Вот, к примеру, исповедание веры Церкви Востока, сформулированное католикосом Акакием в 486 г.: «Что касается воплощения Христова, наша вера должна состоять в исповедании двух природ: Божества и человечества. Но Божество, пребывающее с его свойствами, и человечество — с его, мы объединяем в одном прославлении. И единое поклонение подобает различию природ, по причине совершенной их связи и нераздельности Божества и человечества. А кто думает или учит других, что страдание или изменение при рождается Божеству нашего Господа, или не соблюдает относительно единства лица нашего Спасителя исповедания Бога совершенного и человека совершенного, да будет анафема»²¹. Мы находим здесь характерное для антиохийской традиции разделение между Божеством и человечеством Христа, а также несколько двусмысленную идею соединения двух естеств «в поклонении», но не находим ничего большего. Во всяком случае, здесь нет учения о «двух сынах», которое было поставлено в вину Несторию на III Вселенском Соборе.

В нашем исследовании о преп. Исааке мы приводим и другие, более поздние, документы Церкви Востока, посвященные христологической теме, а также некоторые исторические сведения об этой Церкви²². Тех, кто хочет подробнее узнать о христологии Церкви Востока, адресуем к весьма информативной статье С. Брока, опубликованной на русском языке²³. Православная оценка христологии Церкви Востока дана также в исследовании американского православного ученого Д. Миллера, опубликованном в качестве послесловия

²¹ Цит. по: А. В. Карташев. Вселенские Соборы. М., 1994. С. 390.

²² Иеромонах Иларион (Алфеев). Мир Исаака Сирина. С. 18—23.

²³ С. Брок. Христология Церкви Востока // Вестник древней истории. М., 1995. С. 39—53.

к его переводу «Слов подвижнических» преп. Исаака на английский язык ²⁴.

Церковь Востока дожила до наших дней; ее официальное название сейчас — «Ассирийская Церковь Востока» ²⁵. Современные иерархи и богословы этой Церкви однозначно отрицают свою принадлежность к несторианской ереси, считая, что кличка «несториан» была к ним приложена их врагами и недоброжелателями ²⁶. Нам представляется, что вопрос о несторианстве современной Ассирийской Церкви Востока может быть выяснен в ходе богословского диалога между Православной Церковью и Ассирийской Церковью Востока ²⁷. Что же касается Церкви Востока VII века, то, по нашему убеждению, она во всяком случае не была в полном смысле слова несторианской. А потому и вопрос о «несторианстве» преп. Исаака Сирина не должен, как нам кажется, смущать православных читателей.

Греческий перевод творений преп. Исаака

Творения преп. Исаака были переведены на греческий язык Авраамием и Патрикием, монахами Лавры св. Саввы Освященного, на рубеже VIII и IX веков ²⁸. Именно благодаря этому переводу христианский мир узнал о преп. Исааке, потому что

²⁴ См. [D. Miller]. Epilogue. — The Ascetical Homilies of Saint Isaac the Syrian. Boston, Massachusetts, 1984. P. 481—515.

²⁵ Отметим, что преподобный Ицхак Суриани (Исаак Сирианин) до сих пор почитается в этой Церкви как великий учитель духовной жизни. Особой службы ему, правда, нет, но только потому, что весь корпус литургических текстов Церкви Востока был завершен к VII веку и более изменениям не подвергался. Совершая службу преп. Исааку, современные ассирийцы используют «общую службу преподобным», в которую в нужных местах вставляется его имя. Это разъяснение мы получили от настоятеля московского прихода Ассирийской Церкви Востока о. Хафиса.

²⁶ См. несколько докладов под общим названием «Является ли богословие Церкви Востока несторианским?» в сборнике: Istina, XL. La tradition syriaque. Paris, 1995.

²⁷ Такой диалог пока не начался, но первые шаги навстречу уже сделаны. Мы имеем в виду три «сирийских симпозиума», организованных в 90-х годах австрийским фондом Pro Oriente: на этих симпозиумах представители всех основных христианских Церквей сирийской традиции встретились впервые за много веков.

²⁸ См. предисловие иеромонаха Никифора Феотокиса к книге: Τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰσαάκ τοῦ Σύρου τὰ εὐρεθέντα ἀσκητικά. Θεσσαλονίκη, 1977. Σελ. 15.

именно с него были впоследствии сделаны переводы сочинений преп. Исаака на грузинский, славянский и латинский языки; а с латинского — на португальский, испанский, каталанский, французский и итальянский.

Насколько точен греческий перевод по сравнению с сирийским оригиналом? И в чем основные отличия между этим переводом и сирийским текстом писаний преп. Исаака?

Прежде чем ответить на этот вопрос, приведем отзыв св. Филарета Московского о греческом переводе творений преп. Исаака: «Вероятно, переводчик был не из ученых, т. е. не знал грамматических правил, и потому мешал слова и вместо должного выражения ставил неправильные и темные слова, да и от переписчиков, может быть, вкрались ошибки и невероятности»²⁹. Приведем также отзыв о. Георгия Флоровского: «Этот перевод часто неточен... В сирийском тексте меньше порядка, больше непосредственности»³⁰. Добавим от себя: в сирийском оригинале больше ясности, хотя и в нем встречаются места, которые можно понимать, а следовательно и переводить по-разному. Сравнивая греческий перевод таких мест с оригиналом, невозможно не заметить, что во многих случаях переводчик, не до конца поняв мысль св. Исаака, передал слова, но не передал смысл.

Разница между сирийским оригиналом творений преп. Исаака и их греческим переводом касается также состава и порядка Слов. Прежде всего, как справедливо отмечает архиепископ Филарет (Гумилевский), «в греческом переводе известна менее чем половина творений св. Исаака»³¹. На греческий язык не был переведен так называемый «2-й том» творений преп. Исаака (о чем мы будем подробнее говорить в следующем разделе). Впрочем, и из оригинальных 82-х Слов 1-го тома в греческий перевод не вошли четырнадцать Слов, а именно Слова 19, 20, 21, 23, 24, 26, 29, 31, 49, 54, 56, 71, 75, 76 по изданию Беджана³². Большинство из этих Слов

²⁹ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII—XIX веков. Сентябрь. М., 1909. С. 497.

³⁰ Прот. Г. Флоровский. Византийские Отцы V—VIII веков. Париж, 1933. С. 186.

³¹ Историческое учение об Отцах Церкви. Т. 3. С. 175.

³² *Mar Isaacus Ninevita. De perfectione religiosa, quam edidit Paulus Bedjan. Leipzig, 1909.* Греческий перевод содержит 86 Слов и 4 Послания, но это количество достигнуто за счет дробления нескольких сирийских Слов преп.

на русский язык никогда не переводилось, за исключением Слова 76-го, переведенного С. С. Аверинцевым³³, Слова 54-го, переведенного нами³⁴, и Слов 19, 20 и 21, также переведенных нами и публикуемых в качестве приложения к настоящей статье. Мы надеемся, если Богу будет угодно, перевести и прочие Слова, отсутствующие в русском собрании «Слов подвижнических».

С другой стороны, в греческий перевод вошли несколько Слов, не принадлежащих перу св. Исаака, а именно Слова 43, 2, 7 и 29, соответствующие Словам 8, 68, 9 и 20 русского перевода «Слов подвижнических». В сирийском корпусе творений преп. Исаака Сирина этих Слов нет. Зато они имеются в корпусе творений другого сирийского мистического писателя, жившего в VIII веке — Иоанна Дальятского, причем рукописная традиция единогласно атрибутирует их именно этому автору³⁵. Слово 9-е русского перевода «Слов подвижнических» преп. Исаака³⁶ представляет собой не что иное, как Письмо 18-е Иоанна Дальятского³⁷. Остальные три Слова принадлежат к собранию Бесед Иоанна Дальятского, текст которых пока не опубликован³⁸: Слово 8-е русского перевода («О хранении и блюдении себя от людей расслабленных и нерадивых...»³⁹) является Беседой 1-й; Слово 68-е («Об отречении от мира и о воздержании от вольного обращения с людьми»⁴⁰) — Беседой 18-й; Слово 20-е («Ежедневное напоминание о том, что всего нужнее...»⁴¹) — Беседой 20-й из собрания Бесед Иоанна Дальятского.

Исаака на более мелкие Слова (каждое со своим порядковым номером), а также добавления пяти неподлинных произведений к подлинным Словам преп. Исаака (об этом см. ниже).

³³ Напечатано в антологии: От берегов Босфора до берегов Евфрата. М., 1994.

³⁴ Оно соответствует Беседе 16-й из сборника: *Преподобный Исаак Сирин. О божественных тайнах и о духовной жизни*. М., 1998. С. 125—126.

³⁵ Подробнее об этих четырех Беседах, приписанных преп. Исааку, см. в: *La Collection des lettres de Jean de Dalyatha. Edition critique par R. Beulay. Patrologia Orientalis XXXIX, fasc. 3. Turnhout, 1978. P. 269—270 [17—18].*

³⁶ См. *Аввы Исаака Сириянина Слова подвижнические*. С. 45.

³⁷ Текст опубликован в: *La Collection des lettres de Jean de Dalyatha. PO XXXIX-3. P. 359—367 [107—115].*

³⁸ Текст содержится, в частности, в рукописи Harvard 30 (XV век).

³⁹ *Аввы Исаака Сириянина Слова подвижнические*. С. 37.

⁴⁰ Там же. С. 351.

⁴¹ Там же. С. 79.

О том, что не все Слова, вошедшие в греческий перевод «Слов подвижнических» преп. Исаака Сирина, в действительности принадлежат ему, было известно давно. Первый издатель греческого текста ученый иеромонах Никифор Феотокис (впоследствии ставший архиепископом Астраханским) в предисловии к своему изданию, увидевшему свет в 1770 году, писал: «О Словах [преп. Исаака] нужно знать, что два из них, а именно второе и восьмое, не являются творениями нашего Исаака, как показывает Ассемани⁴², но первое из них является двадцатым, а второе — восьмым Словом Иоанна Саввы, который был монахом в Ниневии, процветал в середине шестого века... в обители, называемой Дилаитской⁴³, на другом берегу Тигра»⁴⁴. Хотя эта информация весьма неточна⁴⁵, она свидетельствует о том, что уже в XVIII столетии издатели греческого текста знали о наличии в нем произведений, принадлежавших не Исааку Сирину, а Иоанну Дальятскому.

Кроме того, в греческий перевод творений преп. Исаака вошло «Послание к преп. Симеону Дивногорцу», жившему в VI веке. Как мы уже говорили, именно на основании этого послания наши дореволюционные авторы, такие как архиепископ Сергей (Спаский), утверждали, что преп. Исаак жил не в VII, а в VI веке. Однако это Послание (Слово 55 в русском переводе) ни в одной сирийской рукописи не надписано именем преп. Исаака. Во всех сирийских рукописях, а также в арабской и эфиопской версиях Послание надписано именем Филоксена Маббугского. Послание сохранилось в двух версиях — полной и краткой; большинство имеющихся рукописей содержат полную версию, в которой произведение названо «Посланием к Патрикию Эдесскому». Авторство Филоксена подтверждает *вся* рукописная традиция и *все* современные ученые, работающие в области сирийских исследований⁴⁶. А. де Аллэ, известнейший

⁴² Ссылка на: J.-B. Assemani. *Patrologia Orientalis*. T. 1. P. 456—457.

⁴³ Искажение от «Дальятской».

⁴⁴ Мы цитируем по репринтному переизданию 1977 г.: Τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰσαὰκ τοῦ Σύρου τὰ εὐρεθέντα ἁσκητικά. Θεσσαλονίκη, 1977. Σελ. 15—16.

⁴⁵ Иоанн Дальятский жил в VIII, а не VI веке; в греческом тексте преп. Исаака имеется четыре, а не два Слова, принадлежащие Иоанну.

⁴⁶ В. Лурье в своей рецензии на нашу книгу о преп. Исааке Сирине, касаясь этого Послания, пишет: «В маленький упрек о. Илариону можно поставить упоминание о существующей в науке гипотезе, атрибутирующей это Посла-

сиролог, изучивший все доступные науке сирийские рукописи Послания, говорит: «Подтверждаемая всей сирийской рукописной традицией, атрибуция “Послания к Патрикию” Филоксену нам представляется неопровержимой»⁴⁷.

В том, что «Послание» Филоксена Маббугского не принадлежит преп. Исааку, можно убедиться, сравнив его содержание с содержанием подлинных произведений преп. Исаака⁴⁸. Автор Послания пишет: «Кто достиг душевного здоровья, у кого ум срастворен с Духом и кто умертвил себя для жития человеческого, тому общение со многими не бывает вредным, если трезвится он в делах своих. И он не для того живет со многими, чтобы самому получать пользу, но чтобы приносить пользу другим... Но и немощному... полезно также сожителство со многими»⁴⁹. А вот что пишет преп. Исаак: «Да не обольщают нас утверждающие, будто бы никакого вреда для нас нет от того, что слышим и видим нечто, ибо мы будто бы... при встрече с лицами и вещами не чувствуем тревоги страстей. Утверждающие это, если и раны приемлют, не знают этого, но мы не достигли еще сего душевного здоровья»⁵⁰. И еще: «О, какое зло для живущих в безмолвии — и лицемерие людей и беседа с ними... Как сильный лед, внезапно покрыв древесные почки, иссушает их и уничтожает, так свидания с людьми... иссушают цветы добродетелей, только что расцветшие от срастворения безмолвия»⁵¹. И еще: «Хочешь ли, по евангельской заповеди, приобрести в душе твоей любовь к ближнему? Удались от него, и тогда

ние третьему (после свв. Исаака Сирина и Иоанна Дальяты) великому восточно-сирийскому подвижнику — Иосифу Хаззайе»: см. Вертоград-информ № 7 (40). С. 33. Упрек В. Лурье напрасен. Иосифу Хаззайе атрибутируется не это Послание, а «Письмо о трех степенях жизни монашеской», изданное в серии *Patrologia Orientalis*: см. *Joseph Hazzaya. Lettre sur les trois étapes de la vie monastique* / Ed. P. Harb, F. Graffin. PO 45. Fasc. 2. No. 202. Tournhout, 1992. В. Лурье в данном случае перепутал это Письмо с «Посланием к Патрикию» Филоксена Маббугского, изданным в той же серии.

⁴⁷ A. de Halleux. *Philoxène de Mabboug: sa vie, ses écrits, sa théologie*. Louvain, 1963. P. 257.

⁴⁸ [D. Miller]. Introduction. — *The Ascetical Homilies of Saint Isaac the Syrian*. Boston, Massachusetts, 1984. P. XCI.

⁴⁹ Цит. по: *Аввы Исаака Сириянина Слова подвижнические*. С. 246.

⁵⁰ Там же. С. 117.

⁵¹ Там же. С. 355.

возгорится в тебе пламя любви к нему»⁵². Очевидно, что, если в подлинных произведениях преп. Исаака подчеркивается важность безмолвия и удаления от людей, то в Послании Филоксена, напротив, подчеркивается польза общежития.

Отметим также, что в Послании приводится несколько историй из жизни города Эдессы: автор упоминает о некоем Малпá, ведшем свой род из Эдессы и «изобретшем ересь евхитов»⁵³, а также о некоем Асинá, «сочинившем многие тресловия, которые поются и доныне», и бросившемся с «горы, называемой Сторгий»⁵⁴. Для Исаака Сирина, который родился в Катаре, был епископом в Ниневии, а затем отшельником в Хузистане, такая осведомленность о делах Эдессы и о ландшафте ее окрестностей была бы в высшей степени неожиданной. Для Филоксена же, который учился в Эдессе и прекрасно знал монастыри в окрестностях города, вполне естественно было знать не только о местных лжеучителях, но даже и о том, что «доныне» поют в Эдессе.

По какой же причине в греческий перевод творений преп. Исаака вошли сочинения, в действительности ему не принадлежавшие? Возможно, это произошло по ошибке. Хотя ни в одной сирийской рукописи, как было сказано, означенные произведения не надписаны именем преп. Исаака, в некоторых рукописях они помещены непосредственно после «Слов подвижнических» преп. Исаака Сирина. Так например, рукопись Vatican syg. Ms 125 (X век) начинается со Слов преп. Исаака Сирина (листы 1—142), после которых следует Послание Филоксена (листы 145—158) и Беседы Иоанна Дальятского (листы 158—211): все эти произведения в рукописи правильно атрибутированы соответственно преп. Исааку, Филоксену и Иоанну. Вполне возможно, что греческие переводчики пользовались подобного рода манускриптом. Более того, весьма вероятно, что при переводе они только добавили несколько не принадлежавших преп. Исааку произведений к сборнику его Слов, снабдив их информацией об авторстве, а позднейшие копиисты эту информацию опустили⁵⁵.

⁵² Цит. по: *Аввы Исаака Сириянина Слова подвижнические*. С. 115.

⁵³ Там же. С. 272.

⁵⁴ Там же. С. 274.

⁵⁵ *D. Miller. Introduction. — The Ascetical Homilies of Saint Isaac the Syrian*. Boston, Massachusetts, 1984. P. XCI.

Впрочем, греческие переводчики могли и совершенно сознательно поставить имя преп. Исаака над этими произведениями. В такой переатрибуции не было никакого «подлога» и никакой «фальсификации», как то кажется некоторым не вполне компетентным авторам⁵⁶. Всякий, кому приходилось работать с греческими патристическими источниками, знает, что подобного рода замена в византийской традиции не только не являлась чем-то криминальным: она, напротив, воспринималась как богоугодное дело, направленное на то, чтобы искоренить из памяти Церкви имена лиц, осужденных в ереси, но при этом сохранить то, что в их литературном наследии является православным. Именно с этой целью, например, «Слово о молитве» Евагрия⁵⁷ было приписано преп. Нилу Синайскому, под именем которого оно издавалось и в Византии и на Руси⁵⁸.

Еще одна особенность греческого перевода заключается в том, что в нем все цитаты из Феодора Мопсуестийского, Диодора Тарсийского и Евагрия, имеющиеся в сирийском оригинале творений преп. Исаака Сирина, либо вовсе исключены, либо приписаны другим авторам, в частности, св. Григорию Богослову или св. Кириллу Александрийскому. Так например, Слово 19-е из сирийского текста 1-го тома (публикуемое в приложении к настоящей статье) содержит несколько ссылок на Феодора Мопсуестийского: в греческом переводе это Слово опущено. В греческом переводе сирийского Слова 22-го⁵⁹ две цитаты из «Мыслей» Евагрия («Молитва есть чистота ума, которая одна, при изумлении человека, уделяется от света Святой Троицы» и «Чистота ума есть воспарение мысленного. Она уподобляется небесному цветку, в ней во время молитвы просиявает свет Святой Троицы»⁶⁰) надписаны именем «Божественного Григория»⁶¹. А цитата из «Толкования на книгу Бытия блаженного

⁵⁶ Именно такие выражения употребляет В. Алексеев в «Радонеже» № 9, 1998.

⁵⁷ Русский перевод см. в книге: Творения аввы Евагрия. Перевод, вступительная статья и комментарии А. И. Сидорова. М.: Мартис, 1994. С. 76—93.

⁵⁸ Под именем св. Нила это Слово напечатано в греческом и русском «Добротолубии». См. Добротолубие в русском переводе, дополненное. Т. 2. М., 1895. С. 147—163.

⁵⁹ По греческой версии это Слово 32-е, по русскому переводу 16-е.

⁶⁰ См. Творения аввы Евагрия. М., 1994. С. 123—124.

⁶¹ См. Аввы Исаака Сириянина Слова подвижнические. С. 67.

Кирилла», содержащаяся в греческом Слове 48-м (русском Слове 90-м) ⁶² в действительности является цитатой из одноименного толкования Феодора Мопсуестийского ⁶³. Такая переатрибуция, опять же, была бы вполне допустимой и законной по представлениям византийских переводчиков и копиистов ⁶⁴.

Впрочем, цитаты из Феодора, Диодора и Евагрия были приписаны другим авторам уже в западно-сирийской версии творений преп. Исаака, которой пользовались при переводе Авраамий и Патрикий. Эта версия представляет собой своего рода «монофизитскую» переработку творений преп. Исаака Сирина; несколько Слов из оригинальной восточно-сирийской версии в ней опущены. Разница между греческим переводом творений преп. Исаака и восточно-сирийским оригиналом в значительной степени обусловлена тем, что Авраамий и Патрикий переводили с западно-сирийской версии.

2-й том писаний преподобного Исаака Сирина

Авраамий и Патрикий, как уже было сказано, перевели лишь 1-й том творений преп. Исаака, да и тот не полностью. Что же касается 2-го тома, который по объему не уступает 1-му, то его текст долго пролежал под спудом и лишь в 1983 г. был обнаружен оксфордским ученым Себастианом Броком. Историю этой сенсационной находки мы уже излагали в другом

⁶² См. *Аввы Исаака Сириянина Слова подвижнические*. С. 431: «Что имел Бог от начала, то всегда имеет и будет иметь до бесконечности, как сказал блаженный Кирилл в Толковании на Книгу Бытия» (следующее за тем изречение «Бойся Бога по любви, а не по имени жестокого, Ему приданного» уже не относится к цитате, а является авторским текстом преп. Исаака).

⁶³ См. *Mar Isaacus Ninevita. De perfectione religiosa*. P. 358: «Что имел Бог от начала, то всегда имеет и будет иметь до бесконечности, как сказал блаженный Толкователь в Толковании на Книгу Бытия». Цитированный преп. Исааком фрагмент толкований Феодора Мопсуестийского опубликован в кн.: *Theodori Mopsuesteni Fragments Syriaca*. Leipzig, 1869. P. 2. В известных нам толкованиях св. Кирилла на Книгу Бытия такой фразы нет.

⁶⁴ Русские переводчики пошли еще дальше, чем греческие, и в одном месте приписали изречение Евагрия Иисусу Христу. См. *Аввы Исаака Сириянина Слова подвижнические*. С. 334: «И вот слово, изреченное Тем, Кто каждой вещи определил собственный ее образ: Молитва есть радость, воссылающая благодарение». Изречение заимствовано из «Слова о молитве» Евагрия (см. Творения аввы Евагрия. С. 79: «Молитва есть плод радости и благодарения»).

месте⁶⁵. Дабы не повторяться, приведем здесь эту историю в изложении В. Лурье: «В 1909 г. были опубликованы сирийские оригиналы тех произведений преп. Исаака Сирина, которые были хорошо известны во всем христианском мире благодаря их греческим переводам... Сирийское собрание включало и несколько произведений, не переведенных на греческий... Самое же главное — одна из рукописей, использованных при подготовке к изданию сирийского собрания, представляла собой лишь первый том из двухтомника. Вторым том целиком состоял из произведений неизвестных. Поль Беджан, издавший в 1909 г. по-сирийски первый том, опубликовал в приложении несколько фрагментов второго и пообещал подготовить его полное издание... Замыслу помешала Первая мировая война. Наряду со многими погибшими в этой войне сирийскими рукописями была утрачена и единственная известная рукопись второго тома св. Исаака Сирина. Положение казалось безнадежным, но неожиданно в 1983 г. выдающийся сиролог Себастиан Брок — просматривавший едва ли не все сирийские рукописи во всех книгохранилищах мира, не исключая и самых труднодоступных в Ираке или Индии, — обнаружил неизвестную ранее рукопись второго тома сирийского собрания, причем не где-нибудь на краю экумены, а у себя дома, в Оксфорде, в знаменитой и, казалось бы, вдоль и поперек изученной Бодлеанской библиотеке! После этого ему удалось идентифицировать фрагменты второго тома во многих других рукописях творений преп. Исаака Сирина, что дополнительно подтвердило их аутентичность. Ошибки быть не могло: сирийская рукописная традиция однозначно свидетельствовала в пользу авторства преподобного Исаака Сирина»⁶⁶.

Итак, «ошибки быть не могло». И все же, каковы доказательства в пользу подлинности новооткрытых текстов?

Прежде всего, нельзя не упомянуть, что сирийские рукописи, содержащие известный нам корпус «Слов подвижнических», заканчиваются следующей ремаркой: «Окончилась, при помощи

⁶⁵ О новооткрытых текстах преп. Исаака Сирина. — В книге: *Преподобный Исаак Сирин. О божественных тайнах и о духовной жизни*. М., 1998. С. 9—11.

⁶⁶ Вертоград-информ № 7 (40). С. 30.

Божией, первая часть учения мар Исаака инока»⁶⁷. Рукописи, содержащие новооткрытые тексты преп. Исаака, напротив, начинаются со слов: «Начинаем переписывать второй том мар Исаака, епископа Ниневийского»⁶⁸. Таким образом, в сирийской рукописной традиции 2-й том мыслится как продолжение 1-го.

Следует также сказать о том, что сочинения преп. Исаака уже в древности существовали в разных редакциях и разных переводах⁶⁹, в которых его Слова нумеровались по-разному. Древние источники упоминают то о пяти, то о семи «томах» преп. Исаака (причем неясно, сколько Слов входило в один том). Впрочем, если мы учтем, что древний арабский перевод сочинений преп. Исаака включал в себя четыре книги, содержавшие в общей сложности 122 Слова⁷⁰, а сирийский текст «Слов подвижнических» содержит лишь 82 Слова, можно предположить, что около 40 Слов не вошли в сборник. Приняв во внимание, что новооткрытый 2-й том преп. Исаака включает в себя 41 Беседу⁷¹, мы можем с достаточной долей вероятности утверждать, что дошедшие до нас 2 тома сочинений преп. Исаака на сирийском языке соответствуют его 122 Словам в арабском переводе и составляют весь корпус написанных им произведений.

Сравнение арабского перевода Слов преп. Исаака с греческим, проведенное еще в XVIII веке, показывает, что греческий перевод соответствует 2-й и 3-й книге из арабского перевода⁷²; следовательно, арабские книги 1-я и 4-я остались вне поля зрения греческих переводчиков. Опять же, наиболее вероятным

⁶⁷ J.-B. Assemani. *Bibliotheca Orientalis*. T. I. P. 160; *Архиепископ Филарет (Гумилевский)*. Историческое учение об Отцах Церкви. Т. 3. С. 175.

⁶⁸ См. *Преп. Исаак Сирин*. О божественных тайнах и о духовной жизни. С. 219.

⁶⁹ Подробнее см. *Иеромонах Иларион (Алфеев)*. Мир Исаака Сирина. С. 28—31.

⁷⁰ См. *Свящ. И. Н. Четверухин*. Сведения о преп. Исааке Сирине и его писаниях // *Аввы Исаака Сириянина*. Слова подвижнические. Сергиев Посад, 1911. С. VIII.

⁷¹ Произведения, включенные в 1-й том преп. Исаака, мы называем «Словами», а включенные во 2-й том — «Беседами». Делается это для того, чтобы удобнее было различать между обоими томами. В сирийском оригинале литературный жанр произведений Симеона вообще никак не определен.

⁷² *Архиепископ Филарет (Гумилевский)*. Историческое учение об Отцах Церкви. Т. 3. С. 175.

представляется предположение, что они по своему составу приблизительно соответствуют новооткрытому сирийскому 2-му тому.

Имеются неопровержимые текстологические доказательства принадлежности обоих томов одному автору. Прежде всего, две Беседы из 2-го тома идентичны двум Словам из 1-го тома, а именно, Беседа 16-я из 2-го тома соответствует Слову 54-му из 1-го тома⁷³, а Беседа 17-я из 2-го тома соответствует Слову 55-му из 1-го тома⁷⁴.

Кроме того, в тексте 2-го тома есть несколько ссылок на Слова из 1-го тома. Так например, в Беседе 3-й из 2-го тома⁷⁵ (а именно, в главе 41-й из ее 1-й сотни) автор говорит: «Сию книгу в напоминание себе написал я, как постиг из разумения Писаний, а немногое из собственного опыта: на это я уже указывал в начале книги». Под «началом книги» имеется в виду Слово 14-е сирийского текста 1-го тома⁷⁶, где тот же автор пишет: «Сие на память себе и всякому читающему написал я, как постиг из разумения Писаний... а немногое из собственного опыта»⁷⁷. В Беседе 32-й из 2-го тома автор говорит: «Относительно этого чина, если кто желает услышать в точности, пусть прочитает выше длинное Слово, написанное нами о духовной молитве»⁷⁸. К этому месту в рукописи Bodleian syg.e.7 имеется схолия: «Это Слово написано в Первой части». Речь идет о Слове 22-м из 1-го тома, посвященном молитве⁷⁹. Таким образом, совершенно очевидно, что тексты 1-го и 2-го томов написаны одним автором, который рассматривает их как одну «книгу».

Есть и много других факторов, подтверждающих принадлежность обоих томов одному автору. Один и тот же аскетический словарь используется в обоих томах: это касается, в частности, таких терминов, как *ihidaya* (отшельник, инок), *šelya* (безмолвие), *dubbara* (поведение, образ жизни, образ бытия, подвижничество), *sukkale* (прозрения, мысли), *zaw'e* (движения, побу-

⁷³ Отсутствует в греч. и рус. переводах «Слов подвижнических».

⁷⁴ Слово 61 греч. перевода = Слово 32 рус. перевода.

⁷⁵ Ее полный текст на русском языке пока не опубликован.

⁷⁶ Слово 15 греч. перевода = Слово 65 рус. перевода.

⁷⁷ Аввы Исаака Сириянина Слова подвижнические. С. 344.

⁷⁸ Преп. Исаак Сирин. О божественных тайнах и о духовной жизни. С. 178.

⁷⁹ Слова 31—32 греч. перевода = Слова 15—16 рус. перевода.

ждения, порывы), *temha* (изумление), *lebba* (сердце), *hawna* (ум), *re'yana* (разум), *mad'a* (мысль, мышление, сознание, разум), *herga* (размышление), *te'orya* (созерцание), *pulhana* (служение, служба), *'enyana* (беседа), *maggnanuta* (осенение), *gelyana* (откровение), *nahhiruta* (озарение), *qutta'a* (уныние) и другие. Даже такой редкий термин, как *qestonare* («истязатели», «стражи», «судебные следователи»), заимствованный из латыни через греческую кальку (κοιμιστῶν φόροι), встречается в творениях преп. Исаака дважды — один раз в 1-м томе (Слово 58-е⁸⁰), другой раз — во 2-м (Беседа 9-я), причем при упоминании о *qestonare*-«истязателях» во 2-м томе преп. Исаак добавляет «о которых говорилось выше», что можно истолковать как ссылку на 1-й том.

В обоих томах встречаются одинаковые идиомы, такие как «духовное созерцание» (*te'orya d-ruh*), «духовная молитва» (*slota ruhanayta*), «чистая молитва» (*slota dkyta*), «тайная молитва» (*slota kasya*), «сердечная молитва» (*slota d-lebba*), «труд молитвы» (*'amla da-slota*), «молчание разума» (*šetqa d-re'yana*), «сокровенный свет» (*nuhra kasya*), «сокровенное служение» (*pulhana kasya*), «духовный образ жизни» (*dubbara ruhana*), «духовное знание» (*ida'ta d-ruh*), «жизнь (подвижничество) в безмолвии» (*dubbare dab-šelya*), «духовные тайны» (*raze ruhane*), «духовные прозрения» (*sukkale ruhanaye*), «смирение сердца» (*mukkaka d-lebba*), «движения души» (*zaw'e d-napša*), «служение добродетели» (*pulhana da-myattruta*), «море мира» (*yammeh d-'alma*), «корабль покаяния» (*elpa da-tyabuta*), «новый век» (*'alma hadta*), «собеседование знания» (*'enyana d-ida'ta*), «детский образ мыслей» (*šabrut tar'ita*), «опьянение в Боге» (*rawwayuta db-alaha*), «писания Духа» (*ktabay ruha*), «божественное откровение» (*gelyana alahaya*), «божественный помысел» (*huššaba alahaya*), «внутреннее умолкание» (*šelyuta gawwayta*), «рассудительное смирение» (*mukkaka d-puršane*), «изумление в Боге» (*tehra db-alaha*), «море безмолвия» (*yamma d-šelya*, *yamma d-šelyuta*), «совершенство знания» (*gmiruta d-ida'ta*) и многие другие.

⁸⁰ Слово 37 греч. перевода = Слово 34 рус. перевода (в переводе С. Соболевского «страж»).

Оба тома характеризуются сходным образным строем. В частности, в обоих томах используются морские образы — корабль, море, волны, плавание, кормчий, ныряльщик, жемчужины, и пр. Это связано с тем, что преп. Исаак Сирин, родившийся в Катаре на берегу Персидского залива, был с детства знаком с ремеслом ныряльщика (возможно, и сам занимался добычей устриц).

Тематика обоих томов в значительной степени совпадает. И там и здесь речь идет о любви Божией, о безмолвии и отшельничестве, о чтении Писания и ночном бдении, о молитве перед Крестом и поклонах, об унынии и богооставленности, о смирении и слезах, об изумлении и «опьянении» любовью Божией.

Наконец, стилистика, грамматика и синтаксис обоих томов неопровержимо свидетельствуют о том, что они написаны одним автором. Желая проверить это, предлагаем обратиться к сирийскому тексту обоих томов и их сравнить. К сожалению, провести такое сравнение, пользуясь только русскими переводами, невозможно.

Ответив на вопрос о подлинности новооткрытых текстов из 2-го тома, поставим еще один вопрос: что принципиально нового по сравнению с ранее известными «Словами подвижническими» преп. Исаака содержат Беседы из 2-го тома? Мы бы указали на три особенности новооткрытых текстов: 1) ссылки на Феодора Мопсуестийского и даже — в одной из Бесед — анафему противникам его богословских мнений; 2) своеобразную христологию преп. Исаака, сближающую его с другими писателями Церкви Востока; 3) учение о всеобщем спасении, содержащееся в Беседах 39—40 из 2-го тома. Именно эти особенности так напугали В. Алексеева, разразившегося двухполосной публикацией в «Радонеже». Разберем эти пункты по порядку.

1. Авторитет Феодора Мопсуестийского

Частые ссылки преп. Исаака на Феодора Мопсуестийского, имеющиеся как во 2-м, так и в 1-м томах, но «вычищенные» из 1-го тома редакторами, обусловлены тем обстоятельством, что для восточно-сирийской традиции именно этот автор был главным авторитетом в области богословия и экзегетики: его называли «Блаженным Толкователем». Тот факт, что Феодор был осужден V Вселенским Собором за свою христологию (отожде-

ствленную с несторианством), никоим образом не повлиял на почитание его как святого в Церкви Востока. Вселенские Соборы первого тысячелетия были, как известно, Соборами, влиявшими на византийскую οἰκουμένη-«вселенную»: что же касается стран, находившихся за пределами Византийской империи, то решения этих Соборов на них не распространялись. Персия в политическом отношении была глухой стеной отделена от Византии, и сношений между Церквями Персии и Византии практически не было. Именно поэтому решения V Вселенского Собора никак не сказались на Церкви Персии (она же «Церковь Востока»).

Говоря о признании или непризнании Вселенских Соборов, мы должны отметить, что каждая конкретная Поместная Церковь, находившаяся вне пределов Византийской империи, конечно, могла признать решения того или иного византийского Собора, но происходило это, как правило, задним числом и во многих случаях не оказывало прямого влияния на ситуацию в данной Церкви. В Церкви Персии даже авторитетнейший Никейский Собор (I Вселенский), состоявшийся в 325 году, был официально признан лишь 85 лет спустя, в 410 году, на Поместном Соборе в Селевкий-Ктесифоне. Во времена преп. Исаака Сирина собственно «Вселенским Собором» в Церкви Востока называли именно I Вселенский Собор⁸¹; о II Вселенском Соборе знали меньше, а III и последующие вообще не признавали. Сказанное, разумеется, нисколько не умаляет значения Вселенских Соборов ни для христианской Церкви в Византийской империи, ни вообще для последующего развития мирового христианства.

Для многих Поместных Церквей, в особенности тех, что находились вдали от Византии, гораздо более важное значение имели их собственные Поместные Соборы. На рубеже VI и VII веков в Церкви Персии состоялось три Поместных Собора, которые подтвердили незыблемый авторитет Феодора Мопсуестийского. Собор 585 года запретил кому-либо «явно или скрыто порицать этого учителя Церкви и отвергать его святыя книги». А Соборы 596 и 605 гг. повторили анафемы против «отвергаю-

⁸¹ Преп. Исаак в Беседе 14-й 2-го тома говорит об Отцах, «собранных Духом Святым на Вселенский Собор», имея в виду Отцов Никейского Собора 325 г. См.: *Преп. Исаак Сирийский. О божественных тайнах и о духовной жизни*. С. 115.

ших комментарии, толкования и учения верного учителя, Блаженного Феодора-Толкователя, и пытающихся ввести новые и странные толкования, исполненные безумия и злохуления». Под «пытающимися ввести новые толкования» подразумевался Эна-на, возглавивший во 2-й половине VI века известную Нисибийскую богословскую школу и противопоставивший толкованиям Феодора Мопсуестийского свои собственные.

Нет ничего удивительного в том, что преп. Исаак Сирин, будучи верным сыном своей Церкви, в одной из Бесед 2-го тома торжественно подтвердил авторитет Феодора: «Ибо мы не отвергаем слова его — да не будет! Напротив, как одного из апостолов мы принимаем <его>, и всякий, кто противостоит словам его, кто вносит споры по поводу его толкований или сомневается относительно его произведений — такого считаем мы чуждым церковной общине и погрешающим против истины»⁸². В данном случае преп. Исаак всего лишь повторил, почти дословно, анафемы Соборов рубежа VI—VII века. Интерпретировать его слова в том смысле, что он тем самым анафематствовал Отцов V Вселенского Собора⁸³, осудивших Феодора, в высшей степени нелепо и антиисторично. Преп. Исаак мог вовсе не знать о V Вселенском Соборе, а если и знал о нем, то понаслышке. О Соборах же своей собственной Церкви он не мог не знать, и решения их не мог игнорировать.

2. Христология преподобного Исаака

Для Церкви Востока, как и для всей антиохийской традиции в целом, был характерен акцент на различии двух естеств в Лице Иисуса Христа. У Феодора Мопсуестийского и Нестория это различие приняло крайние формы, за что оба они были анафематствованы Вселенскими Соборами.

Церковь Востока, как мы уже сказали выше, не имела никакой исторической связи с Несторием; до VI века его имя там было практически неизвестно: в этом смысле ее нельзя назвать «несторианской». Тем не менее эта Церковь полностью усвоила

⁸² Преп. Исаак Сирин. О божественных тайнах и о духовной жизни. С. 201—202.

⁸³ Именно так интерпретирует слова преп. Исаака В. Алексеев: см. «Радонеж» № 9, 1998.

христологическую терминологию Феодора Мопсуестийского, которого как в халкидонских, так и в монофизитских кругах считали «отцом несторианства». На рубеже VI и VII веков Бабай Великий, сделавшей немало для «несторианизации» Церкви Востока, в своей борьбе против наследия Халкидонского Собора воспользовался, помимо сочинений Феодора Мопсуестийского и Диодора Тарсийского, «Книгой Гераклида», написанной Несторием. К середине VII века в диптихах Церкви Персии поминались уже «три учителя» — Феодор, Диодор и Несторий. На рубеже VIII и IX веков, при католикосе Тимофее I (780—823), христологическое учение Церкви Персии окончательно сформировалось, и Несторий окончательно утвердился в роли «учителя». Но произошло это уже после смерти преп. Исаака Сирина.

Какова была христология самого преп. Исаака? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно изучить две Беседы из 2-го тома: 11-ю и 5-ю. Мы уже однажды проделали эту работу⁸⁴ и не будем здесь повторять сказанное ранее. Суммируем лишь общий вывод относительно христологии преп. Исаака Сирина. Как и другие богословы антиохийской традиции, он проводил четкое различие между божественной и человеческой природами во Христе, пользовался терминологией «храма» и «Живущего в нем», говорил о плоти Христа как «одежде» Его Божества, однако дальше этого не шел. По нашему мнению, **ничего эксплицитно несторианского в его христологии найти нельзя**. Он, во всяком случае, далек от такой крайне диофизитской трактовки личности Иисуса Христа, при которой Его образ как бы разделяется на «два сына»: Исаак Сирин воспринимает Христа как одно Лицо — Бога, явившегося во плоти. (Мы уже отмечали, однако, что учение о «двух сынах», инкриминированное Несторию Кириллом Александрийским, никогда не было официальной доктриной Церкви Персии).

Не находя в творениях преп. Исаака ничего собственно несторианского, мы, однако, не находим у него и каких-либо текстов, которые свидетельствовали бы о его оппозиционных настроениях по отношению к официальной христологии Церкви Востока. Мнение о том, что преп. Исаак Сирин мог принадлежать к течению, которое имело тенденцию к сближению или даже слиянию с Православием халкидонского направления и к

⁸⁴ См. *Иеромонах Иларион (Алфеев)*. Мир Исаака Сирина. С. 58—65.

которому принадлежал, в частности, Энана⁸⁵, на наш взгляд, лишено достаточных оснований. Вышеприведенный текст, в котором преп. Исаак повторяет анафемы Соборов рубежа VI—VII веков, созданных против Энаны, свидетельствует скорее об обратном, а именно о том, что он предпочитал держаться официальной доктрины своей Церкви и не симпатизировал оппозиционным течениям.

Мы, таким образом, приходим к выводу, что преп. Исаак Сирин был верным сыном своей Церкви, однако **не был несторианином**. Вопрос же о том, насколько сама Церковь Востока в его времена была несторианской, мы оставляем открытым.

3. Эсхатологические воззрения преп. Исаака

В заключительных Беседах 2-го тома содержится учение о том, что гееннские мучения, которым подвергнутся грешники после смерти, являются конечными. По мнению преп. Исаака, «большинство людей войдет в Царство Божие без опыта геенны». Те же, кто отпал от Бога в силу своей греховности, будут подвергнуты мучениям для того, чтобы, очистившись страданием, достичь духовного уровня, необходимого для вхождения в Царство Небесное⁸⁶. Конечным итогом истории мира будет, по учению преп. Исаака, примирение всех разумных существ с Богом: «Бог не упустит ни одной части, <принадлежащей> какому-либо из разумных <существ>, при подготовке к тому высшему Царству, которое уготовано для всех миров. По причине той благодати Естества Его, благодаря которой привел Он в бытие всю <вселенную>, поддерживает и ведет <ее>, и заботится обо всех мирах и тварях в Своем безмерном сострадании, Он задумал устроить Царство Небесное для всей общины разумных <существ>, хотя некий переходный период времени оставлен для <того, чтобы все поднялись> на тот же самый уровень. Это наше мнение согласуется с учительством Писания. Тем не менее она (геенна) страшна, даже если она так ограничена в своей

⁸⁵ А. Сидоров. Блаженный Феодорит Кирский — архипастырь, монах, богослов // *Блаженный Феодорит Кирский. История боголюбцев*. М., 1996. С. 121.

⁸⁶ Беседа 40-я: *Преподобный Исаак Сирин. О божественных тайнах и о духовной жизни*. С. 213—214.

продолжительности: кто может вынести ее? По этой причине ангелы на небесах *радуются об одном грешнике кающемся*»⁸⁷.

Примерно так же в IV веке мыслил св. Григорий Нисский, который утверждал, что «наконец, после длинных периодов, зло исчезнет, и ничего не останется вне добра, напротив, и теми, кто в преисподней, будет единогласно исповедано господство Христа»⁸⁸. Выше мы уже приводили мнение епископа Диоклийского Каллиста о том, что осужденное V Вселенским Собором учение Оригена нельзя отождествлять с тем учением о всеобщем спасении, которое мы находим в творениях св. Григория Нисского. И у Исаака Сирина и у Григория Нисского учение о всеобщем спасении вытекает из их представления о благодати и любви Бога, Который «хочет, чтобы все люди спаслись»⁸⁹; это учение является развитием учения апостола Павла о том, что после окончательного воцарения Бога и Отца, упразднения всякого начала, власти и силы, покорения всех врагов и истребления смерти Спасителем Бог будет «все во всем»⁹⁰. Как Григорию Нисскому, так и Исааку Сирину, во всяком случае, очень далеко до того еретического оригенизма, который был осужден Церковью в VI веке.

К сказанному мы хотели бы добавить следующее. Поскольку учение о всеобщем спасении исповедовали Феодор Мопсуестийский и Диодор Тарсийский, оба пользовавшиеся безусловным авторитетом в Церкви Персии⁹¹, нет ничего удивительного в том, что его разделял и преп. Исаак Сирин. В Византии это учение было осуждено только в результате оригенистических споров VI века, а до VI века его и там разделяли отдельные богословы, в частности св. Григорий Нисский. Поскольку решения V Вселенского Собора, как уже было сказано, до Персии не дошли, да и отношения к ней прямого не имели, вполне естественно, что учение о всеобщем спасении и в VII веке не считалось там ересью. К преп. Исааку Сирину нельзя применять ви-

⁸⁷ Преподобный Исаак Сирин. О божественных тайнах и о духовной жизни. С. 212. Ср. Лк. 15:7; 10.

⁸⁸ О душе и воскресении: Творения *иже во святых отца нашего Григория, епископа Нисского*. Ч. IV. М., 1862. С. 250.

⁸⁹ 1 Тим. 2:4.

⁹⁰ 1 Кор. 15:28.

⁹¹ Именно их преп. Исаак цитирует в Беседе 39-й из 2-го тома.

зантийские мерки: он жил за пределами Византии, и константинопольские анафемы на него не распространялись. Поэтому выраженное им учение о всеобщем спасении следует считать **частным богословским мнением** (теологуменом)⁹², а не осужденной Собором ересью. Таким же частным богословским мнением было в IV веке аналогичное учение св. Григория Нисского.

Если бы кто-либо в Византии после V Вселенского Собора писал о всеобщем спасении так, как это делал преп. Исаак, его, возможно, причислили бы к сонму еретиков. Впрочем, и в Византии уже после V Вселенского Собора возможность всеобщего спасения некоторыми богословами не отвергалась. Так например, преп. Иоанн Лествичник в VII веке писал: «Хотя не все могут быть бесстрастными, тем не менее *не невозможно, чтобы все спаслись* и примирились с Богом»⁹³. Разумеется, возможность всеобщего спасения здесь не постулируется, однако она и не отвергается. Точно так же не постулировал, но и не отвергал эту возможность св. Григорий Богослов⁹⁴.

Заключение

В одной журнальной статье невозможно снять все вопросы, которые могут возникнуть при чтении такого своеобразного и единственного в своем роде автора, каким является преподобный Исаак Сирин. Мы и не ставили перед собой такую задачу. Нам лишь хотелось более обстоятельно осветить проблематику, связанную с публикацией новооткрытых текстов, и ответить на недоумения тех читателей, для которых некоторые мысли, содержащиеся в этих текстах, показались неожиданными.

Сейчас в церковной среде часто можно услышать такие выражения: «по учению Святых Отцов», «как говорят Святые Отцы», или даже «как учат все Святые Отцы». При этом те, кто

⁹² Термин «теологумен» введен в научный обиход в конце XIX века выдающимся русским церковным историком В. В. Болотовым.

⁹³ Τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Συναΐτου Κλίμαξ. Ὁριζὸς Ἀττικῆς, 1992. Σελ. 299. Рус. пер.: Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. Сергиев Посад, 1908. С. 180.

⁹⁴ В Слове 40, 36 (PG 36, 412 AB) он допускает возможность «более человеколюбивого толкования» посмертного мучения грешников, имея в виду учение св. Григория Нисского.

использует подобные выражения, нередко имеют лишь самое смутное и приблизительное представление о том, кем были и что писали Отцы Церкви. Подобное отношение приводит к тому, что об Отцах Церкви начинают думать как о некоем сообществе людей, которые во все века писали одно и то же. В Церкви есть немало лиц, которые Отцов не знают и не любят, но у которых на все случаи жизни заготовлены святоотеческие (иногда псевдо-святоотеческие) высказывания. Для таких людей соприкосновение с реальным Отцом Церкви может оказаться весьма болезненным: у этого Отца может встретиться то, чего они вовсе не ожидали.

У каждого из Святых Отцов есть свои особенности, свои частные богословские мнения. В этом нет ничего удивительного, если учесть, что, по словам о. Иоанна Мейендорфа, «Отцы Церкви жили в конкретной исторической обстановке, и их писания были ответами на определенные вопросы» — вопросы, которые ставили перед ними их Церковь, их духовная среда, их историческая эпоха. «Для того, чтобы действительно проникнуть в мир Святых Отцов, — продолжает о. Иоанн, — почувствовать их мысль, узнать, почему они говорили именно так, а не иначе, и что все это значит для нас — носителей другого менталитета, живущих много веков спустя, в иной культуре, — нам необходимо изучать историю»⁹⁵.

Каждый из Отцов Церкви может быть понят и оценен только внутри того церковно-исторического контекста, в котором он находился. Для преп. Исаака Сирина таким контекстом были VII век, Персия, антиохийская богословская школа, догматическое учение Церкви Востока, аскетическая традиция сирийского монашества. Именно в таком контексте и следует изучать преп. Исаака, именно с такими мерками подходить к его писаниям, именно такой критерий прилагать к его богословию. Всякий иной критерий, приложенный к его писаниям, может привести к ошибочной интерпретации его взглядов.

В заключение приведем характеристику, которую дал преп. Исааку неоднократно уже цитировавшийся архиепископ Филарет (Гумилевский): «Св. Исаак всю жизнь свою посвятил уединенному изучению души своей, и ничьи поучения не исполнены

⁹⁵ Протоиерей Иоанн Мейендорф. Введение в святоотеческое богословие. Нью-Йорк, 1985. С. 10.

таких глубоких психологических сведений, как поучения св. Исаака; прошел сам степени духовной созерцательной жизни, св. Исаак представляет наставления о созерцаниях возвышенные и основанные на твердых опытах. Духовная жизнь изображена в его поучениях в приложении к самым неуловимым состояниям души»⁹⁶. Эта характеристика отечественного ученого представляется нам весьма меткой. Она вполне перекликается с мнением русского философа-славянофила И. В. Киреевского о том, что писания преп. Исаака Сирина отличаются даже от писаний других Отцов Церкви особой духовной глубиной⁹⁷. В справедливости приведенных оценок сможет убедиться всякий, кто прочитает творения преп. Исаака Сирина, имеющиеся в русском переводе — его «Слова подвижнические» (или 1-й том) и новооткрытые тексты «О божественных тайнах и о духовной жизни» (или 2-й том).

⁹⁶ Историческое учение об Отцах Церкви. Т. 3. С. 176.

⁹⁷ Киреевский И. Сочинения. Т. 2. М., 1911. С. 118—119.

Преподобный ИСААК СИРИН

О СОВЕРШЕНСТВЕ ДУХОВНОМ

Слово 19¹

О различных откровениях и действиях², бывающих святым в образах

Чин откровения³ отличен от того, чтобы человек через изучение мудрости и труд разума направлял мысли свои к постижению некоего смысла⁴ и созерцанию чего-либо через мыслительный процесс⁵. Ибо сказано: «Откровение есть молчание разума»⁶. И никто пусть не воображает, что посредством ревности и помышления человеческого он обрел знание: это случается по действию духовному, когда тот, кому дается откровение, в это время не ощущает ни какого-либо помысла в душе своей, ни чего-либо подлежащего чувствам: он просто не пользуется ими⁷ и не сознает их. И это мы не от своего разумения говорим, но доказывается это особенно из писаний пророков, которые, когда бывали им откровения, поскольку находились в изумлении⁸, не ощущали ничего из обычных предметов и не пользовались помыслами по воле своей. Не было у них и чувственного восприятия, но ум их был всецело сосредоточен только на

¹ Текст переведен по изданию: *Mar Isaacus Ninevita. De perfectione religiosa*. Ed. P. Bedjan. Leipzig, 1909. P.154—161. На русском языке публикуется впервые.

² Букв. «о различии откровений и действий».

³ Сир. *gelyana*. Учение преп. Исаака об откровениях рассмотрено нами в другом месте. См. *Иеромонах Иларион (Алфеев)*. Мир Исаака Сирина. М., 1998. С.238—245.

⁴ Букв. «углублял свои движения к некоему прозрению».

⁵ Букв. «через блуждание разума».

⁶ Источник цитаты нам неизвестен.

⁷ Т. е. помыслами и чувствами.

⁸ Сир. *temha* означает «удивление», «изумление» и соответствует греческому ἔκστασις («изумление», «экстаз»).

смысле того, что <открывалось им в> откровении. Именно так случилось с блаженным Петром, когда он проголодался и поднялся на крышу⁹: как только началось откровение, он уже не ощущал никакого голода, но воспоминание о пище исчезло из его мысли, потому что он был в изумлении, как говорит Писание.

Обо всем этом каждый может¹⁰ в подробностях точно узнать из писаний блаженного Феодора, света всего мира¹¹. Говорит же он о виде и чине откровений особенно в следующих писаниях: в трех томах <толкований> на Бытие, в двух — на Иова, в последнем <томе толкований> на двенадцать <пророков> и в толкованиях на Деяния и на Матфея¹².

Ибо шесть видов откровений упоминает Писание: первый — посредством чувств, второй — посредством душевного зрения, третий — через восхищение мысленное, четвертый — в чине пророчества, пятый — в некоем умственном виде, шестой — словно во сне.

Те <откровения>, которые <происходят> посредством чувств, подразделяются на два различных <вида>: откровения посредством стихий¹³ и те, что происходят без <участия чего-либо> материального. К <откровениям> посредством стихий <относятся те, что имели место> в купине¹⁴, в облаке¹⁵, в скрижалях¹⁶, и другие, которые видимы для толпы, и те чудеса, которые ежедневно происходят во всем мире, — причины и свойства их через откровения познают святые, — а также дела и

⁹ Ср. Деян. 10:10.

¹⁰ Букв. «человек может».

¹¹ Имеется в виду Феодор Мопсуестийский, главный авторитет в области богословия и экзегетики в восточно-сирийской традиции.

¹² Из упоминаемых преп. Исааком сочинений Феодора Мопсуестийского только «Толкование на двенадцать пророков» сохранилось полностью (текст см. в PG 66, 123—632). Из «Толкования на книгу Бытия» сохранились отдельные фрагменты на латинском и сирийском языках. «Толкование на книгу Иова» было подвергнуто критике на V Вселенском Соборе: из него, а также из «Толкования на Деяния апостольские» и из других произведений Феодора сохранились фрагменты в «Деяниях» V Вселенского Собора (русский перевод см. в книге: Деяния Вселенских Соборов. Т. III. СПб., 1996. С. 314—340). Из «Толкования на Евангелие от Матфея» сохранились отдельные фрагменты (PG 66, 705—713).

¹³ Т. е. посредством отдельных элементов материального мира.

¹⁴ Исх. 3:2.

¹⁵ Исх. 40:24—28. Ср. также Исх. 16:10; 24:15—16; 34:5 и др.

¹⁶ Исх. 32:15—16.

деяния и вещи сокровенные или далекие, которые некоторым открываются, когда случаются и происходят.

<К откровениям, происходящим> без <участия> материи, относятся явление мужей Аврааму¹⁷, лестница Иакова¹⁸ и откровение о скинии¹⁹, — «старайся смотреть и действовать по подобию Явившегося тебе на горе»²⁰, и так далее, — и тот божественный свет и яркость лучей, что осияла Павла на пути и ослепила очи его²¹. Ибо известно, что, хотя откровение было видимо и чувствами ощутимо, так что даже бывшие с ним видели и слышали его, но это не было материальное откровение, и свет тот не был естественным и состоящим из стихий, как блаженный Толкователь показывает, когда толкует Деяния, говоря в разъяснение слов: *И те, кто шли с Павлом по пути, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя*²². Изъясняя «в оцепенении», он говорит следующее: «В молчании и без слов, охваченные сомнением, поскольку ощутили голос, который говорил с ним, и свет, который явился ему, насколько возможно им было видеть, они видели, чтобы <никто> потом не заподозрил, что Савл выдумал то, что произошло и <так> на него подействовало, тогда как никто из бывших с ним не слышал этого и не видел, поскольку они никого не видели»²³. Ибо они не видели Иисуса, поскольку, как я сказал, даже не светом чувственным было то, что явилось, но непостижимым чувством, которое нематериальным образом было дано ему по действию божественному наподобие видения света, так что он думал, что небеса отверзлись, и тому подобное. Таковы откровения, которые совершались через посредство телесных чувств, будучи превыше смешения со стихиями и каких-либо чувственных или человеческих событий.

Впрочем, получающие их не охвачены изумлением ума, как <в том случае, когда> откровение происходит посредством ду-

¹⁷ Быт. 18:2.

¹⁸ Быт. 28:12.

¹⁹ Исх. 26:1 и далее.

²⁰ Слово *lat* соответствует кавычкам и указывает на то, что эта фраза является цитатой. Источник цитаты нам неизвестен: возможно, это Феодор Мопсуестийский, на которого преп. Исаак ссылался и на писаниях которого построил настоящее Слово.

²¹ Деян. 9:3—9.

²² Деян. 9:7 (цитируется неточно).

²³ Из слов преп. Исаака не вполне ясно, где кончается цитата из Феодора Мопсуестийского и где начинается его авторский текст.

шевных очей и узревается душой²⁴, например: *Видел я Господа, сидящего на престоле высоком, и серафимов, у каждого по шести крыл, вокруг него*²⁵; или в откровении Иезекиилю²⁶ с колесами и изумительными подобиями и звуком от колес, подобным звуку морского прибора²⁷, и славословиями, которые слышались от херувимов со многими очами, говоривших: *Благословенно величие Господа от места Его*²⁸. Насколько же эти откровения значительнее²⁹ чина тех, упомянутых прежде, известно просвещенным. <Сюда же относится> и ковер, что явился Петру, и животные на нем, вместе с прочими описанными вещами³⁰. И кто хочет, может узнать это из Писаний.

<К откровениям> же в мысленном виде <относится>, например: *он был восхищен на третье небо и — в теле, или вне тела, не знаю, — но он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать*³¹.

А <откровения> пророчества — это те, что бывали пророкам, которые за много веков предсказывали будущие <события>, как и Валааму-прорицателю случилось предсказать многие <вещи> в духе пророчества — даже еще более многочисленные, чем те, о которых предсказывали пророки.

<Откровения> в мысленном виде — это, например, то, о чем блаженный Павел говорит: *Молюсь я, чтобы вы исполнились познания Бога во всякой мудрости и разумении*³² *духовном*³³; и: *Бог Господа Иисуса Христа, Отец славы, да даст вам духа премудрости и откровения к познанию Его и просветит очи сердца вашего, дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его, и какое богатство славы Его во святых, и как безмерно величие могущества Его в*

²⁴ Букв. «посредством очей души, в видении же душевном».

²⁵ Ис. 6:1—2 (цитируется сокращенно).

²⁶ Иез. 1:1—28.

²⁷ Букв. «звуку моря».

²⁸ Иез. 3:12.

²⁹ Или «точнее», «тоньше».

³⁰ Деян. 10:9—16.

³¹ 2 Кор. 12:2—4 (цитируется неточно).

³² Сир. *sukkala* (здесь: «разумение») мы обычно переводим как «прозрение». Вариант: «осмысление», «понимание», «смысл».

³³ Кол. 1:9 (цитируется неточно).

нас, верующих³⁴; и прочие <вещи>, которые были даны апостолу в откровении знания о реальностях мира грядущего и о чине воскресения и изменения тел человеческих³⁵, и так далее. Что же до чина высоких прозрений, а также и знания о естестве Божием, как например, о Том, *Который есть образ Бога невидимого*³⁶, через Которого <Бог> и *веки сотворил*³⁷, то это открыл нам Бог Духом Своим³⁸. И еще: *мы отчасти знаем и отчасти уразумеваем*³⁹; и: *В начале было Слово*⁴⁰; и: *Ты — Христос, Сын Бога Живого*⁴¹; и так далее. И: *Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его*⁴²; и: *Тот, Кто все совершает по изволению воли Своей*⁴³; и: *Всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать*⁴⁴; и так далее. Таковы <исполненные> смысла знания⁴⁵ о естестве Божием, которые через Духа даны были им, чтобы они <стремились> осмыслить это и уразуметь.

А <откровения> в снах — это, например, те, что <даны были> Авимелеху⁴⁶, Иосифу⁴⁷, фараону⁴⁸ и Навуходоносор⁴⁹; и когда *явился ангел Господень во сне Иосифу, мужу Марии*⁵⁰; и так далее.

Необходимо сознавать также и то, что все откровения, которые для научения людей и наставления их о вещах дает Бог, происходят через посредство образов, особенно <если они даны> тем, кто просты в знании и скудны пониманием исти-

³⁴ Еф. 1:17—19 (цитируется с незначительными сокращениями).

³⁵ Имеется в виду 1 Кор. 15:51—53.

³⁶ 2 Кор. 4:4; Кол. 1:15.

³⁷ Евр. 1:2.

³⁸ 1 Кор. 2:10.

³⁹ 1 Кор. 13:9 (в Синодальном переводе: «отчасти знаем и отчасти пророчествуем»).

⁴⁰ Ин. 1:1.

⁴¹ Мф. 16:16.

⁴² Рим. 11:33.

⁴³ Еф. 1:11.

⁴⁴ Рим. 11:32.

⁴⁵ Букв. «таковы знания прозрений», «таковы познания смыслов».

⁴⁶ Быт. 20:3.

⁴⁷ Быт. 37:5.

⁴⁸ Быт. 41:1—7.

⁴⁹ Дан. 2:1.

⁵⁰ Мф. 2:13.

ны⁵¹. Те же <откровения>, которые <даются> для успокоения и вразумления какого-либо человека и для некоего утешения и вразумления отшельника⁵², происходят вне образов и сознательного восприятия. И это ясно доказано блаженным Толкователем в томе втором <Толкований> на Иова. Насколько более велики те вещи, которые бывают в откровении знания и прозрений посредством разумного постижения, и насколько возвышеннее тайны, которые <дают нам> познание всего, что относится к Богу, чем прочие откровения. Это — совершенство знания.

Нужно сознавать также и то, что иное есть откровение и действие <Божие>, а иное — истина и знание, поскольку откровение не является точным <знанием> об истине, но <лишь> показывает некие соответствующие силе человека знаки и символы. Также и действие <Божие> и чудеса в тех откровениях не должно называть знанием и истиной: они именуются осенением по действию <Божью>⁵³. От них ведь невозможно получить <познание> о предведении⁵⁴ Божиим, или о непостижимости естества Его, или о различных свойствах Его⁵⁵, или понимание⁵⁶ тайн воли Его о людях, и прочее, что достигается здравым знанием о Нем. Итак, иное суть тайны, которые в прозрении⁵⁷ о естестве Божиим достигает разум, и иное — некое действие, которым ум осенен какое-то время. Так что не всякий, кому бывает откровение или кого движет некое утешительное действие, непременно также знает истину и <имеет> точное знание⁵⁸ о Боге. Ибо много тех, кому были даны эти <состояния>, но которые <весьма> по-детски воспринимали Бога⁵⁹.

⁵¹ Букв. «малы прозрениями истины».

⁵² Букв. «лица одинокого», «ипостаси одинокой» (*qnoma ihidaya*).

⁵³ Букв. «осенением действия». Об осенении (*maggnanuta*) см.: Иеромонах Иларион (Алфеев). Мир Исаака Сирина. С.245—251.

⁵⁴ Термин *mqaddmut ida'ta* соответствует греческому πρόρρησις («предведение»).

⁵⁵ Букв. «о различии свойств Его».

⁵⁶ Сир. *sukkala*.

⁵⁷ Сир. *sukkala*.

⁵⁸ Букв. «точность знания».

⁵⁹ Букв. «знали Бога, как дети», т.е. несовершенно.

**О различии мыслительных сил ума в действии
откровений и видений духовных**

Божественное видение есть сверхчувственное⁶¹ откровение ума. Божественное откровение есть возбуждение ума духовными прозрениями о Божестве. Даже естество ангельское не приводится в возбуждение само по себе, без откровения, которое от благодати. Иное есть возбуждение откровениями о делах Божиих, и иное — возбуждение откровениями о естестве бытия Его. Первое по естеству подобно⁶² чувственным <предметам>, последнее же не имеет никакого подобия разуму или чему-либо <из чувственного>. Это чистота, тройственная по своим частям и своей основе⁶³, как говорится⁶⁴. И даже один из тысячи праведников не может удостоиться этого возвышенного ощущения. Ибо даже и созерцание, касающееся вочеловечения Господа нашего и Его откровения во плоти <происходит>, говорят, от божественного созерцания.

Подлинное видение ангелов есть возбуждение духовными прозрениями о том, что относится к ним. Естество же сил духовных без <помощи> ума нам видеть невозможно. Когда человек удостоивается видеть их в их собственном естестве и их месте, такими, как они есть в своей духовной тварности, ум его благодатью возбуждается к откровению духовных прозрений о них. Когда же душа очищена и удостоивается видеть себе подобных, видение их происходит посредством очей сих⁶⁵. Они не суть объекты <для зрения телесного>, но зрением душевным, которое есть истинное созерцание, <узреваются они>. Ибо иным образом невозможно видеть их такими, как они есть, без изменения, то есть, без повреждения естества их зрением⁶⁶.

⁶⁰ Текст переведен по изданию: *Mar Isaacus Ninevita. De perfectione religiosa*. P.161—162. На русском языке публикуется впервые.

⁶¹ Букв. «внечувственное».

⁶² Букв. «получает подобие».

⁶³ Или «по своим частям и своей природе».

⁶⁴ Эта фраза и две последующих, возможно, являются цитатами из аскетической письменности.

⁶⁵ Т. е. очей души. В некоторых рукописях стоит: «...видение их происходит не посредством очей сих»; в этом случае «очей сих» должно означать «телесных очей».

⁶⁶ Смысл текста нам не вполне понятен.

Зрение же это невозможно стяжать без второго очищения, <то есть очищения> ума⁶⁷.

А что в образах видятся <ангелы> некоторым людям, то не благодаря истинному зрению, но благодаря снисхождению⁶⁸ в служении своем передают они <людям> эти <откровения>⁶⁹, или они являют себя <доступными> чувственному зрению для утешения и подкрепления простецов. Даже тем, кто не чисты, бывают такие видения. Первый же чин <видений доступен> людям просветленным и стяжавшим знание⁷⁰ — тем, кто благодаря достославному подвижничеству в безмолвии возведены в чин чистоты.

Слово 21⁷¹

**О том, что случается в молитве с живущими
в безмолвии**

Кто <тот человек>, который знает эти усладительные коленопреклонения, когда при безмолвии языка сердце безмолвно произносит некое славословие, когда не утихают усладительные переживания⁷², когда тело покоится на коленях и безмолвствует? Блажен, кто постоянно вкушает от этих <переживаний>. Но не происходят они по воле <человека> или когда их ищут. Это частичное наслаждение, которое дается тому, кто непорочно ходит перед Богом в образе жизни⁷³ безмолвия. Если же во всякой простоте движется он по нему и взыскует чистоты в служении своем, и если <ведет он> достойный образ жизни, то через некоторое время удостоится он также и тех <состояний>, о которых говорилось выше. А новоначальных в подвижничестве сем, но имеющих твердую цель

⁶⁷ В оригинале: «без второго очищения ума». Мы понимаем это как «второе» очищение после «первого», которое есть очищение души.

⁶⁸ Букв. «чину снисхождения», или «чину домостроительства». Сир. *mdabbra-nuta* соответствует греч. οἰκοδομία («снисхождение», «домостроительство»).

⁶⁹ Т. е., не будучи телесными, ангелы являют себя в телесном облике по снисхождению к немощи человека, неспособного воспринять их такими, каковы они суть по своей духовной сущности.

⁷⁰ Букв. «гностикам».

⁷¹ Текст переведен по изданию: *Mar Isaacus Ninevita. De perfectione religiosa*. P. 162—163.

⁷² Букв. «не ослабевают движения наслаждения».

⁷³ Слово *dubbara* мы переводим как «образ жизни», «подвижничество» или «подвиг», в зависимости от контекста.

благодать сначала через чтение приучает к этим и подобным <состояниям>, уводя помысел их от земных мыслей <и приводя> к себе. Трудятся они, бодрствуют, молятся — и не утомляются. Тем же, кто в какой-то степени уже обучен тайнам безмолвия, даруется <духовное> восприятие в молитве и службе.

Слово 55⁷⁴

**Того же мар Исаака. О том, чем сохраняется
сокровенное трезвение в душе. И откуда сонливость и
холодность входят в разум, и угашают в душе святую
горячность, и умерщвляют стремление к Богу ради
духовных и небесных наслаждений⁷⁵**

Нет возможности у сопротивника⁷⁶ воспрепятствовать желающим благого, если только для хитрого лукавства его не найдется места⁷⁷ в самих любящих благое. Дело вот в чем: ко всякому побуждению к желанию благого в самом начале возникновения его присоединяется некая ревность, напоминающая по теплоте своей раскаленные угли⁷⁸. Она обычно, словно стена, окружает это побуждение желания и отгоняет от него всякое возможное препятствие или помеху; ибо обладает она великой мощью и невыразимой силой для всецелого укрепления души⁷⁹,

⁷⁴ Это Слово имеется также во 2-м томе творений преп. Исаака Сирина, где оно фигурирует под № 17: см. *Преподобный Исаак Сирин. О божественных тайнах и о духовной жизни. Новооткрытые тексты.* М.: Зачатьевский монастырь, 1998. С.127—130. Мы переводили этот текст по изданию С. Брока: см. *Isaac of Nineveh (Isaac the Syrian). 'The Second Part', Chapters IV—XLI.* Edited by Sebastian Brock. — *Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*, 554; *Scriptores syri*, 224. Louvain, 1995. P. 80—83. Тот же текст содержится в издании: *Mar Isaacus Ninevita. De perfectione religiosa.* P. 392—396. Перевод этого Слова с греческого имеется в книге: *Аввы Исаака Сириянина Слова подвижнические.* Сергиев Посад, 1911. С. 143—146 (Слово 32-е). Мы публикуем этот Слово в качестве наглядной иллюстрации к тому, какие разночтения встречаются между сирийским оригиналом и греческим переводом. В примечаниях мы указываем лишь на наиболее существенные разночтения.

⁷⁵ Греч. «умерщвляют стремление к Богу от теплоты духовных и небесных <вещей>».

⁷⁶ Или «сопротивной силы» (*saqublyuta*), т. е. дьявола.

⁷⁷ Или «возможности». Греч. «если только лукавый не обретет места».

⁷⁸ Букв. «угли огня».

⁷⁹ Букв. «дабы укрепить всю душу». Греч. «И многую крепость и невыразимую силу имеет эта ревность для того, чтобы окружать душу на всякий час».

дабы не ослабевала <душа> и не колебалась под воздействием всевозможных неприятностей. И это первое <побуждение> есть сила святого желания, насажденная в естестве души⁸⁰, то есть побуждение, возбуждаемое силой «раздражительной» <способности>⁸¹, которая естественна для души⁸², которую Бог естественным образом поместил в нас, дабы охраняла она пределы естества, посылая мощь стремительности своей⁸³ для исполнения естественного желания души, то есть добродетели: без этой <мощи> добродетель не возвращается⁸⁴. Она и называется «ревностью».

Вот что дает <ревность> душе, возбуждая, воспламеняя и укрепляя ее время от времени⁸⁵, дабы <человек> презирал тело в скорбях и страшных искушениях, встречающих его, дабы с уверенностью предавал он себя на смерть⁸⁶ и противостоял силам мятежника⁸⁷ ради исполнения того, что особенно любит душа⁸⁸.

Ибо человек <некий>, облеченный во Христа, где-то в книге своей назвал эту ревность «псом» и «стражем закона Божия», который есть добродетель⁸⁹. Добродетель же есть исполнение законов Божиих⁹⁰.

Укрепляется же эта сила ревности, пробуждается и воспламеняется, дабы охранять дом, по двум причинам⁹¹; также и ослабляется, впадает в дремоту и небрежение по двум другим

⁸⁰ Греч. «естественно насажденная в естестве души».

⁸¹ Преп. Исаак следует традиционному делению души на три части.

⁸² Букв. «для нее». Греч. «Эта ревность есть мысль, движимая раздражительной силой, присущей ей (т. е. душе)».

⁸³ Греч. «посылая мысль свободы своей». Сирийское слово *hira*, буквально означающее стремительный поток воды, передано в греческом переводе словом ἐλευθερία — «свобода».

⁸⁴ Греч. «во исполнение естественного желания, присущего душе: оно есть добродетель, которая без блага не возвращается».

⁸⁵ Греч. «И называется она ревностью, ибо она есть <то, что> движет, возбуждает, возжигает и укрепляет человека время от времени».

⁸⁶ Греч. «дабы всегда предавал он на смерть душу свою».

⁸⁷ Букв. «встречал силы мятежника», т. е. дьявола. Греч. «и отвечал отступнической силе».

⁸⁸ Т. е. добродетели.

⁸⁹ Ср. *Евагрий*. Главы дополнительные, 10. Текст см. в: W. Frankenberg. *Euagrius Pontikos*. Berlin, 1912. P. 430.

⁹⁰ Греч. «Ибо добродетель называется законом Божиим».

⁹¹ Греч. «двумя способами».

причинам⁹². Первая причина воспламенения ее и возбуждения⁹³ — возникновение некоего страха в человеке⁹⁴, ибо он опасается за добродетель, которую или <уже> приобрел, или должен приобрести, как бы не была она похищена <у него> или погублена по какой-либо случайности, происшедшей с ней. И этот <страх> божественным Промыслом возбуждается во всех подлинных делателях добродетели для трезвения и постоянной ревности души, дабы она не дремала.

Когда же страх этот возникнет в естестве — тот «пес», о котором мы говорили⁹⁵ — ночью и днем, подобно раскаленной печи, разгорается он и пробуждает естество. Как херувим⁹⁶, бодрствует он и обозревает окрестности на всякий миг. И, как говорит человек, если птица пролетит поблизости, вскакивает он и лает с неописуемо пронзительной силой.

Когда страх бывает из-за тела, он — от сатаны; ибо <такой человек> усомнился в вере своей в Промысл Божий⁹⁷: забыл он о том, как Бог помнит о тех, кто заботится о добродетели⁹⁸, и <Сам> заботится о <делах> их⁹⁹ на всякий миг.

Как сказал Дух Святой устами пророка: *Очи Господни — на праведников, и уши Его — к воплю их*¹⁰⁰; а помышление Господне¹⁰¹ — на боящихся Его¹⁰². И как бы от лица Его говорит он делателям добродетели в другом месте: *Не приклю-*

⁹² Греч. «двумя способами».

⁹³ Букв. «жара ее и бдительности».

⁹⁴ Греч. «А именно, пробуждение и воспламенение ее происходит, когда в человеке возникнет некий страх».

⁹⁵ По чтению рукописи Bodleian syg.e.7, «о котором они говорят».

⁹⁶ Греч. «наподобие херувимов». Ср. Быт. 3:24. В Пешитте речь идет о «херувиме» (в единственном числе), тогда как в еврейской Библии и в Септуагинте — о «херувимах» (во мн. ч.). Отсюда разночтение между сир. и греч. текстом преп. Исаака.

⁹⁷ Греч. текст здесь имеет лакуну, в результате чего фраза теряет связность: «И страх этот когда бывает, из-за чего усомнился он в Промысле Божи-ем в вере своей».

⁹⁸ Греч. «о подвигающихся за добродетель».

⁹⁹ Греч. «и посещает их».

¹⁰⁰ Пс. 33:16.

¹⁰¹ Или «цель Господня». Греч. «держава Господня» (в соответствии с чтением Септуагинты).

¹⁰² Пс. 24:14 (Пешитта).

*чится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему*¹⁰³. Ибо ангелам Своим заповедает о тебе, и на руках понесут тебя¹⁰⁴, а также и прочее, написанное в стихах <этого псалма>.

Итак, когда страх этот из-за души, — из-за событий, которые могут случиться с добродетелью, — если только не похищен он и не поврежден той или иной причиной, тогда это помысел от Бога и прекрасное помышление; и от Промысла Божия — эта печаль и страх в душе¹⁰⁵, и трепет, мучающий разум своей заботой.

Вторая причина¹⁰⁶ усиления и воспламенения «пса» — когда особенно возрастает вожделение добродетели в душе. Ибо чем больше вожделение души к тому, что любит она, то есть к божественному помыслу, тем больше воспламеняется естественная ревность по отношению <к добродетели>¹⁰⁷.

А из причин ослабления и дремоты ее первая¹⁰⁸ — когда вожделение <добродетели> притупляется и уменьшается в душе; вторая же — когда некий самоуверенный помысел¹⁰⁹ входит в душу и поселяется <в ней>, так что человек уверен <в себе> и весьма часто думает¹¹⁰, что ему не нужно бояться ничего, что может повредить ему. И тогда¹¹¹ отбрасывает он от себя оружие ревности и становится словно неохраняемый дом, <возле которого> спит «пес», оставив стражу свою.

Ибо из-за такого помысла большинство этих мысленных домов бывает ограблено: это случается, когда помрачается сияние¹¹² пламени святого знания, которое в душе¹¹³. Из-за чего

¹⁰³ На этом кончается цитата из псалма в греч. переводе преп. Исаака. Следующая фраза отсутствует.

¹⁰⁴ Пс. 90:10—12 (с сокращениями).

¹⁰⁵ Здесь кончается фраза в греч. тексте.

¹⁰⁶ Греч. «второй способ».

¹⁰⁷ Греч. «Ибо насколько возрастает в душе вожделение, настолько же воспламеняется и тот пес, который есть естественная ревность о добродетели».

¹⁰⁸ Греч. «Первая же причина охлаждения ее».

¹⁰⁹ Букв. «некий помысел уверенности (дерзости)». Греч. «некий помысел превозношения и дерзости».

¹¹⁰ Греч. «надеется, помышляет и воображает человек».

¹¹¹ Букв. «и отсюда».

¹¹² Или «светозарность», «просветленность».

¹¹³ Греч. «помрачается чистота того озарения и святого знания, которое в душе».

это, если не <из-за того, что> или некий тонкий помысел воображения закрадывается в душу, или человек склонен слишком предаваться заботе о телесном, или у него слишком частые встречи с миром ¹¹⁴.

Когда бы ни согласился подвижник на встречу с миром, тотчас ослабевает душа его. Особенно же — <при встрече> с женщиной, а также если посещают его многие: при лицезрении их душа по необходимости обуревается тщеславием. Короче, когда бы ум-кормчий ¹¹⁵ ни встретился с миром, уподобляется он капитану ¹¹⁶, который при мягком попутном ветре ¹¹⁷ спокойно вел <корабль> по морю в сторону гавани — и вдруг оказался выброшенным на рифы ¹¹⁸.

Перевод с сирийского
иеромонаха Илариона (Алфеева)

¹¹⁴ В рукописи British Library, Add.14633 добавлено на полях: «О чрево, госпожа пороков!» Именно этому чтению следует греч. перевод, в котором данное место читается так: «или слишком часто беседует он с миром и похотями его, или <это случается> от чрева, госпожи всех пороков».

¹¹⁵ Сир. *hawna šanoza*. Слово *šanoza* имеет два значения: 1) кормчий, штурман, капитан; 2) беглец, беглый раб. В греч. переводе — ὁ δραστήσιον (беглец).

¹¹⁶ Сир. *qubarnita* является калькой с греч. κυβερνήτης (капитан, кормчий).

¹¹⁷ Букв. «при мягком дуновении ветра сзади».

¹¹⁸ Греч. «И если следует сказать коротко, подобен ум беглеца, когда бы ни встречался он с миром, кормчему, в тишине двигавшемуся по морю, и вдруг наскочившему на камни и потерпевшему кораблекрушение. Богу же нашему слава, держава, честь и великолепие во веки. Аминь».

ДИССКУСИЯ

КАНОНИЗАЦИЯ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ: ЗА И ПРОТИВ

Митрополит Сурожский АНТОНИЙ:

Почему возможна канонизация Царской семьи? Критиковали Государя как императора, как правителя, но никто никогда худого слова не сумел и не посмел бы сказать о нем как о семьянине, как о человеке. Его кротость, доброта, простота, смирение, супружеская верность, весь его облик — все это говорило о том, что как частное лицо он истинный христианин. Он оказался на троне в самое трудное, самое сложное и трагическое время русской истории; он не справился с событиями, которые, как гроза, поднимались на горизонте; но какой вывод мы можем из этого сделать? Можно ли быть уверенным, что другой бы справился? Говорит это только о том, что Николай II не оказался ни Петром Великим, ни Иоанном Грозным, что он не был одним из тех правителей, которые, как молот, дробили все вокруг и на время восстанавливали порядок, но так восстановленный порядок вел к новой трагедии.

Мы можем сказать, что с точки зрения политической Николай II не был идеальным монархом (хотя и это мы сейчас еще не можем до конца определить); конечно, он делал ошибки. Но человек остается человеком до конца, даже в святости своей он остается порой *не*-совершенным. Совершенство его заключается не в том, что он без пятна и порока, — без греха только Христос, — а в том, что при всей своей слабости он направляет все свои силы, все свои убеждения на то, чтобы творить добро и исполнять волю Божию. И вот о Государе Императоре можно сказать, что он сделал все, что умел сделать; и он является как бы образом, своего рода «иконой» невинно убиенных, которые имели свои недостатки, но которые, несомненно, всеми силами души, всеми силами своей воли и убеждения были устремлены к тому, чтобы через них совершилась воля Божия и чтобы их человеческая деятельность была достойна их положения.

Это не пустые слова. Я могу привести две цитаты в доказательство этого. Одна взята из письма Государя Императора: «Я имею больше чем предчувствие, полную уверенность, что я предопределен ужасным испытаниям и не получу награды здесь, на земле. Быть может, нужна искупительная жертва, чтобы спасти Россию. Я буду этой жертвой. Да свершится воля Господня! Для России, для ее счастья я готов отдать и трон, и жизнь». Такие слова можно говорить только из глубины громадной, изумительной любви и к тем, кого Бог поручил твоему водительству, и из глубины совершенной веры в Бога, т. е. полного доверия к Богу и к Его путям.

Положение Государя Императора Николая Александровича тем особенно, что он *выбрал* этот подвиг. Он мог бы уйти. Ему предлагали возможность скрыться, переехать за границу под защиту иностранных и инославных людей, но он решил остаться со своим народом; больше того: мне кажется, что один из его самых великих подвигов в том, что он не только сам остался, но обрек на ту же самую трагическую, мученическую судьбу и свою жену и детей. Жена могла это сделать по своему собственному выбору, но он принес как бы в дар Богу своих детей, которые не могли принимать никакого решения — не потому что они были малолетние, а потому что были связаны со своими родителями такими связями любви, которые не могли быть расторгнуты.

Часто критикуют Государыню. Приведу цитату и из ее письма: «Вся жизнь — борьба, а то не было бы подвига и награды. Ведь все испытания, Им посланные, все к лучшему. Везде видишь Его руку. Делают люди тебе зло, а ты принимай без ропота. Он и пошлет ангела-хранителя, утешителя Своего. Никогда мы не одни. Он — вездесущий, всезнающий, сама любовь. Как Ему не верить!»

Это писалось 15 марта 1918 года, когда Царская семья была в тисках плена и жизнь висела на волоске. Такие слова можно сказать только из глубокой, спокойной уверенности в Боге и из глубины готовности все отдать для Родины, для своих. А что сказать о Царевиче и Царевнах? Вот стихотворение, которое было написано Великой княжной Ольгой Николаевной. Оно было написано действительно «у преддверия могилы», перед самой их смертью:

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народные гоненья
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест, тяжелый и кровавый,
С Твоею кротостью встречать.
А в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья,
Христос Спаситель, помоги.
Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.
И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

Разве здесь не отзвук слов Самого Спасителя, когда Его пригвождали ко кресту и когда Он молился: «Отче, прости им. Они не знают, что творят»? И разве человек, который так соединился с Христом, — я говорю сейчас и о Государе, и о Государыне, и о Цесаревиче, и о Великих княжнах — разве они не составляют одну таинственную частицу, как бы частицу воплощенного распятого Тела Христова — распятого за спасение Родины, людей? Вот почему я думаю, что справедливо их причислить к лику святых и что рано или поздно, когда все политические предрассудки, все страхи пройдут и можно будет посмотреть спокойным, благодатным взором на их мученическую кончину, их причисление к лику святых будет принято всеми. Всеми без исключения. Потому что в них проявилась беспредельная, кроткая, глубокая, жертвенная, крестная любовь Христова.

Великая княжна Ольга писала из Тобольска одному из приближенных их семьи: отец просит передать всем, кто ему остался предан, чтобы они не мстили за него, так как он всех простил и за всех молится; и чтобы они помнили: то зло, которое

сейчас в мире, будет еще сильнее, но не зло победит зло, а только любовь...

Кроме этого, мне пришлось читать в труде, изданном в Америке, цитаты из тех книг, которые Царская семья прочитывала во время своего заключения, и те заметки, которые были сделаны на полях этих книг. Это были писания Святых Отцов Церкви, и почти все они говорили о том, как надо относиться к врагам и как надо готовиться к смерти, как надо свою жизнь отдать до конца без злобы, принести ее как дар родной земле. И вот *эти* свойства перекрывают всю ту критику, которую можно выдвинуть против того, как Государь Император управлял страной, и против личности Александры Федоровны, разделившей с Государем ответственность за последующую судьбу России. Да, середина их жизни была бурей, полной смятения, смущения, ошибок, но когда они стали перед лицом русской трагедии, они не захотели отмежеваться от нее, они вошли в нее полностью, они в единстве со всем народом решили взять и нести этот крест и свою жизнь положить вместе с народом русским.

В глубине души я — монархист, в том смысле, что я верю в единство личности, представляющей целый народ, но не властвующей, а отдающей свою жизнь за него. И в этом отношении Император Николай II это выполнил. Он был слабый правитель, он сделал много ошибок, многое можно критиковать в его деятельности, но одно можно сказать о нем: он считал себя всецело представителем перед Богом своего народа, и считал, что его роль заключается в том, чтобы этому народу служить. И когда этот народ в лице какой-то небольшой кучки революционеров от него отказался, он счел, что его роль — остаться со своим народом, страдать с ним и умирать за него. Святой Иоанн Златоуст сказал в одном из своих сочинений, что всякий человек может править, управлять, но только царь может умереть за свой народ. И вот это выполнил Николай II. В этом его величие, которое как бы снимает те недостатки, те слабости, то, в чем его можно упрекать с точки зрения политической или общественной. Он свою душу, т. е. свою жизнь положил за тех людей, которых он считал вверенными ему Богом.

Канонизация Царской семьи возможна. Но не по политическим, а по нравственным соображениям. И я считаю, что если кто-то в России или где бы то ни было станет пользоваться их памятью, станет из монархических соображений (я говорю «мо-

нархических» — с точки зрения политической) раздувать этот вопрос, то он поступит вероломно, он поступит *против* самых заветных желаний Царской семьи и всех, кто ее почитает. Царская семья *не может* стать знаменем политической борьбы; они уже в той области, где политика отошла, где остается только молитва, победоносная молитва мучеников за многострадальную землю российскую.

*Епископ Диоклийский КАЛЛИСТ
(Константинопольский Патриархат):*

Естественно, я хотел бы высказать свои мысли с известной долей осторожности, поскольку сам я не русский, никогда не жил в России, а потому не имею права судить о внутренней ситуации в Русской Церкви. Но я лично глубоко почитаю русскую императорскую семью. Более сорока лет назад, еще до того, как я стал членом Православной Церкви, я впервые прочитал о страданиях и подвиге императора Николая II и его семьи во время их заточения. Меня глубоко взволновал этот рассказ. Могу сказать, что рассказ об императоре Николае оказал большое влияние на мое решение принять Православие. Лично я, конечно, за канонизацию. У меня дома есть икона Царской семьи, но я не приношу ее в церковь, потому что жду официального прославления Царской семьи Русской Православной Церковью.

Однако я не уверен в том, что именно сейчас — самый подходящий момент для канонизации. Было бы трагично, если бы канонизацию Царской семьи использовали люди, чьи цели не столько церковные, сколько политические. Использование канонизации в политических целях было бы, конечно, искажением жизни и свидетельства последнего царя. Если канонизация состоится, причины должны быть чисто церковными; канонизация не должна быть частью чьей-либо политической программы. Поэтому я думаю, что с канонизацией, может быть, следует подождать.

Я рассматриваю императора Николая и членов его семьи как страстотерпцев, которые через свои страдания и смерть стали причастны страданиям и смерти Христа. В этом контексте я особенно думаю о том, что царевич и его четыре сестры были

совсем юными и не принимали участия в политической борьбе, поэтому без малейшего сомнения их можно рассматривать как безвинно пострадавших. Я также придаю большое значение роли христианского царя как помазанника: согласно традиционному христианскому пониманию монархии, помазанник представляет, воплощает в своем лице весь народ. Страдание императора Николая II может рассматриваться в контексте страданий столь многих миллионов жертв коммунистического периода, в контексте страданий всей нации. Император пострадал в единстве с русскими людьми и ради них. В свете сказанного я думаю, что я буду приветствовать канонизацию Николая II, однако не следует слишком торопиться с этим.

*Протоиерей Леонид КИШКОВСКИЙ
(Православная Церковь в Америке):*

Жестокое убийство Императора Николая II и его семьи вместе с несколькими преданными слугами явилось событием, предвещающим и символизирующим физическое и духовное уничтожение, которое впоследствии стало системой ГУЛАГа советского коммунистического режима. Император, его жена и дети в течение месяцев своего заточения показали множество признаков своей глубокой христианской веры, простоты, смирения и высокой духовности.

Поэтому вполне понятно, что вопрос о канонизации Императора и тех, кто был убит вместе с ним, глубоко волнует сознание многих православных верующих.

Тем не менее вопрос о канонизации Императора должен решаться с большой осторожностью, и некоторые важные духовные проблемы, возникающие в связи с этой канонизацией, должны быть молитвенно осмыслены.

1. Очевидно, что как в Церковь, так и в общество канонизация внесет разделения. В то время, когда напряженность и разделенность в российском обществе может нарушить общественное спокойствие, содействие Церкви должно скорее упрочить социальный мир, чем ослабить его.
2. Для Русской Православной Церкви сейчас время миссии и проповеди слова Божия. После десятилетий гонений Церковь только начала собирать свои духовные силы,

чтобы донести Евангелие до всего общества. Это очень трудное дело.

Существует очень много препятствий, как внешних, так и внутренних, в деле с миссией и евангелизацией. Многие россияне до сих пор страдают от последствий десятилетий духовного и религиозного голода. Вероятно, канонизация царя будет для многих еще одной помехой в их пути к вере, поскольку, по всей видимости, секуляризованному обществу эту канонизацию будет очень трудно понять и принять.

3. Накануне 2000 года Русская Православная Церковь, да и вообще вся Православная Церковь готовится отпраздновать Великий Юбилей рождения Христа. Весь христианский мир — католики, православные, протестанты — готовится к празднованию этого юбилея. Если Русская Православная Церковь канонизирует Императора Николая II в 2000 году, это будет во всем мире интерпретировано как смещение акцента с 2000-летия празднования Рождества Христова на канонизацию Царя и его семьи. И поскольку Русская Православная Церковь является наиболее представительной и видимой из Православных Церквей, Православие в целом будет рассматриваться в контексте этой канонизации. В глазах всего мира может возникнуть подозрение в том, что православные придают меньше значения юбилею Рождества Христова, чем особенностям своей собственной, хотя и весьма трагической истории.
4. Мне кажется, что требуется больше времени как для русского общества в целом, так и для русских православных верующих в частности, чтобы осмыслить события XX века — революцию, войны, концентрационные лагеря. Несомненно, духовной задачей православных верующих является молитвенно размышлять — размышлять в ключе, который бы открыл дорогу к национальному покаянию и примирению. Конечно, для некоторых в Русской Православной Церкви это молитвенное размышление одновременно включает прославление Царя и убиенных вместе с ним как страстотерпцев. Для других же почитание Царя как святого не является частью молитвенной жизни. Тем не менее очевидно, что все православные верующие чтят Царя и погибших вместе с ним как людей, чья насильст-

венная смерть прообразовала жестокие гонения коммунистической тоталитарной системы. Именно это единство в молитве, в почитании жертв насилия и ненависти, в поисках духа покаяния и позволит России понять, что должно быть сделано для продвижения к духовному возрождению общества.

Протоиерей Валентин АСМУС:

В первую очередь следует отметить большую работу Синодальной Комиссии по канонизации святых. Как мне рассказывал член Комиссии, новопреставленный архимандрит Георгий (Тертышников), по мере изучения вопроса о прославлении царской семьи «возражения отпадали одно за другим». Материалы Комиссии опубликованы во всеобщее сведение.

Я глубоко убежден в святости Николая Александровича и иже с ним умученных. От святых ждут чудес. И чем больше узнаешь жизнь русского народа после революции, тем больше убеждаешься в огромной силе нравственного воздействия этих людей на всех созерцающих их мученичество. Поистине мало кто остается равнодушным. И мало кто из неравнодушных не сострадает им. И, могу свидетельствовать, для великого множества страдающих это сострадание стало началом религиозного обращения. Если каждое обращение — чудо, то здесь можно говорить о множественных чудесах.

Но мученическая кончина — не единственное обоснование обсуждаемой канонизации. Очень многое говорит о праведности и глубокой духовности царской семьи, которая, вопреки господствовавшим настроениям, жила идеалами допетровской России. Царь и царица, в отличие от всех предшественников их на русском императорском престоле, ревновали о прославлении угодников Божиих, опережая в этом многих благочестивых современников. Так, канонизация преподобного Серафима и святителя Иоанна Тобольского состоялись по настоянию царственной четы и несмотря на противодействие Святейшего Синода. Одним из первых Николай II обратил внимание на сокровища древнерусской иконописи, и уже в конце XIX в. по его почину начали производиться реставрации икон, ставших в нашем веке

одним из главных миссионерских свидетельств Святого Православия. Всем известны усилия Николая II в области храмоздательства, открытия новых монастырей и церковноприходских школ. Напротив, мало кому известно, что именно государь был инициатором подготовки Поместного Собора, о котором начали говорить после письма государя Победоносцеву от 24.09.1904, где читаем: «...само собой возникает мысль о Всероссийском Церковном Соборе, мысль о котором уже давно таится в моей душе... По многим... вопросам нашей церковной жизни обсуждение их поместными соборами внесло бы мир и успокоение, притом правильным историческим путем, в полном соответствии с преданиями нашей Православной Церкви». Итак, благочестие личной жизни царской семьи соответствовало благочестию церковной политики последнего императора. Но можно сказать, что в государственной своей политике он явился одним из последних в истории христианских правителей. В этом и есть причина его пресловутой «слабости»: он не был способен на жестокости, обычные для революционеров, или на подлости, которыми запятнал свое государство кайзер Вильгельм II, и вообще не хотел ставить в основу политики жестокость, хитрость и обман. Широко распространена негативная оценка Николая II как политика. Однако у того, кто обладает элементарной объективностью и элементарным знанием истории, будет другое мнение. Так, советский историк Г. Иоффе писал, что решение Николая II было «единственно возможным», т. е. иными словами, оптимальным в данных условиях.

Это придется сказать даже о вызывающем столько непонимания отречении государя, которое произошло тогда, когда он убедился, что не может сопротивляться революции по причине предательства высшего генералитета, когда его приказы не передавались и ему не сообщались телеграммы тех, кто сохранил верность ему. Отречение было актом высшего самопожертвования, о чем сказал святитель Тихон Московский в проповеди, произнесенной сразу после екатеринбургского расстрела: «Мы знаем, что он, отрекаясь от престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к ней. Он мог бы после отречения найти себе безопасность и сравнительно спокойную жизнь за границей, но не сделал этого, желая страдать вместе с Россией. Он ничего не предпринимал для улучшения своего положения,

безропотно покорился судьбе». Отречение — это отказ от власти, но не от сана. В Византийской империи отречения происходили достаточно часто, причем было возможно возвращение на престол отрекшегося от него императора, и даже пострижение в монашество, означавшее бесповоротный отказ от власти, не лишало императора царского сана (например, в случае императора Иоанна Кантакузина). Отречение аналогично уходу архиерея на покой, что вовсе не тождественно снятию сана.

Впрочем, вопрос о прославлении царской семьи и вопрос о монархии — вещи совершенно разные. И само екатеринбургское злодеяние не имело того узкополитического смысла, который всегда официально провозглашался. Царская семья (уже не говоря об их верных слугах) не представляла никакой политической опасности для новой власти. Ни один из вождей «белого движения» не говорил вслух о восстановлении монархии. Никто из «союзников» и противников России также не стремился к этому. Истинный смысл убийства царской семьи раскрывает Троцкий, рассказывая в мемуарах, что на вопрос: «Что будем делать с Романовыми?» Ленин ответил фразой одного террориста XIX века: «Расстреляем всю великую ектенью!» Таким образом, убийство царской семьи было не устранением политических конкурентов, но уничтожением самого очевидного символа Православной России, за которым должно было последовать уничтожение других компонентов «великой ектении»: епископов, пресвитеров, диаконов и причта, «палаты и воинства» и т. д. Радикальный утопизм хотел на месте старой России создать страну, в которой не было бы не только царского трона, но и тех, кто поминался на великой ектении, и самих храмов, где она произносится. Конечно, наивно винить в этом одних большевиков. Они выразили вековые чаяния новоевропейского антихристианства.

Когда говорят в нашем обществе о царской семье, неизбежно всплывает имя Г. Е. Распутина-Новых. О нем спорят с таким ожесточением, как будто речь идет о прославлении не царской семьи, но самого Г. Е. «Распутинская легенда» обнаруживает свою несостоятельность. Распутин был православным, и слухи о его хлыстовстве не получили никакого подтверждения. Привели Распутина ко двору лучшие представители духовенства, такие как архимандрит (впоследствии архиепископ) Феофан (Быст-

ров), царский духовник и ректор СПбДА. Можно было бы назвать и других виднейших иерархов, которые были дружны с Распутиным. Главная причина близости его к царской семье — его умение молитвой останавливать кровотечение у смертельно больного наследника. Г. Е. был обращен к царской семье лучшей стороной своей души, и доходившие до царя слухи о его недостойном поведении воспринимались как клевета, вызванная завистью. Это только подтверждает святость царя и царицы. Святые отличаются особой доверчивостью: например, святитель Григорий Богослов приблизил к себе и даже сподобил пресвитерского сана человека, который тут же попытался похитить его кафедру. Распутин же был преданным другом царской семьи, желавшим блага ей и России. Слухи о его политическом или церковном влиянии безмерно раздуты, но то влияние, какое у него было, он стремился обращать на благо простого народа. Не впадая в крайности известного исторического писателя О. Платонова, который доказывает, что Г. Е. Распутин — великий святой старец, можно все же понять интерес царской семьи к человеку, в котором она видела представителя многомиллионного русского крестьянства с его верой и чаяниями.

Вопрос о том, в каком чине прославлять царскую семью — страстотерпцев, мучеников или благоверных князей — представляется мне совершенно несущественным. Самое главное — увидеть их святость. В наших святцах именуются мучениками многие святые, не соответствующие формальному критерию: быть умученными от гонителей веры за отказ отречься от нее. Святой преподобномученик Корнилий Псково-Печерский — только один из многих примеров. Всех, кто до конца остался верен царской семье и разделил ее кончину, нужно прославить вместе с нею. Дерзну даже сказать, что не нужно было бы исключать из этого числа тех, кто по некоторым сведениям был инославным — ведь и самый большой ригорист не может отрицать, что Церковь всегда признавала «крещение кровью».

Канонизация нужна не тем, кто уже прославлен на Небе, но тем, кто пребывает в Церкви воинствующей. Мы нуждаемся в молитвенном предстательстве этих святых. Наш народ, доведенный до грани гибели долгими опустошительными десятилетиями, вверженный в пучину раздора, нуждается в молитвах святых, которые так возлюбили русский народ, которые призывали никому не мстить, всем все простить и — «молиться кротко за

врагов». Верю, что возрождение Русской Церкви, которое идет несмотря ни на что, происходит по молитвам Новомучеников Российских, и прославление Николая II и иже с ним пострадавших необходимо для возрождения России.

Профессор А. И. ОСИПОВ:

Дискуссия по вопросу канонизации последнего российского Императора и его семьи довольно часто принимает неконструктивный характер в силу того, что основное внимание обращается на те стороны государственной, церковной и личной жизни и деятельности Николая II, которые имеют второстепенное значение, мало или совсем не влияющие на решение поставленного вопроса. В настоящей краткой, по необходимости, статье обращаемся только к его существу, не касаясь анализа многих важных фактов, так или иначе характеризующих личность бывшего Государя.

Есть целый ряд серьезных соображений, которые должны, по меньшей мере, заставить задуматься любого непредубежденного человека о причинах возникновения самой идеи канонизации Николая II, ее аргументах и о возможных последствиях ее осуществления.

Первое, что ярко бросается в глаза и вызывает естественное недоумение, это вполне нецерковный шумно-«демократический», рекламный, типично политического характера ажиотаж вокруг данного вопроса. Газеты, журналы, множество брошюр, радио, лекции, проповеди в храмах с поразительной категоричностью требуют от высшей церковной власти прославления бывшего Государя (бывшего, поскольку он сам снял с себя этот сан). От этого, оказывается, зависит даже судьба нынешней России.

Но причисление к лику святых — это не присвоение чина заслуженному христианину и даже не просто уверенность в его спасении. Канонизация есть *прославление* его, то есть свидетельство Церкви о таком высоком, выделяющемся из среды обычного благочестия, уровне его подвига, его жизни, который достоин именно *славы* Церкви и является примером для всех верных ее чад. По этой причине вопрос о том, является ли государственная и церковная деятельность Николая II, его жизнь,

его кончина достойными славы Церкви, имеет принципиальный характер.

Само обсуждение вопроса о святости христианина всегда сопряжено с соответствующим благоговением, смирением и тщательной рассудительностью со стороны истинных его почитателей, а не с кипением страстей и бранью в адрес несогласных (как это, например, имело место у иоаннитов — лжепочитателей праведного Иоанна Кронштадского — что встречается, увы, и теперь). Как проходили, например, последние процессы канонизации святых и новомучеников, в земле Российской просиявших? Были дискуссии? Да. И они — совсем не необычное явление в жизни Церкви. Таковые имели место даже в связи с канонизацией преподобного Серафима Саровского, они возникали при обсуждении и отдельных новых святых. Но никто публично не обвинял несогласных с ним во всевозможных грехах, не требовал, не вел пропагандистских кампаний, не собирал подписей. Отсюда в церковной среде не возникало никаких противостояний, вражды и озлобленности, которыми бы подрывался авторитет Церкви. Сохранялось полное взаимоуважение, был мир между всеми, что всегда является одним из свидетельств дела Божия.

Апостол пишет: в Церкви все «благообразно и по чину да бывает» (1 Кор. 14:40). Поэтому, хотя даже такие новопрославленные нашей Церковью, как, например, Иоанн Кронштадский, Игнатий Брянчанинов, Амвросий Оптинский и другие были, бесспорно угодниками, Божиими и в их святости никто не сомневался, тем не менее все в терпении ожидали часа их церковного прославления и прежде Акта канонизации никто не дерзал совершать богослужения в их честь. А что теперь происходит? Несмотря на то, что процесс рассмотрения вопроса о канонизации Николая II и его семьи не завершен и решения Собора по нему не было, отдельные священнослужители *всенародно* совершают им молебствия, в **храмах** помещают их «иконы» (хотя икона — это образ только прославленного Церковью), в журналах, газетах, в широко издаваемой православной литературе, в том числе для детей, их представляют уже в качестве святых, то есть идет активный процесс внушения, совершается открытый, с прямым вызовом Церкви антиканонический акт. Неужели так можно решать вопрос о святости?! Что, например, сказал бы любой священник верующим, вступившим в брак, не

дожидаясь церковного благословения? — Ответ ясен. Но разве здесь не подобное же совершается?

Естественный вопрос: в чем причина такого революционного, не считающегося ни с правилами, ни с дисциплиной Церкви шага? Вопрос этот для настоящего периода ее жизни, когда со всех сторон, извне и изнутри, расшатывают ее устои, в высшей степени серьезен. Ибо если реформистам не удастся поколебать Церковь слева, то не подрываются ли подобными акциями ее основания справа? Ответа на этот вопрос никто не дает. Единственно же известное на данный момент «оправдание» такого шага поражает своим нигилизмом по отношению и к Церкви, и к истории нашего народа. Оказывается, Николай II станет *«первой святыней России»*. Это убеждение открыто высказано в недавно изданной книге В. Кобылина «Анатомия измены» (СПб., 1998. С. 6), вышедшей массовым тиражом (10 000). (И есть основания полагать, что эту точку зрения разделяют активисты канонизации, ибо их протест в случае несогласия не заставил бы себя ждать.) Но в таком случае все святые земли Русской, которыми духовно и государственно всегда жил и утверждался наш народ: Антонии и Феодосии, Сергии и Серафимы, Иоанны и Тихоны, — прямо отходят на второй план. Разве теперь не ясно, что стоит за этим шагом?

Об аргументах возможной канонизации. Если ставить вопрос о церковном прославлении Николая II, исходя из его жизни, то учитывая многие факты (дарование свобод 1905 г., настойчивое, несмотря на производимый **всеобщий** соблазн, продолжение и углубление связи с Распутиным до самой его смерти, отречение от царства, противозаконное отречение от престола за Наследника, непощение Рузского и др.), говорить об этом в высшей степени трудно. Комиссия Священного Синода по канонизации о его деятельности заявила: «Подводя итог изучению государственной и церковной деятельности последнего Российского Императора, Комиссия не нашла в ней достаточных оснований для его канонизации» (Материалы, связанные с вопросом о канонизации царской семьи. 1996. С. 5.)

И сама по себе страдальческая кончина бывшего Императора не дает оснований говорить ни о ней как осознанном подвиге самопожертвования, ни о нем как святом мученике. Он пострадал не за христианские убеждения, а как политический деятель.

Сначала расстреляли Великого князя Михаила (вопрос о канонизации которого как князя-страстотерпца «активистами» не обсуждается, что является еще одним свидетельством политической, а не церковной мотивации их идеи канонизации царской семьи), в пользу которого Николай Второй отрекся, а потом уже и самого бывшего Самодержца. Сделали это по совершенно понятным идеологическим причинам: убийцы ненавидели монархическую власть и боялись ее реставрации. Но разве такая смерть — достаточный аргумент для прославления? Убийств по этому мотиву, и не менее жутких, в то время было необозримое множество.

Если же достаточной причиной для канонизации считать не праведную жизнь и не исповедничество за Христа, а просто насильственную смерть, то тогда в первую очередь следует прославить Павла I и Александра II, других убиенных царей, князей, бояр, воинов, праведных и неправедных, и всех, и вся. Во что превратится тогда святость нашей Церкви?

Не могут рассматриваться в качестве аргумента и прецеденты причисления к лику святых некоторых убиенных князей на Руси. Во-первых, прецедент — это не доказательство и тем более не правило. Во-вторых, сами эти факты в ряде моментов существенно отличны от трагедии 1918 года. Например, личная жизнь и деятельность князей Бориса и Глеба была святой и безупречной, чего нельзя сказать о последнем Государе. К тому же св. Борис имел все возможности защищаться и рассчитывать даже на победу, чего полностью был лишен Николай II после (а, возможно, уже и до) своего отречения.

Само положительное изменение психологии Николая II и Александры Федоровны в последние месяцы их жизни едва ли может служить достаточным основанием для их канонизации. Весьма многие люди в тяжелые периоды своей жизни перед смертью раскаивались, менялись, но очень немногих и не в силу **только** этого факта Церковь причисляла к лику святых (раскаившийся на кресте разбойник, принятый Самим Сердцеведцем — особый случай). Степан Разин, например, перед казнью у всех просил прощения и сам всех (без исключений) простил и умер, с христианской точки зрения, как праведный разбойник. Но придет ли кому-либо мысль о его канонизации? Можно лишь благодарить Бога, давшего ему покаяться, пострадать за свои

грехи перед народом и таким образом обрести спасение. И казнь Николая II позволяет с большой уверенностью говорить о его **спасении**, из чего, однако, совсем не следует необходимость и возможность его **прославления**.

Но может, быть самое, серьезное, что принципиально не позволяет с христианской точки зрения даже ставить вопрос о канонизации Николая II, это его личное признание, что он всех прощает, но генерала Рузского простить не может. В письме к своей матери он писал: «Бог дает мне силы всех простить, только генерала Рузского простить не могу». Этого признания не снимает свидетельство Великой Княжны Ольги о том, что отец всех простил, так как она ничего не говорит о главном в данном вопросе — простил ли он Рузского? Следовательно, она или не знала об этом, или предпочла, по понятным причинам, молчать.

Поэтому не случаен тот факт, что ни **святой** Патриарх Тихон, ни **святой** митрополит Петроградский Вениамин, ни **святой** митрополит Крутицкий Петр, ни **святой** митрополит Серафим (Чичагов), ни **святой** архиепископ Фаддей, ни архиепископ Иларион (Троицкий), который, без сомнения, вскоре будет причислен к лику **святых**, ни другие ныне прославленные нашей Церковью иерархи, новомученики, знавшие значительно больше и лучше, чем мы теперь, личность бывшего Царя — никто из них не высказал (а в то время это еще было возможно) мысли о нем, как святом страстотерпце. Но почитание действительно такового, особенно людьми святыми, начиналось сразу по его мученической кончине.

Страдания и смерть последнего Императора объективно говорят лишь об одном: Бог дал ему возможность пострадать за те грехи, которые он совершил (осознанно или неосознанно) против России. Эта мысль о виновности Императора в страданиях России была высказана еще за десять лет до Екатеринбургской трагедии праведным Иоанном Кронштадтским в его недавно обнаруженном рукописном дневнике. В записи от 9 октября 1908 года есть такие слова: «Земное Отечество страдает за грехи Царя и народа, за маловерие и недальновидность Царя, за его покровство неверию и богохульству Льва Толстого...» На следующий день святой Иоанн молится: «Господи, да воспрянет спящий Царь, переставший действовать властью своею...» (ЦГА. СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 71, л. 40—40 об. См. *С. Л. Фирсов. Пра-*

вославная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996).

Необходимо осмыслить и те последствия, которые может повлечь за собой канонизация бывшего Императора. Сам вопрос о ней уже вызвал такое противостояние в церковной среде, в народе, которого в истории нашей Церкви еще не было. Уже вместо трезвого, серьезного обсуждения естественных в подобном случае проблем начались в православных средствах массовой информации самые жесткие, совершенно не подходящие христианам обвинения перед лицом внешнего мира своих же собратьев. Это ли не соблазн для еще не утвержденных в вере и не прямой подрыв проповеди Церкви о христианской любви! Возможная же канонизация при явном несогласии с ней очень многих (например, во время встречи митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия с учащимися Московских духовных школ 31 марта 1997 года выяснилось, что таковых приблизительно половина) способна еще серьезнее осложнить ситуацию в нашем обществе и разделить его еще по одному признаку, ибо многими данный акт будет воспринят как принуждение их совести к почитанию того, в ком они не видят должного примера христианской жизни и святости.

По меньшей мере странна и пропагандируемая сторонниками канонизации идея ответственности нашего народа за грех царевбийства и призыв ныне живущих к покаянию в нем. Разве не очевидно, во-первых, что в грехе повинен совершитель греха, а не тот, кто в нем не принимал никакого участия? Во-вторых, что покаяние — дело личной совести самого человека, и никто другой не может каяться ни за него, ни за кого бы то ни было: ни за родных, ни за друзей, ни тем более за предков. Можно и нужно молиться за них, но невозможно каяться вместо них. Ниневитяне каялись за себя, а не за своих дедов и прадедов, каялись в своих грехах, а не в грехе убийства Авеля. В-третьих, совершенно непонятно, почему наш народ повинен в убийстве именно Николая II, а не императоров Александра II, Павла I, Петра III, царя Феодора Борисовича Годунова, или Великих князей Сергея, Михаила, или святых Бориса и Глеба? Что это значит? И последнее. Идея виновности народа за грех царевбийства не ведет ли к тому, что наш народ, в первую очередь русский, становится главным преступником, а действительные убийцы уходят в тень? И в таком случае не стимулирует ли эта

идея возникновения в народе болезненного комплекса виновности, вполне ложного, в том числе и потому, что, в отличие от любого другого греха, который можно омыть покаянием, здесь никто не знает, в чем и как должно каяться, чтобы очиститься от **этого** греха. (Интересно, что решит священник, если ему кто-либо покается в грехе цареубийства?)

Память каждого, невинно, по человеческому рассуждению, пострадавшего всегда вызывает благоговейное почитание. Миллионы и миллионы таковых предстают сейчас нашему взору. Екатеринбургская трагедия является одной из самых ярких. Все это знаки, свидетельствующие о непостижимом для нас Промысле Божиим, ведущем каждого человека своим путем к вечной жизни. Но если, по Апостолу, «иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе» (1 Кор. 15:41), то какой славой здесь, на земле, достойно увенчать каждого из них — дело только соборного голоса Церкви. Поэтому не станем предвосхищать его суждение, не поддадимся искушению выдать свое мнение за этот голос, не будем провоцировать словом или делом нездоровые споры. Остережемся прежде него и вместо него сами совершать «прославление». В терпении умолкнем до Собора. Соблюдаем мир. Ибо только таким шагом **смирения** перед соборным разумом Церкви мы истинно почтим память и последнего Государя, и всех невинных страдальцев нашей святой Руси.

Диакон Владимир ЗЕЛИНСКИЙ
(Константинопольский Патриархат) *:

Приступая к этим размышлениям (по малости места скорее даже тезисам), останавливаюсь мысленно перед словами Господа: «...от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Мф. 12:37). Что вправе сказать рядовой христианин и грешник,

* Диакон Владимир Зелинский (1942 г. р.) окончил филологический факультет МГУ. Автор книг «Приходящие в Церковь» (1982), «Дабы уверовал мир...» (на франц. языке, 1989), «История Почаевской Лавры» (1991), «Открытие Слова» (1994), 10 книг богословских переводов и многих религиозно-философских статей на разных языках. С 1991 года живет в Италии, где выступает с лекциями о православном богословии. С декабря 1997 г. — диакон русских православных приходов во Флоренции и Сан-Ремо (Константинопольский Патриархат).

«паче всех человек», о человеке, которого Церковь готовится прославить как мученика и страстотерпца? Тем более, когда человек сей — последний русский император. Но не осудишься ли и от лукавого умолчания, от робости «ленивого раба», закопавшего ту правду, что лежит на сердце?

Неоспоримо, что гибель царя исторически и мистически оказалась у самых истоков «огненного искушения» России и Церкви. И, стало быть, венец мученический должен освятить собою шапку Мономаха. Да и близость той казни по духу и обстоятельствам к убиению святых страстотерпцев Бориса и Глеба очевидна для всех. Удивительно то, что у самых корней русской святости мы находим тот же облик Христа страждущего, ту же молитвенную кротость, ту же незлобивость и всецелую покорность воле Божией, что с такой же духовной неоспоримостью повторяются через 9 веков. И тот же «кенотический» образ Царя Небесного в «зраке раба», ставший пророческим видением России: «Как агнец пред стригущими его безгласен, так Он не отверзал уст Своих» (Ис. 53:7). И разве канонизация не должна быть еще одним утверждением этого образа, еще одним исповеданием Христа, «изобразившегося» в жертвенной смерти?

Если наше зрение вмещает только безгласного агнца, то святость его говорит сама за себя. Тем более, что венценосный страстотерпец, кажется, впервые после XVII века, мог быть назван «благочестивейшим» и в семейной своей жизни, что отличался он живой, отнюдь не ханжеской верой, нечванной простотой в обращении с подчиненными и неравными, да и той обаятельной мягкостью, что так часто покоряла его собеседников. К тому же гибель его и всей семьи была тем неприкрытым проявлением «духов злобы поднебесной», что обращается не против срединной посредственности, но именно против святой человечности. Значит, без колебаний мы должны сказать святости «да»?

Таков один выбор нашего сердца. Но есть и другой. Он дает знать о себе сразу же, как только, отвлекаясь от образа Агнца-Царя, мы начинаем думать о царстве. И эта память также не может обойти мученичества. Только теперь уже не царя, но из-за царя. Сколько людей — имена же их Ты, Господи, веси! — безвинно утратило жизнь по прямой или косвенной воле последнего российского самодержца? Сегодня нельзя без неловко-

сти вспоминать о том, о чем столько лживых или корыстных уст утверждали нам с детства, и все же не знаю, что нам с этой памятью делать. Зачеркнуть и забыть? Бывшее сделать небывшим? Списать на «злых людей» или на Промысл Божий, который всякое стерпит? Куда деть вот эту чуть ли не тысячу безоружных людей, убитых 9 января (сколько бы ни было там чьих-то иных провокаций, виновностей, привходящих обстоятельств), без единого слова покаяния со стороны того, кого эти выстрелы якобы защищали? Бегло вспомнив русскую историю, единственную по масштабам аналогию тому — убиению царем или от имени царя царских подданных — нахожу лишь в новгородской резне Ивана Грозного. Николай был, конечно же, иным: добрый, сдержанный, никогда не повысивший голос, пусть даже «закланый за грехи России», и все же кровь смердов и кровь царей одного цвета.

И что делать нам с памятью о тех миллионах и миллионах, что погибли в двух бессмысленных войнах? Для святого вовсе не обязательно быть хорошим политиком, пожалуй, даже напротив. Но коль скоро речь идет о главе государства — вспомним русских святых князей — здесь святость уж никак не может идти стопа в стопу с государственной беспомощностью. «Дерево доброе приносит и плоды добрые» (Мф. 7:17), а какие плоды принесла война 1904 года, и особенно 1914? От тех плодов мы и сегодня, на исходе тысячелетия, еще никак не можем прийти в себя. И вот руку, дважды столкнувшую Россию в кровавую яму (когда никакой прямой военной угрозы для нее не было), лобызать как руку святого? Даже если то была только глупость, а не соучастие в невиданном преступлении и грехе, все же очень далека такая глупость от блаженной. Царь не ответственен за тот «настоящий двадцатый век», что после него начался, но все же именно он был одним из тех, кто проложил ему дорогу первыми трупами. И как тогда усмотреть в нем образ Того, Кто сказал «Из тех, кого Ты Мне дал, Я не погубил никого» (Ин. 18:9)?

Можно сказать, что царская жизнь не так и важна, важна только царственная смерть. И своя правда в этом есть. Но дело в том, что смысл, цель, «подтекст», я бы сказал даже, пафос предстоящей канонизации — вовсе не прославление только страстотерпца и агнца, но прежде всего Императора и Помазан-

ника Божия. И перед этим главным аргументом «от помазанничества» отступают и обессиливают все аргументы от истории, как рассыпаются все трезвые «за» и «против» перед логикой влюбленного сердца. Причем влюбленность эта обращена чаще всего не столько на человеческое лицо царя, сколько на воспоминание об убитом царстве, на икону или персону былой — и чаемой! — монархии. На этой иконе изображается, как преисподние силы, восстав из бездны на Россию, единственный оплот правой веры, принесли в жертву Агнца-помазанника, чтобы прервать ее сначала долгому коммунистическому, а затем и «демократическому» беснованию, но оказались бессильны пленить ее душу. И вот теперь, чтобы изгнать окончательно бесов, Россия должна вернуться к своей небесной святости и монархической правде земной, и канонизация Царя-Мученика должна послужить тому церковным прологом.

Пока оно остается влюбленностью и вырастает из «логики сердца», такое видение обладает своей убедительностью и правотой, тем более, что совсем недавно оно составляло часть православного предания. Но как только оно соединяется с ненавистью, то делается тотчас шершавой идеологией, которая, как и всякая идеология, захочет подавить другие, чтобы навязать себя. Каждый имеет право на свою ностальгию и «творение икон», но не все иконы должны становиться неотъемлемой частью нашего иконостаса. И не станет ли канонизация Царя и Помазанника тем тонким духовным насилием над совестью, которое свяжет Православие и поиск жизни во Христе с непременным «монархическим чувством» и иконой империи в дорогом тяжелом окладе?

«Цари господствуют над народами и владеющие ими благодетелями называются, а вы не так...» (Лк. 22:25—26). «Вы не так», это значит, вы верите, мыслите, живете в других категориях, иных ценностях, где жизнь человеческой души важнее славы мира сего. Канонизируя Николая II, мы обводим золотым нимбом именно такую славу, выставляем как мощи на поклонение какую-то одну часть российской истории, попирая и презирая другую, делая ее несущественной или небывшей. Но та история отразилась на судьбе каждого человека, кто жил в России в нашем столетии, и не просто будет разделить ее на два куска.

Всякая канонизация есть еще и свидетельство о вере. Что скажет миру о нашей вере прославление императора Николая? На Западе, с коим оказался связан жизненный опыт автора этих строк, иногда нельзя не почувствовать той великой жажды по Православию, которая подспудно, а порой и сознательно дает о себе знать. Те богатства, которые есть у нас: и красота Литургии, и видение «умного неба», и то, что «Царство Небесное силою берется», и «Царица моя Преплагая» и особое измерение Духа Святого, и жизнь в Нем, и многое другое — этой полноты и глубины ищет западная душа, которых нет в западном христианстве (где есть много доброго, но такого нет). И вот, настроиваясь на проповедь об истинной Церкви, самой верной Евангелию, Апостолам и Отцам, она вдруг то слышит историю епископа, сжигающего книги лучших православных богословов, то видит «народную оппозицию», где образ Всемиловитого Спаса шествует в демонстрации рядом с портретами двух антихристов во плоти. Обычный человек читает, увы, газеты, а не преподобного Максима Исповедника. Слышишь жалобы на засилье иностранных миссионеров в России, но где же миссия Православия на Западе? Служит ли ею тот сусально агрессивный его суррогат, запечатанный, с одной стороны, позолоченным лубком монархии, а с другой — обмазанный дегтем вездесущих заговоров и злобы на инаковерцев? И тогда не к нам ли слова Христа: «Горе вам... что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете» (Мф. 23:13)?

То, что царь в смерти своей — мученик, несомненно. Но в жизни — порой и мучитель. И тот, и другой поневоле. Вечная память и вечная молитва о нем. Но как молиться ему?

Говорят, что святость вырастает прежде всего из свидетельства души, когда жизнь христианина, независимо от обстоятельств его жизни, преломляется, как бы «предлагается» в наш внутренний опыт о нем, когда Бог творит нам святого из очевидности сердца. Верно. И там, где это таинство «пресуществления» произошло, никто не вправе лишать нас этой святыни. Но как быть тем, в чьих сердцах оно не совершилось? И не совершилось не просто по незнанию и холодности, но по внутренней достоверности иного рода?

Мы говорили о царе, не вспомнив о тех, кто разделил его судьбу: царице, детях, слугах. Судьба царицы неотделима от

судьбы царя, и роль ее в русской истории не была только праведной. И потом эта нелюбовь к царице чуть ли не всей России, разве закроешь ее нимбом? Что касается детей, царевича и царевен, то агнцами были как раз они, и я думаю, не может быть никаких веских возражений против их канонизации. Образ святых страстотерпцев Бориса и Глеба может быть отнесен только к ним. И этот свет коснется и родителей.

Ну а слуги? Все ли они были православными? Можно сказать, что все они вместе с царской семьей были в тот момент единой Церковью. Более того, Церковью святых. И из Церкви земной они перешли в Церковь Небесную. У слуг был выбор, они могли уйти. Но они не ушли. И если существуют такие вещи, как святость долга и верность до смерти, то к кому, как не к ним, они могут быть отнесены? В человеческой памяти они остались теми незаметными и последними, кто в Царстве Божием оказывается पहले других.

Да, действительно, царь с царицей, детьми и слугами, расстрелянные в подвале Ипатьевского дома, были в тот момент малой Церковью святых, и свет Христов облакает их всех. Но Церковь на земле должна возвестить об этом свете только тогда, когда он обнаруживает явную, неоспоримую, покоряющую святость, когда он не замутнен никакой тяжелой памятью, чужой кровью, замаскированной политикой или реакцией на сегодняшний день.

«Все же обнаруживаемое делается явным от света, ибо все, делающееся явным, свет есть» (Еф. 5:13).

Диакон Андрей КУРАЕВ:

Нарочитое прославление в лике Святых имеет не онтологическое, а педагогическое значение для земной Церкви. Актом канонизации Церковь призывает подражать жизни святого, его прославленного. И пастырски необходимо пояснять, что же именно заслуживает подражания в жизни новопрославленного угодника. В храм вносится новая икона нового святого. Проще говоря — что именно в нем достойно прославления и подражания: то, что у него была нестриженная борода, или то, что в его сердце жили любовь и молитва? Какой урок можем мы вынести из отречения Императора?

Представим, что через какое-то время в России вновь появится искренне православный правитель. Ради простоты этого мыслительного эксперимента — не будем уточнять, как именно он будет называться: император, президент, генсек, диктатор или премьер-министр. Понятно, что, как только он начнет проводить открыто национальную и православную политику, он станет испытывать серьезнейшее давление со стороны тех сил, что не желают видеть Россию ни сильной, ни православной. И вот однажды к новому Государю приходит новая делегация «думцев» во главе с новым «родзянко». И жестко поясняет правителю: если Вы не отказываетесь от власти, то в стране начинается то-то и то-то — в диапазоне от натовского вторжения до гражданской войны. Православный правитель, сознающий себя прежде всего человеком Церкви и лишь затем — политиком, просит дать ему время на молитвенное размышление. Уединившись, он пробует найти вразумления у Церкви. Как это принято у православных людей — он ищет святого прецедента. Был ли в истории случай, когда православный правитель оказывался перед похожим выбором? Какой выбор он сделал? И как этот выбор восприняла Церковь? И вспоминает: был русский император Николай. Перед лицом подобного ультиматума он отрекся от престола — а в итоге Церковь прославила его как святого. Что ж — значит, и мне нужно идти этим путем. Что тут нужно подписать? Дайте мне ручку: «Заповедуем преемнику нашему править на тех началах, кои будут *ими* (т. е. — путчистами) установлены»... И еще на десятилетия Россия будет ввергнута в пучину национального разгрома и позора.

Итак, прославление императора Николая не может быть совершено без недвусмысленного предупреждения о том, что Церковь не призывает подражать поведению Императора в день отречения. Не за оставление Престола (о котором сам Император позднее сожалел ¹, прославляет его Церковь — а за нечто иное. Если мы не сделаем такого внятного разъяснения, которое отде-

¹ «Императору мучительно было видеть теперь бесплодность своей жертвы и сознавать, что, имея в виду лишь благо родины, он принес ей вред своим отречением. Эта мысль, все чаще приходя в голову Государя, все больше его угнетала, и впоследствии ей суждено было сделаться причиной его глубокой душевной тоски и нравственного страдания» (Жильяр П. Трагическая судьба Русской Императорской Фамилии. Таллинн, 1991. С. 73).

лит: 1) человеческую немощь от уникального волеизъявления Промысла и 2) уникальное волеизъявление Промысла от общехристианских добродетелей, проявленных Николаем Александровичем в тех или иных ситуациях (добродетелей, естественно, достойных всяческого подражания) — то эта канонизация будет использована для борьбы против самой Церкви. Если отречение было Чудом (волей Божией, вложенной в сердце помазанника) — то оно должно быть названо Чудом. А Чуду подражать нельзя. Чудо нельзя имитировать. Чудом нельзя руководствоваться. Единственный урок, который можно вынести в таком случае из акта отречения: человек, даже царь, должен слушаться воли Творца. В тот уникальный момент эта Воля состояла в том, чтобы император отрекся. Но никак нельзя считать, будто Воля Бога всегда будет таковой во всех похожих ситуациях.

И так мне, равно как и другим проповедникам, постоянно приходится слышать: «Да как вы смее возражать на нашу критику вашего Православия? Вы, христиане, должны быть кротки и послушны. Ударили по одной щеке — благодарите и подставляйте другую!» А тут мы проведем канонизацию отрекшегося Государя. И нас еще с большим энтузиазмом начнут осаживать: «Следуйте тому образцу, который вы сами признали для себя каноническим! Отрекайтесь! Уступайте! Подписывайте!»

Нельзя забывать, что первыми тему трагической гибели императорской семьи и даже необходимости ее канонизации подняли радикально-демократические средства массовой информации («Огонек» и «Московские новости»). Конечно, отнюдь не все, происходящее в журналистике, происходит со столь далеким расчетом. Но кто же даст гарантию, что именно в данном вопросе этого расчета не было? В любом случае учесть возможность антицерковной интерпретации антицерковными силами церковного деяния по прославлению Императора — необходимо. И наша реакция должна быть не реакцией «вдогонку», она должна быть превентивной и содержаться в самих соборных документах.

Нельзя канонизацию последнего русского императора провести так, чтобы был поставлен под сомнение тот смысл, который содержит в себе сама идея церковно-государственного симфонизма. Иван Ильин писал о «государственной мудрости пра-

вославия»². Прославление императора, снявшего с себя тот меч, что вручила ему Церковь для ее защиты, ставит под сомнение правомочность самого замысла православной государственности. Перед христианином неизбежно встанет выбор: на чьей стороне правда — на стороне св. Александра Невского, с мечом вышедшего навстречу врагам России и Церкви, или на стороне св. царя Николая, отказавшегося от меча? Известно, что крепче всего в памяти запечатлевается именно последнее слово и последнее событие. Мне лично очень не хотелось бы, чтобы в памяти последующих христианских поколений в России запечатлелся образ Святого Царя, святость которого, согласно расхожим толкованиям, состоит именно в том, что он отказался от борьбы за сохранение своей власти. Ситуацию 1917 года не стоит сводить к вопросу о личном властолюбии Императора, а в его отречении видеть лишь победу над помыслом властолюбия. Личная аскетика — это одно, а церковное послушание — нечто иное.

Так как нам разомкнуть эту цепочку: Церковь дала Николаю Александровичу императорское послушание — Николай Александрович без совета с Церковью это послушание с себя снял — Церковь его прославила как святого? За что именно? За отречение, то есть за отказ от послушания? Или за что-то иное? Это должно быть разъяснено.

Сравнивают отречение Николая с непротивлением Бориса и Глеба. Но сравним плоды их поступков: князья своим отказом избавили Русь от междоусобной войны; Царь — напротив, открыл для нее дорогу. Так что если судить по последствиям — то отречение Николая не похоже на поступок древних князей.

Сопоставим также и обстоятельства. Борис и Глеб были скорее княжичи, чем князья (Борис подчеркивал, что готов слушаться своего старшего брата Святослава: «Будь мне отцом и господином»). Борис и тем более Глеб отвечали только за самих себя: ответственность за народ еще не лежала на них. Не так с царем: полнота власти и полнота ответственности у него уже были.

На это размышление обычно возражают: но ведь Государь не добровольно отрекся, он был вынужден это сделать. Он использовал все возможности для сохранения традиционной вла-

² Ильин И. А. О сопротивлении злу силою. Лондон, Канада, 1975. С. 5.

сти в России, но генералы предали его. Он лично обзванивал штабы фронтов и спрашивал командующих — поддержат ли они его. И лишь убедившись, что армия его не поддержит — принял отречение... Но в таком случае между Николаем и Борисом с Глебом различие еще большее. Они отказались ценой жизни своих дружинников восходить на киевский престол. Дружинники просили Бориса повести их на Киев и силой добыть для него княжеский престол — Борис отказался. Николай сам просил армию пойти на Петроград и защитить его престол — армия отказалась. Разница все же ощутимая.

В чем же подвиг христианского отречения — если он совершен не добровольно, а вынужденно?! Можем ли мы представить, чтобы князь Борис сначала опросил всех своих дружинников — готовы ли они пролить свою кровь, защищая его, а лишь встретив отступничество, вышел бы из своего стана навстречу недругам? Тут или — или. Или император отрекся добровольно — и тем самым первым нарушил завет между Романовыми и Россией³. Или он отрекся вынужденно (после того, как Россия оставила его) — но в таком случае сам акт отречения не несет в себе нравственно-христианского смысла.

В дневнике Государя есть запись: «28 февраля. Лег спать в 3¼, т. к. долго говорил с Н. И. Ивановым, которого посылаю в Петроград с войсками водворить порядок»⁴. Со слов командующего Петроградским военным округом С. С. Хабалова известно,

³ В акте отречения Николая II содержится вполне явственное отречение не только от своей личной власти, но и вообще от принципа монархического устройства жизни в России. Фраза «заповедуем брату нашему Михаилу править в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены» означает передачу реальной власти парламенту. «Начала» государственного устройства жизни России теперь, по смыслу этого акта, должны определяться Думой, «представителями народа», и оттуда они будут диктоваться декоративному Императору. Факт есть факт: прежде, чем народ отрекся от монархии, от нее отрекся последний Царь: отрекся не просто от своей личной власти, но и вообще от самого принципа Монархии. В былые эпохи истории Православия бывали монархи, уходившие с престола (как вынужденно, так и по добровольному влечению к монашеству). Но никто из них не уносил с собою сам принцип монархического устройства общества. И если Церковь прославляет именно этого Царя и именно за этот подвиг отречения — значит, вполне логичны заявления Священноначалия, что канонизация последнего Монарха не означает канонизации самого принципа Монархии.

⁴ Дневники Императора Николая II. М., 1991. С. 625.

что еще 26 февраля 1917 г. Николай II приказал стрелять по демонстрантам⁵. Солдаты не выполнили этот, увы, весьма уместный приказ. Если этот приказ был — Император действовал верно, именно как Император. Но в таком случае о добровольном отречении и мученичестве не может быть и речи. Если бы бунт удалось пресечь — Церковь и Россия могли бы прославить Николая Александровича как благоверного императора. Но мученик все же иным путем идет к своему венцу... А если приказа не было — что ж, может, личная жертвенность и была проявлена в этом молчании Императора, но в таком случае не может быть и речи о том, чтобы видеть в нем образец христианского политика.

Итак, объясняя акт канонизации последнего русского Государя, Собор должен четко пояснить: что именно в жизни Императора до отречения, в самом отречении и в его жизни после отречения достойно подражания, а что — нет.

Вообще же эта канонизация, которая, очевидно, совпадет с рубежом тысячелетий, будет нести в себе изрядный заряд модернизма (употребляю это слово без всякой ценностной окраски — позитивной или негативной). Ее мотивы (по крайней мере, как они высказаны в документах Собора 1997 г.) несут в себе очень интересный оттенок. В наш век всевозможных образов («имиджей») и «виртуальной реальности» очевидно, что слово первичнее дела, точнее, что само слово и есть дело, очевидно, что идея и есть реальность. Какая идея воцарится в умах людей — такой и будет та реальность, которую они перестроят под себя. Вот и при этой канонизации всматриваются не столько в то, что происходило в душе Царя, сколько в то, как его воспринимали его палачи, и как воспримут акт его сегодняшнего прославления наши современники. Самый неоспоримый довод в пользу канонизации поясняет: царь канонизируется потому, что его имидж в сознании палачей сливался с образом России и Церкви. Стреляли не в гражданина Романова. Стреляли в Россию и в Церковь. Вот Церковь и говорит: те, кто стреляли в Царскую семью (и отдавали приказ об этом расстреле), сами считали, что стреляют в меня. Значит, Царская Семья ради меня пострадала, и потому я не могу их образы убрать из своей памяти, не могу не видеть их рядом с Христом. А потому и пою им не только «вечную память», но и величание.

⁵ Русское прошлое. Вып. 1. Ленинград, 1991. С. 14.

БИБЛИОГРАФИЯ

«НОВОЕ СЛОВО» В ИЗУЧЕНИИ БОГОСЛОВСКОГО НАСЛЕДИЯ ЕВАГРИЯ ПОНТИЙСКОГО

Богатое богословское наследие Евагрия Понтийского, ученика Великих Каппадокийцев, жившего и творившего в IV веке, к настоящему моменту достаточно хорошо изучено западными учеными. На английском, немецком и французском языках имеется обширная библиография по Евагрию. Детальному анализу подверглись различные аспекты богословского и аскетического учения этого автора, который, несомненно, сыграл большую роль в становлении восточно-христианской монашеской письменности, но был осужден за оригенизм V Вселенским Собором (553 г.). Однако на русском языке до недавнего времени не существовало исследования, посвященного Евагрию.

В данной связи появление целого тома текстов Евагрия¹ в переводе А. И. Сидорова с обширным введением и еще более обширными комментариями можно было бы только приветствовать. Польза от такого издания могла бы быть очень большой, если бы не ряд недостатков, присущих работе и в значительной степени сводящих на нет ее достоинства.

Прежде чем говорить об этих недостатках, отметим, что работа, посвященная Евагрию, была шесть лет назад, то есть еще до выхода в свет, представлена ее автором в Совет Московской Духовной Академии в качестве диссертации на соискание ученой степени магистра богословия (в настоящее время автор является кандидатом богословия). Работу, однако, так и не удалось защитить, поскольку она была отрицательно оценена одним из оппонентов, профессором Б. А. Нелюбовым, усмотревшим в ней попытку оправдания ориге-

¹ Творения *аввы Евагрия* / Предисловие, перевод и комментарии А. И. Сидорова. М.: Мартис, 1994.

низма. Остается лишь сожалеть, что А. И. Сидоров не прислушался к критике своего ученого коллеги и выпустил в свет труд, который явно нуждается в весьма существенной переработке.

Из обширного наследия Евагрия А. И. Сидоров перевел весьма немного, причем главным образом то, что уже имелось в русском переводе. В частности, “Слово о молитве” (153 главы), “Слово о духовном делании” и “Зерцало иноков и инокинь” были переведены в прошлом столетии святителем Феофаном Затворником (они содержатся в 1-м томе “Добротолюбия”). “Послание о вере” Евагрия также было переведено на русский язык (оно имеется в собрании писем св. Василия Великого). Впервые переведены лишь “Умозритель”, “Умозрительные главы” и “Мысли”. Общий объем этих произведений составляет 16 страниц². При этом часть глав “Умозрителя”, который полностью сохранился лишь на сирийском языке, переведена с французского перевода. Вряд ли перевод 16 страниц Евагрия, из которых к тому же часть переведена с французского перевода, может считаться значительным вкладом в русскую богословскую науку.

Однако главным и наиболее существенным недостатком работы А. И. Сидорова является другое — попытка автора представить дело так, будто Евагрий был ошибочно осужден V Вселенским Собором и будто он вовсе не был оригенистом, как то представлялось Отцам этого Собора. К такому выводу автор пришел из-за того, что, не зная сирийского языка, не сумел полностью ознакомиться с наследием Евагрия, которое гораздо полнее сохранилось в сирийских версиях, чем в греческом оригинале. Все, что знает автор о “сирийском Евагрии”, почерпнуто им из работ западных ученых, в частности, супругов А. и К. Гийомонов, чьи выводы Сидоров оспаривает не на основе самостоятельного изучения источников, а на основе материала, собранного теми же Гийомонами. (Тем самым Сидоров нарушает золотое правило всякого рода научной критики: для того, чтобы оспорить выводы того или иного ученого, необходимо знать больше, чем этот ученый, и оперировать большим количеством ис-

² Творения аввы Евагрия. С.113—128.

точников; только на основании дополнительной работы с источниками можно опровергнуть выкладки этого ученого.)

Суть дела здесь в следующем. Дошедшие до нас греческие тексты Евагрия не позволяют сделать однозначный вывод относительно его оригенизма. Очевидно, разгадку следует искать в сирийских версиях его сочинений. Существуют две основные сирийские редакции Евагрия: первая (C1) — не содержащая оригенистических идей, и вторая (C2) — содержащая их. Открывший вторую редакцию А. Гийомон в своей докторской диссертации доказывал, что эта редакция текстуально ближе к греческому оригиналу, чем первая. Именно вторая редакция, по мнению ученого, и отражает тот греческий оригинал Евагрия, который был осужден V Вселенским Собором.

А. Сидорову хочется доказать обратное. Для этого он предпринимает попытку сравнить греческий текст двадцати восьми «Практических глав» Евагрия с обеими сирийскими редакциями этого произведения (очевидно, в их французском переводе). Каков же результат? В первой редакции имеется двадцать разночтений с греческим оригиналом, а во второй — всего шесть. Казалось бы, вывод напрашивается сам собой: вторая сирийская редакция ближе к греческому оригиналу. Однако Сидоров делает прямо противоположный вывод: первая редакция соответствует греческому оригиналу, а вторая является его искажением. Чтобы доказать это, автор говорит буквально следующее: «Все разночтения C1, за исключением лишь одного, на наш взгляд, несущественны». К этому, собственно, и сводится все доказательство: там шесть разночтений, здесь двадцать, но эти двадцать «на наш взгляд, несущественны».

За что же Евагрий был осужден V Вселенским Собором? Пытаясь ответить на этот вопрос, автор выдвигает гипотезу о том, что в руках у Отцов Собора была какая-то «испорченная» оригенистами VI века редакция текстов Евагрия, не соответствующая его подлинному учению. Такой испорченной редакцией должна быть та, что отражена во второй сирийской редакции.

Можно даже высказать гипотезу, — пишет автор, — что кем-то из этих позднейших оригенистов (Иоанном Египтяни-

ном?) и было проведено соответствующее редактирование его [Евагрия] “Умозрительных глав”, в результате чего и появилась их вторая редакция (не исключено, что это редактирование было осуществлено по греческому оригиналу)³.

Гипотеза автора абсолютно беспочвенна. Не говоря уже о том, что проведенная А. и К. Гийомонами текстологическая критика прямо свидетельствует об обратном (а именно, о сходстве С2 с греческим оригиналом), можно указать на следующее обстоятельство. В истории Церкви чрезвычайно редки случаи, когда еретики “портили” богословские тексты, внося туда свои взгляды. Наоборот, нередко случалось, что, когда тот или иной автор оказывался осужденным Церковью, его сочинения редактировались в сторону большей верности церковной доктрине. Именно так, очевидно, и произошло с Евагрием. И именно С1 следует считать такой “отредактированной” версией, из которой были изъяты оригенистические взгляды, как бы ни хотелось Сидорову доказать обратное.

Помимо Гийомонов, наследием Евагрия занимался еще один выдающийся ученый нашего времени — Алоиз Грильмайер, автор многотомного исследования по истории развития христологической доктрины в эпоху ранней Церкви и Вселенских Соборов. Ему удалось реконструировать христологическую систему Евагрия и убедительно доказать, что “основные постулаты оригеновской христологии, осужденные II Константинопольским Собором (553 г.), были взяты не из сочинений самого Оригена, но из «Умозрительных глав» Евагрия”⁴. Иначе говоря, Евагрий был даже еще большим оригенистом, чем сам Ориген! Грильмайер, в частности, усматривает у Евагрия еще больший интеллектуализм в понимании Боговоплощения, чем тот, что имеет место у Оригена. Кроме того, у Евагрия, как утверждает Грильмайер, имеется ошибочное учение о “Лице Воплощения”: Евагрий считал, что плотью стал не столько предвечный Логос, сколько предсуществовавшая душа, в которой

³ Творения аввы Евагрия. С.51—52.

⁴ Grillmeier A. Christ in Eastern Christian Tradition. Vol. 1. Atlanta, 1975. P. 378.

жил Логос. Таким образом, Христос в понимании Евагрия — это прежде всего предсуществовавшая душа (ср. оригено-платоновское учение о предсуществовании), “помазанная” Богом Словом, то есть соединившаяся с Ним через наивысшее знание⁵. Душа, о которой идет речь, является также “умом” (νοῦς): именно к этому “уму”, соединенному с Логосом, относится имя “Христос”. Грильмайер приходит к следующим выводам:

Евагриевское восприятие Христа является односторонне индивидуалистичным... Оригенистическая христология достигает у него своей кульминации... Евагрий интерпретирует Боговоплощение в терминологии “мистического союза” [“ума” с “Логосом”]... Евагрия интересует только “ум Христа”... Реальность Его плоти не имеет значения для искупленного мира. Плоть — лишь временное явление “ума-Логоса” для нас. Важны только дух и знание... Все единство [личности] Христа основано на знании... В своем резком оригенизме [Евагрий] рассматривает сотворение материи и само восприятие тела “умом Христовым” как некий “несчастный случай” со всеми его печальными последствиями⁶.

Почему Сидоров замалчивает выводы немецкого ученого, ограничиваясь лишь необоснованным обвинением в том, что Грильмайер якобы “подогнал” христологию Евагрия под некую готовую богословскую систему? Именно потому, что сам Сидоров “подгоняет” Евагрия под свою идею о том, что Евагрий был ошибочно осужден V Вселенским Собором. Для Сидорова не авторитетны не только мнения обоих Гийомонов, Грильмайера и других ученых (в частности, Ф. Рефуле и Р. Лоренца), которые на основе тщательного изучения греческого и сирийского текстов Евагрия пришли к выводу об оригенизме Евагрия; не авторитетна для него даже церковная традиция. Путем “подгонки” он пытается доказать, что все крупные церковные писатели, включая блаженного Диадокха, преподобных

⁵ Ibid. P. 380.

⁶ Ibid. P. 383—384.

Марка Подвижника, Максима Исповедника, Иоанна Лествичника, Симеона Нового Богослова и Григория Синаита, а также святителя Григория Паламу, находились под влиянием Евагрия. “Подгонка” эта, однако, не подкрепляется никакими серьезными аргументами. Вот, например, что Сидоров пишет о влиянии Евагрия на преподобного Петра Дамаскина: “Еще большее влияние «евагриано-максимовской» аскетики ощущается в сочинениях преподобного Петра Дамаскина, ибо основная их тема — гармоничное единство делания и созерцания”⁷. И это все! Но “единство делания и созерцания” является лейтмотивом всей святоотеческой традиции: эту тему никак нельзя сводить к Евагрию.

Нередко Сидоров сам вынужден признаться в том, что притягивает Отцов к Евагрию “за уши”. По поводу преподобного Симеона Нового Богослова (который, по-видимому, никогда не читал Евагрия) Сидоров пишет: “Вычленив из этого духовного «синтеза» [т. е. из учения Симеона] элементы, восходящие к Евагрию, достаточно сложно”⁸. О связи Николая Кавасилы с Евагрием Сидоров пишет, что эта связь “более слаба и менее заметна”⁹. О влиянии Евагрия на русскую православную культуру, по признанию Сидорова, “трудно сказать что-либо определенное”¹⁰. Если все эти связи являются столь неопределенными и слабыми, что даже и указать на них “сложно”, зачем вообще нужен этот обзор мнимого влияния Евагрия на последующих авторов?

Что касается отношения Отцов Церкви к Евагрию, то гораздо более иллюстративными и конкретными являются их собственные высказывания о нем. Вот, в частности, что говорят о Евагрии святые Варсануфий и Иоанн (VI в.):

Брат спросил святого старца авву Варсануфия: Не знаю, отец мой, каким образом увлекся я книгами Оригена, Дидима и гностическими (сочинениями) Евагрия и учеников

⁷ Творения аввы Евагрия. Предисловие. С. 65.

⁸ Там же. С. 63.

⁹ Там же. С. 72.

¹⁰ Там же. С. 73.

его. Они говорят, что души человеческие были созданы не вместе с телами, но прежде их были простыми умами, т. е. бестелесными; подобно сему и ангелы и демоны были простые умы. И люди, падши в преступление, осуждены были жить в теле сем, Ангелы же, сохранивши себя, сделались Ангелами... *Ответ* [Варсануфия]: Это догматы языческие. Это пустословие людей, которые думают о себе, что они нечто значат. Это слова людей праздных. Это порождение прелести... *Вопрос*: Ужели не должно читать книг Евагриевых? *Ответ Иоанна*: Не принимай только таких мнений, а если хочешь, читай там то, что служит к душевной пользе¹¹.

Блаженный Иоанн Мосх (VII в.), автор “Луга духовного”, описывает видение некоего брата, который видел “место мрачное, смрадное и испускающее пламя”: там находился Евагрий вместе с другими еретиками (Оригеном, Дидимом, Несторием, Евтихием)¹². В другом месте Иоанн Мосх говорит о Евагрии как человеке, которого “совратил” злой дух, “отвратив от правой веры” и “внушив ему нечестивые мысли”¹³.

Любопытное высказывание по поводу Евагрия мы находим у преподобного Иоанна Лествичника (VII в.): “Богопротивный Евагрий воображал, что он из премудрых премудрейший, как по красноречию, так и по высоте мыслей; но он обманывался, бедный, и оказался безумнейшим из безумных...”¹⁴

Приводя эти мысли авторов VI-VII веков, мы отнюдь не пытаемся доказать, что однозначно отрицательный взгляд на Евагрия, сложившийся в эпоху после V Вселенского Собора, является вполне объективным по отношению к этому, несомненно, выдающемуся писателю. Мы приводим их с единственной целью — показать неубедительность гипотезы Сидорова о том, что едва ли не вся свято-

¹¹ *Варсануфия и Иоанна руководство к духовной жизни*. СПб., 1905. С. 381—384.

¹² *Луг духовный*. Сергиев Посад, 1915. С. 33.

¹³ Там же. С. 209—210.

¹⁴ *Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица*. С. 107.

отеческая традиция в Византии и на Руси была основана на учении Евагрия.

Скажем еще несколько слов о комментариях Сидорова к произведениям Евагрия. Эти комментарии составляют основную часть тома (свыше 200 страниц). Они, однако, не являются в прямом смысле комментариями к тексту, поскольку *не разъясняют* текст. Скорее, они являются размышлениями Сидорова по поводу тех или иных аспектов духовной жизни, с привлечением самых разнообразных патристических источников, а также западной научной литературы. Комментарии призваны, очевидно, продемонстрировать эрудицию их автора. Во многих случаях комментарии поражают своей ненужностью: они как будто “прилеплены” к тексту Евагрия, тогда как сам текст в них совершенно не нуждается.

Вот, например, фраза из “Зерцала иноков и инокинь”: “Враги Господа шли мне навстречу, бесы [прелестными] речами боролись со мной, и я не узревал в словах их истинного света”¹⁵. К этому тексту имеется пространный комментарий, в котором автор утверждает, что выражение “истинный свет” показывает зависимость Евагрия от св. Иоанна Богослова (Ин. 1:9; 1 Ин. 2:8). После этого рассматривается учение Симеона Нового Богослова и Григория Паламы о видении Божественного света. Затем Сидоров ссылается на “недавно открытое” Слово св. Григория Синаита на Преображение Господне и пересказывает его содержание. Комментарий Сидорова, таким образом, демонстрирует знакомство автора с литературой о Симеоне Новом Богослове и Григории Паламе, а также со Словом святого Григория Синаита, хотя и “недавно открытым” (в 1981 г.), но уже обработанным Сидоровым (не отстающим, следовательно, от современной науки). Чего мы не находим в пространном комментарии Сидорова, так это собственно *комментария* к словам Евагрия о борьбе с бесами.

В заключение хотелось бы сказать о том, что публикация переводов творений Святых Отцов и учителей Церкви, а также других произведений древнецерковной письменности — дело весьма важное и чрезвычайно ответственное. В Русской Православной Церкви

¹⁵ Творения аввы Евагрия. С. 137.

до революции 1917 г. этим занимались четыре духовные академии — Московская, Санкт-Петербургская, Киевская и Казанская. Плодом коллективного труда многих весьма талантливых профессоров и студентов, трудившихся на этой ниве, стали многотомные переводы творений Святых Отцов с греческого, латинского, сирийского, армянского и других древних языков. Успех этой поистине гигантской работы был во многом обусловлен тем обстоятельством, что переводчики трудились сообща, координировали свои усилия друг с другом. Подобная деятельность, разумеется, была бы не под силу одному или нескольким ученым, сколь бы талантливыми они ни были.

Остается надеяться на то, что в современной России на базе духовных академий и других богословских учебных заведений будет создана школа православных патрологов, которые в тесном сотрудничестве друг с другом смогут изучать, переводить и публиковать святоотеческие тексты вместе с соответствующими комментариями к ним. Только с появлением такой школы дело изучения и перевода святоотеческих текстов сможет подняться на качественно иной уровень.

Г. Филимонов

В следующем номере:

•
К 70-летию со дня рождения
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II

•
Святейший Патриарх Московский и всея Руси
АЛЕКСИЙ II

«Я с надеждой смотрю на XXI век...»

•
Святейший Патриарх Московский и всея Руси
АЛЕКСИЙ II

Слова, речи и интервью разных лет

•
Митрополит Смоленский и Калининградский **КИРИЛЛ**
«Интегрировать Церковь в жизнь
современного общества»

•
Архиепископ Костромской и Галичский **АЛЕКСАНДР**
«Молиться, трудиться и делать добро людям»

•
Епископ Диоклийский **КАЛЛИСТ**
Сила Имени. Иисусова молитва
в православной духовности